

Р.Ю. Ибрагимов

**РУССКАЯ РУЛЕТКА?
Национальный вопрос и судьба России**

**МОСКВА
ИМПЕРИУМ XXI ВЕК * РУССКАЯ ПАНОРАМА
2009**

ISBN 978-5-93165-241-2

Книга посвящена актуальной проблеме – месту и значению национального компонента в современном обществе.

В ней проанализированы данные социологии, политологии, истории и сопряженных наук об этнокультурном разнообразии народов мира, особенностях национального развития прошлой и настоящей России, даны оценки роли национального фактора в системе современных государственных и межгосударственных отношений. В книге 6 глав, в которых обсуждаются отдельные аспекты национального вопроса. Приводятся соответствующая литература и глоссарий.

Книга предназначена для социологов, политологов, культурологов, философов и представителей других гуманитарных специальностей.

ВВЕДЕНИЕ

Человечество вступило в качественно новый этап своего развития. XXI век характеризуется дальнейшим научно-техническим прогрессом, тенденциями к всеобщей информатизации, глобализации, нарастанием энергетических, экологических, демографических проблем и т.д.

Наша древняя Земля – единственная из известных на настоящий момент планет, населенных разумными обитателями. Ее возраст – 4,6 миллиарда лет. Имеется образный анализ генеза солнечной системы, проведенный специалистами. За время своего существования Земля вместе с Солнцем сделали 23 оборота вокруг центра Галактики. А с человеком ею пройдено всего 1/133 часть этого великого космического пути. Если условно принять возраст Земли за 24 часа, то тогда человечество начало развиваться всего лишь в течение последней минуты, а история людей современного типа, сложившегося около 40 тысяч лет назад, уложится в одну секунду.

С точки зрения возраста планеты эпохи развития человечества и его проблемы кажутся мизерными. Более того, люди делают все, чтобы нарушить гармонию сосуществования во времени и пространстве с великой Землей и обретенное с ней единство.

Смена поколений происходит каждые 25 лет. Следовательно, начиная с кроманьонца, история человечества насчитывает всего 1600 поколений: 1200 из них люди прожили в пещерах, 240 – в условиях письменности, 22 – имели возможность читать печатные книги. При электричестве живет лишь пятое поколение людей. Автомобили, самолеты, радио, кино стали частью достижений цивилизации всего около четырех поколений назад. Телевидение существует немногим более двух поколений, почти столько же – компьютеры.

До 1600 года до н.э. самым быстрым видом транспорта была навьюченная лошадь, передвигающаяся со скоростью около 15 километров в час. С изобретением колеса максимальную скорость удалось увеличить примерно до 32 километров в час.

К концу 60-х годов XX века самолеты с реактивным двигателем приблизились к скорости шести тысяч километров в час, сейчас – к десяти тысячам, а космические корабли развивают скорость более 20 тысяч километров в час.

С XIX века используются телефон, телеграф, двигатели внутреннего сгорания, множество других изобретений, обретающих власть над пространством и временем.

Только при жизни четырех-пяти последних поколений произошел немислимый фантастический скачок темпов жизни, ускорения развития технологической культуры и мышления. По сути дела, за период 99,7% пройденного человечеством исторического пути эпохальных цивилизационных сдвигов в развитии общества практически не происходило.

Большинство человечества попало в неотвратимый поток бурно прогрессирующей цивилизации. Беспрецедентное ускорение темпа жизни нарушило душевное равновесие, существовавшее тысячелетия. Чтобы выжить, избежать шока от столкновения с настоящим и будущим, человек должен находить новые способы сохранения жизненной устойчивости, поскольку прежние ориентиры (религиозные, исторические, этнические, общинные, семейные, профессиональные, территориальные, языковые, экономические, культурные) не выдерживают испытания под давлением современных условий.

Отношения между людьми приобретают временный, дискретно-непостоянный, потребительский характер. Люди, как вещи, проходят «через нас» и «мимо нас», не задерживаясь. Мы не слишком вникаем в запросы, проблемы, состояния встретившегося по жизни человека. Своими проблемами мы стараемся не обременять других. Принцип эгоцентризма, прагматизма все больше доминирует в психологии и сознании людей. Пространственная мобильность пронесит всех через калейдоскоп территорий, стран, людей.

Средства массовой информации обрушивают поток сведений, которые обычный человек не в состоянии воспринять и осознать. Каждый день наполнен нескончаемой вереницей диковинных происшествий, сенсационных открытий, невероятных событий, конфликтов, сносшибательных новых дилемм и альтернатив.

Создает проблемы также демографическая ситуация на планете, которые приходится решать уже сейчас и предстоит в будущем (Капица С.П., 1999) [41].

При этом изменение мира должно, казалось бы, также кардинально изменить человеческое сознание во многих его аспектах – в эмоционально-чувственной сфере, интеллекте, психологии, воле, самосознании и др. Закончив физическую эволюцию, отдельная личность должна эволюционировать в направлении духа, разума, нравственности, развития в себе чувства единства, осознания себя органической частью человечества. Ведь реальность окружающего мира изменилась полностью, и сейчас фактически происходит рождение человека нового типа – «Homo socialis».

Однако по инерции люди все еще будто бы живут в первобытном мире, где действовали древние законы выживания человеческого рода. Они в большинстве своем до сих пор не мыслят себя вне племени, вне этноса, вне нации, вне традиций, вне догм, довлеющих над ними.

Нам трудно отказаться от не всегда правильной, но зато такой привычной системы социальных параметров. Свойственный мышлению консерватизм зачастую на десятки, сотни лет отодвигает, «кладет в стол» столь необходимые человечеству технические и гуманитарные прорывы в будущее. В свое время Наполеон с презрением отнесся к проекту парового судна Фултона. Основатель современного всемирного почтового союза Стеффен выгнал юного Ратенау, когда тот предложил эдисоновский телефон, назвав его «дурацким изобретением». Русская критика говорила об оскудении русской литературы как раз в те времена, когда ее создавали Толстой и Достоевский.

Интеграционные процессы и реалии современной цивилизации точно так же требуют пересмотра, переосмысления устоявшихся понятий, штампов, окаменевших стереотипов мышления, которые уже не помогают человеку в жизни, а тормозят его развитие и деятельность, уводят в прошлое, создавая преграды, инициируя конфликты, возводя несоответствия и противоречия в еще большую степень. Продолжают действовать, по сути, губительные стереотипы: «нация», «зов предков», «голос крови», «слепая вера», «родная земля», заставляя цепляться за них, как когда-то русских адмиралов – за отжившие свой век парусники. И все это – на фоне увеличивающегося единого жизненного пространства, расширения горизонтов общечеловеческих контактов, конструктивного взаимодействия и взаимопроникновения людей, народов, континентов, языковых и культурных интеграций, научно-технического прогресса и т.д.

Реальность современного бытия – планетарная, а социальные параметры самосознания, как и прежде, остались в пределах общинной территории или удельного княжества.

Практическая задача реальности – переход на новое системное мировоззрение, мышление и восприятие современных мировых процессов и явлений во всем их многообразии и сложности. Научно-технический прогресс в области отношений человека и социума требует переосмысления его самосознания и мироощущения в плане принадлежности не к замкнутому, ограниченному миру, а к единому сообществу.

Весь ход развития цивилизации приводит к такой стадии, когда неизбежной и закономерной станет его самоидентификация личности по более высокому статусу – не по этносу, а через гармонию во взаимодействии со всем человечеством. Ведь каждый из нас – частица великой системы мироздания.

Поэтому человек будущего, а во многих случаях уже и настоящего, является землянином, гражданином мира и Вселенной, а не татаринном или тирольцем, грузинном или датчанином.

Будущий новый мир – это наднациональный, планетарный социум, универсальное человечество. И как бы ни хотелось отдельным ученым и политикам с атавистическим мышлением придумать себе замкнутую, по сути, феодальную жизнь за стенами привычной крепости, осуществить это невозможно. Наидревнейшая китайская цивилизация, отгородившись стеной от мира, в результате на тот момент, не расцвела, а пришла в упадок. Вселенский универсальный закон всеединства действовал и действует всегда.

Ныне прежние, работавшие в условиях иных общественных формаций объективные законы социального развития свертываются и исчезают перестают действовать перед лицом новой науки и методологии, основанной на синергетическом подходе к

современным проблемам. Старые идеологизированные и политизированные понятия не в состоянии выразить содержание исследуемого феномена.

Мир оказался сложнее, чем это могли себе представить даже самые известные и проверенные временем фундаментальные теории.

Социальные законы человеческого бытия существуют объективно. Они действуют применительно к социуму так же, как законы физики, механики, математики в материальной системе мира.

К сожалению, они еще не осмыслены и не оценены в должной мере. Но, действуя независимо от нас, они, как подземные потоки воды, выбиваются на поверхность, стремясь к единой могучей реке жизни. И это – объективная реальность.

Хотя, как это ни парадоксально, вся история жизни человека на Земле состоит из нарушения этих законов. Не понимая закономерностей мироздания, люди все время пытались и пытаются создать отдельные изолированные мирки счастья, отдельный город Солнца и прочие утопические варианты. Они тем самым старались уйти от вселенского закона единства происхождения, существования и развития.

Человек, как и мир, – величайшая ценность. Это – целая вселенная, уникальная и неповторимая, но, к сожалению, не ставшая для него самого фактом самосознания. Идет третье тысячелетие, а люди мыслят доисторическими категориями, упершись в стереотипы разобщенности, эгоизма и этноцентризма. Возводя национальные, религиозные, политические, экономические, информационные границы, они усугубляют раскол и провоцируют насилие, жестокость, которые не пощадили в свое время ни империй, ни отдельных народов.

Для многих и сейчас зримая реальность современного мира во всем его взаимодействии, взаимопроникновении, взаимообогащении, совместном развитии виртуальна: люди по-прежнему предпочитают скрываться и прятаться в своей раковине – будь-то отдельный человек, сообщество или государство.

Сегодня мы подошли к такому рубежу, за которым права на очередную ошибку нет. Если сто и тысячу лет назад нарушение социальных законов единства и содружества грозило потерей тысяч, миллионов человеческих жизней, то сегодня, с учетом потенциала накопленного оружия и опасных технологий, оно может привести к гибели всего живого на Земле.

Естественным, жизнеспасающим для человечества является закон всеединства, согласно которому каждый должен действовать во имя всеобщего блага, а значит, для блага каждого. Нарушения этого закона приносили и продолжают приносить цивилизациям неисчислимые беды. Противостоят объединительным процессам бессмысленно.

Люди должны победить порочный стереотип – объединяться не против кого-то, а за единение всех со всеми, за единство в многообразии через уважение ко всем и каждому, через наполнение всех и каждого энергией единого сообщества народов, их здоровьем, духовностью, интеллектом. Этот вектор развития должен стать определяющим.

В настоящей книге проводится обсуждение места и значения национального вопроса в жизни современного общества на материале России и других стран, осуществляется исторический, социологический и этнокультурный анализ данной проблемы. Проанализирована большая литература по различным аспектам национального

вопроса [10, 14, 35, 48, 63, 64, 71, 74, 75, 76, 79, 81, 106, 113, 114, 117, 118, 123], социологии [25, 82, 85, 87, 89, 100], политологии [8, 27, 66, 67, 68, 73, 103], общим тенденциям развития человечества в историческом ракурсе [12, 21, 30, 55, 60, 61, 62, 65, 102, 115, 126]. На основании анализа и сопоставлений делаются соответствующие выводы, рекомендации, предложения.

ГЛАВА 1. Генезис национального в истории научной мысли

1.1. Общие положения

Феномен национального всегда был в центре внимания мыслителей прошлого и современности. Исходя из понятия генезиса как последовательного развертывания событий возникновения, формирования и дальнейшего движения, мы также употребляем термин «генезис нации».

Нынешнее осознание того факта, что различные общности людей взаимосвязаны, взаимозависимы, базируется на новейшей методологии, в частности, на методе системного анализа. В этом плане исследования философов, социологов, этнологов, социальных психологов в достаточной мере обеспечивают существование концепции разнородности человечества как одной из основ его единства, которое выражается в общих законах развития наций.

Главными вопросами остаются:

- как возникли и как существуют нации;
- каков механизм взаимоотношений между индивидом и нацией, государством, обществом, человечеством;
- каковы основные законы и тенденции развития (биологического, психического, интеллектуального, духовного, социально-исторического) наций; их сущностные возможности и вероятность воплощения в реальность;
- какова будущность наций и др.

Поскольку в прошлом мало употреблялась категория «этнос» (чаще – «народ», «нация»), то иногда эти термины могут использоваться в синонимическом смысле. Тем более что нация в науке – это ступень генезиса этноса.

Социально-этническое развитие общества, прошедшего путь от рода и племени к народности, а от нее – к нации, предоставило богатый материал как для этнографических, социологических, социально-психологических и других исследований, так и для лженаучных спекуляций, мистификаций и непредумышленных заблуждений. Используемые в литературе определения часто неоднозначны, противоречивы и скорее дополняют те или иные более общие понятия: например, «национальное государство», «национальная экономика», «национальная безопасность» и т.д. Причем, во многих случаях понятие «национального» выступает как равнозначное с понятием «государственное» (это встречается как в русскоязычной, так и в англоязычной литературе).

1.2. Исторический анализ теорий генеза наций

1.2.1. Зарубежная классика

Попытки создать теоретически обоснованное представление о сущности нации начали появляться на ранних этапах ее становления как социально-этнической общности. Первооткрыватели в этой области – представители немецкой классической философии – являются живыми свидетелями начала образования национальных государств.

Первая теория генезиса нации впервые описана в концепции И. Канта, который фиксирует появление нации в тезисе о необходимости различения нации и народа.

Надо отметить, что этот вопрос до сих пор терминологически запутан, поскольку само появление нации Кант объясняет осознанием частью народа своей национальной принадлежности. Определяющим признаком единого народа Кант считал общую территорию [39]. Объединение народа по территориальному и родовому признаку в осознающее себя гражданское целое и есть, по его мнению, нация. Кант и в этом случае мотивирует возникновение феномена национального его доступностью только определенной части народа – аристократии и буржуазии. Та же часть народа, которая не осознает своей гражданской объединенности, – чернь, толпа – не имеет национальных признаков и объединена в нацию лишь насильственным путем. Если не считать последнего замечания, которое явно несет отголосок этнических представлений донационального уровня, то взгляды Канта мало чем отличаются от традиционной для современной западной философии позиции, согласно которой, «нации не рождаются, они делаются», а их целенаправленное формирование происходит в определенный исторический период и достигается через консолидацию национального сознания. Главными инструментами при этом выступают государство и церковь.

Кант полагал, что переход от народа к нации возможен благодаря наличию у людей некоего врожденного свойства – национального характера, в формировании которого основную роль играет общность территории. В своем историческом развитии национальный характер может дополняться свойствами, приобретенными в ходе этого формирования, однако последние всегда являются следствием врожденных черт. Более всего из всех социальных условий на черты национального характера влияют формы правления и общественное устройство, хотя сами они суть не что иное, как проявление «естественного духа нации» [40].

Таким образом, Кант выводит признаки нации (единая территория, национальное самосознание, национальный характер, национальная государственность), отличающие ее от донациональных общностей. Национальное самосознание у него – это более широкое понятие, чем осознание своей этнической принадлежности, но в то же время государство, через которое только и могут реализоваться национальные черты, характеризуется им как продолжение и воплощение природных процессов. В соответствии с этими двумя направлениями (этническим и социальным) в развитии человека развивались все последующие теории нации и национального.

Чтобы иметь более точное представление о том, на что опирался Кант, следует обратиться к понятию «этнос». Генетически этнос возникает из рода и племени и представляет собой межпоколенную группу людей, объединенную длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием. Основными признаками этноса являются локальность, консолидированная как форма активной адаптации к региональным условиям природной среды посредством выработанного уникального способа деятельности – культуры.

Содержание понятия «этнос» образуется совокупностью признаков в их интегрированности. К ним относятся: наличие определенной группы людей, имеющих общую территорию проживания и деятельности; наличие устойчивого самосознания, этнонима, который трансформируется в языках других народов; самосознание через

антитезу «мы – они», включающее в себя историческую память, знания о возникновении и исторических этапах жизни своего этноса, национальные чувства и интересы; общая культура, включая язык, религию.

Таким образом, главное, что создает этнос – это привязанность к территории и сформированная в этой связи культура. Культура этноса постоянно развивается по мере освоения занимаемой этносом территории. Следовательно, возникают и новые формы сознания. Именно в этот период возникает нация как объединяющая идея, способная вызвать в сознании избранных представителей социума адекватную оценку существующего культурного уровня последнего и привести к соответствующим действиям в целях создания нового, более совершенного сообщества.

Осмысление феномена нации также предложено в концепции И.Г. Фихте [101]. Касаясь в общеметодологическом плане вопроса о соотношении нации и государства, где государство объявлялось злом, но необходимым, и где «национальный дух» превозносился и абсолютизировался, Фихте основное внимание уделил вопросам отличия (читай – превосходства) немецкой нации перед другими («Речи к немецкой нации», «Замкнутое торговое государство») [101]. Это не было выражением «прирожденного шовинизма». Просто Фихте рассмотрел проблему на конкретном материале – немецкой нации, которая действительно являлась одной из первых государственно структурированных социально-этнических общностей.

1.2.2. Отечественные научные школы о сущности нации

В XIX веке интерес к нации стали проявлять отечественные философы. На формирование их взглядов заметное влияние оказали идеи И.Г. Фихте. Русская «вера в светлое будущее» в данном случае совпадала с идеей «национального духа». Это касается, прежде всего, теории «официальной народности» (Шевырев С.П., Погодин М.П. и др.), суть которой заключается в следующем. Россия – это совершенно особое государство, а русский народ – особая национальность, не имеющая ничего похожего с государствами и национальностями Европы. Последняя теоретически выработала идеал государства как оплота единства разума, воли, чувства. Достижение этого идеала однако, на Западе реализуется через постоянные революции. Поэтому этот идеал в полной мере, по мнению авторов теории, мог практически воплотиться только в России, которая сохранила в целостности исконные принципы народной жизни: послушание, смирение, религию предков, уважение к властям. Неприкосновенность этих принципов должна освящать религия, но при условии, если она сама сохранит в чистоте свое вероучение. Западные революционные идеи, в принципе, чужды русскому народу и портят образованную часть общества, среди которой распространяются. «Просвещенное» правительство, выражающее действительные, а не ложные, по мнению идеологов «официальной народности», национальные идеи, обязано препятствовать распространению национально чуждых теорий и идей.

Защитниками концепции нации, основанной на понятии «духа наций» в России, стали славянофилы. Свою основную задачу они видели в формировании единого национального духа народа. Дело было не в том, что народ не имеет национального чувства или «духа», а в том, что, по их мнению, это национальное чувство народом не

осознается. Долг осознавшей себя в качестве нации части народа, к которой славянофилы, прежде всего, относили себя, – передать всему народу это осознанное национальное чувство.

Славянофильство сложилось тогда, когда Россия вступила в полосу кризиса крепостничества. Отличающиеся от западных черты экономической, государственной системы указывали, как казалось славянофилам, на возможность особого общественного переустройства, сочетающего в себе черты Востока и Запада. По сути, предпринималась попытка определить направление социального развития через национально-специфическую определенность своего народа и государства.

Несомненным достоинством концепции славянофилов была попытка рассмотреть судьбу нации в контексте мировой истории. Так, один из крупнейших представителей славянофильства И.В. Киреевский, в определенном смысле предвосхищая необходимость соотнесения категорий «национальное», «межнациональное» и «интернациональное», рассматривает идею национального на фоне универсального мирового исторического процесса. Гармоничного соотношения национального и интернационального, по мнению И.В. Киреевского, можно добиться путем отказа от обеих этих крайностей, что и будет означать синтез их лучших сторон и отбрасывание худших, а также восприятие западных форм жизни, но одухотворенных более высокими началами, прежде всего, религиозными. Противоречие, таким образом, разрешится и для русской нации, что даст ей перспективу исторического развития, и для западной цивилизации, уже разочаровавшейся в рационализме «государственной национальности». Взамен их И.В. Киреевский предложил понятие цельности чувства общности нации, ее моральных, духовных, эстетических, религиозных ценностей, а в конечном итоге – единство народа в его «национальном духе» [43]. Сходные мысли развивают и некоторые современные исследователи, например, В.Н. Тростников [93, 94].

Оригинальные точки зрения по национальному вопросу имели известные отечественные литераторы и критики XIX века. Так, например, В.Г. Белинский, дает такое определение основных понятий концепции нации: «... Нация выражает собою особое понятие о совокупности всех сословий государства. В народе еще нет нации, но в нации есть народ» [13]. Сравнение нации с донациональными общностями, сопоставление национального и общечеловеческого, по его мнению, соотносятся так же, как индивидуальное и национальное. Всякая нация включается в историю тем значительней, чем богаче ее вклад в общечеловеческое дело. В.Г. Белинский был, пожалуй, первым мыслителем, который в своих рассуждениях о нации не обошел вниманием человека. Хотя его человек – это скорее существо этическое, нежели этническое, но сам факт индивидуализации национальных черт достаточно примечателен.

В философскую основу теоретических взглядов на нацию Н.Г. Чернышевского нации положено два принципа: антропологический и единство человеческого рода. Н.Г. Чернышевский полагал, что конкретное воплощение этих принципов надо искать в истории народов и общества. Хотя Н.Г. Чернышевский и придавал большее, чем Л. Фейербах, значение социальным факторам в жизни человека, но «социальным атомом» он считал индивида, в котором переплетаются природное и социальное. Сумма индивидов составляет народ, а сумма индивидуальных качеств личностей – набор особенностей народа. Отсюда – изменение качеств отдельных людей приводит к изменению народа в

целом. При таком подходе следовало бы искать признаки нации в характере отдельных людей, а не объяснять их поведение особенностями нации, как это принято практически во всех современных концепциях национальных отношений, независимо от того, постулируются эти признаки как врожденные или благоприобретенные [107].

1.2.3. Различные концепции нации: XVIII–XX вв.

При историческом анализе теоретических взглядов на проблему генеза наций порой трудно отделить персоналии от содержательной сути. Поэтому в данной рубрике будет осуществлен суммарный анализ авторских воззрений и самого предмета.

Новый вклад в теорию о сущности наций внесли представители позитивистской социологии. Они позволили подойти к исследованию национальных отношений как следствию и продолжению природных биологических связей. Особый акцент стал делаться на природные, естественные различия наций.

Вопрос о природе нации, кроме того, рассматривался в рамках так называемого географического детерминизма. Такие феномены, как «дух народа» (Ш.Л. Монтескье), «темперамент рас» (Л. Вольтман), «национальная идея» (Э. Ренан), «пассионарные толчки» (Л.Н. Гумилев) [31], определяющие всю хозяйственную, политическую, социальную жизнь народа, по мнению представителей этого направления, зависят от климатических, ландшафтных и прочих природных условий. Так, Л. Вольтман в качестве определяющих форму и способ государственного правления рассматривает два рода факторов: психологические особенности народов и темперамент рас. И.Г. Гердер, анализируя особенности политической жизни народов, тоже приходит к выводу о влиянии природных условий и этнической динамики на особенности государственности.

Социология XIX века в лице Ф.Г. Гиддингса ставит в зависимость от условий природной среды, естественного «священного закона развития» (Л. Вольтман) такие феномены, как социальная структура, способы организации общественной жизни народов. Позднее эта идея развилась во множество различных течений в исторической, социологической, философской науке. Одной из примечательных попыток такого рода была концепция Н.Я. Данилевского, основные выводы которой впоследствии дали толчок большому числу концепций исторического процесса как смены замкнутых организмов [32].

По Н.Я. Данилевскому, история человечества есть последовательная смена нескольких культурно-исторических типов: египетского, китайского, ассириовавилонского, индийского, иранского, еврейского, греческого, римского, арабийского и, наконец, европейского. Культурно-исторический тип представляет собой целостный организм, подчиняющийся внутренним закономерностям развития, этапы которого подобны фазам жизни любого живого организма: рождение, расцвет, гибель. Соответственно, этапы называются древней, средней и новой цивилизацией, которую представляет какой-либо один народ. Каждый народ, отжив свой срок, уступает место более свежему и молодому – это закон в развитии каждого народа (нации).

«Индивидуальные» признаки нации абсолютизируются в концепциях О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби.

В XX веке произошла известная поляризация взглядов в сфере определения признаков нации, связанная с появлением марксизма, суть подхода которого сводится к следующему.

- Основной признак нации – наличие определенной системы экономических связей, а именно: капиталистических.
- Структурирование наций связано со становлением национальных государств.
- Существуют два типа наций, один из которых основан на существовании социально-антагонистичных структур.
- Классовые отношения имеют приоритет над национальными.
- Ликвидация социальных антагонизмов ведет к становлению интернациональной, а затем и безнациональной общности.

У Маркса и Энгельса нет определения нации в строгом смысле этого слова, но зато хорошо описан в их «Манифесте коммунистической партии» процесс образования наций, при котором «буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами, таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным интересом, с одной таможенной границей».

В контексте марксистского подхода следует представить работу И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в которой он дает свою известное определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [88].

Последователи марксизма в СССР определяли место той и иной нации в жизни общества в зависимости от ее политического самоопределения. Соответственно национальные группы подразделялись на те, которые способны к государственной организации (собственно нации), и те, которые еще не готовы к такого рода организации совместной жизни (народности). Степень зрелости определялась наличием высшей политической организацией рабочего класса – коммунистической партией.

1.3. Современные теории нации

1.3.1. Зарубежные подходы

В современной буржуазной литературе понятия «нация» и «этнос» трактуются достаточно однозначно. Суть этого толкования можно ясно увидеть в риторическом вопросе Р. Лэмберга: «Почему своеобразная смесь крови, религии, языка и территории является такой прочной и мощной силой в нашей истории и истории других?» [116].

Эта позиция сходна с определением нации, данным в 1976 году Э. Смитом: «Нация в соответствии с этой точкой зрения растворяет в себе три различных элемента: этнический принцип, который возникает в начале из родственной организации, территориальный компонент, который происходит от династических и колониальных

объединений, и, наконец, норму политической организации, обнаруживаемой в городах-государствах древней Греции или средневековой Италии. Нация – это абстрактный миф, который, тем не менее, имеет глубокие корни на различных уровнях исторической реальности, и, сплавливая между собой гражданство с этнической принадлежностью и территорией, она может удовлетворить многие потребности и вызывать безмерную преданность» [83, 84, 120, 121, 122]. Как видно, экономические факторы Э. Смитом в учет не принимаются.

Примерно также обстоит дело с западными концепциями, рассматривающими соотношение социальных факторов в структурировании нации. Небезынтересна выдвинутая Г. Дейчем функционально-коммуникативная концепция нации. Экономические факторы, по его мнению, влияют на образование и стабилизацию нации, но главное, что ее образует, – это способность людей более эффективно общаться между собой внутри нации, чем с теми, кто вне ее.

А. Яри, констатируя роль капитализма в становлении нации, пишет, что он «выковал политико-экономическое единство национального государства, вдохнув в него патриотическую идеологию и обеспечив ему условия производства, достаточные для развития новых производительных сил» [127].

1.3.2. Вклад советских школ в изучение национального вопроса

Отечественные исследователи национальных отношений периода социализма едины во мнении, что определить нацию – значит, выявить признаки, которые, будучи взяты в совокупности, объединяют подавляющее большинство людей, в нее входящих, и одновременно позволяют отличить одну нацию от другой и от донациональных этнических общностей. При этом сама концепция нации развивалась преимущественно в русле марксизма. Но в марксизме нет, как уже говорилось, аналитического определения нации, а многие исследователи расходятся в количестве перечисляемых признаков и в их формулировке.

В ходе дискуссии, проходившей на страницах журнала «Вопросы истории» в конце 60-х годов XX века, были выделены, согласно сталинской формулировке [88], четыре основных признака нации: общность языка, территории, экономики и психического склада, проявляющегося в культуре. Но обращалось внимание и на значение такого признака, как национальное (этническое) самосознание (Агаев А.Г., Калтахчян С.Т., Козлов В.И.), наличие рабочего класса (Рогачев П.М., Свердлов М.А.) [77], синхронных и диахронных информационных связей (Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.). Хотя эти предложения и не получили поддержки при подведении итогов дискуссии, тем не менее в дальнейшем оказали определенное влияние на теоретическую разработку не только собственно национальной, но и всей этнической проблематики.

Дискуссия российских исследователей 60-х годов о сущности нации и ее признаках позволила достичь определенной согласованности в вопросе дефиниций нации, хотя сейчас эти споры возобновились. По определению Э.А. Баграмова, «нация – это историческая общность людей. Возникая в условиях поднимающегося капитализма, она продолжает свое развитие на новом социальном фундаменте... Ее основными признаками является общность экономической жизни и связанная с нею общность языка, территории,

особенностей культуры и духовного облика» [7]. Последние дискуссии по поводу определения нации как раз ведутся из-за признания или непризнания определенных особенностей, оставшихся неназванными в определении Э.А. Баграмова (следует заметить, что оно фактически повторяет определение Сталина).

Так, например, в объяснении Р.Г. Абдулатипова «особенности культуры и духовного облика» конкретной нации – это «своя шкала духовных, нравственных ценностей»; поэтому нация – это «постоянная мобилизованность по символам и историческому опыту на единство действий по сохранению своей самобытности» [2, 3, 4]. Вспомним в это связи известное определение Ренана (которое Х. Ортега-и-Гассет называл «формулой Ренана»): «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем: воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим – вот существенные условия для создания наций... Позади – наследие славы и раскаяния, впереди – общая программа действий... Жизнь нации – это ежедневный плебисцит» [58]. В связи с упоминанием имени испанского мыслителя Х. Ортега-и-Гассета уместно привести мнение его соотечественника, философа и писателя Мигеля де Унамуно о значении так называемой «интраистории» (то есть «внутренней истории» государства, глубинных свойств народа, передаваемых из поколения в поколение в виде преданий, мифов, сказаний, традиций) в сохранении нации [97]. Следует также процитировать Н.А. Бердяева: «Национальность ... формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми они связывают судьбу, и духовно-культурного процесса, созидającego неповторимый духовный лик...» [15].

1.4. Современные взгляды и обобщенный анализ теории нации

Современное политологическое понимание нации сложилось в конце XVIII века – в связи с получившим политическое значение во времена Великой Французской революции требованием государственного суверенитета и начавшимся процессом формирования национального самосознания. Революционеры называли себя патриотами, и с тех пор слово «родина» («patrie» – фр.) стало символом нации, которую начали непосредственно связывать с государственностью и гражданской идентичностью. Это особое проявление чувства общности, возникшее в раннебуржуазную эпоху, впоследствии обогащалось новыми смыслами под влиянием процессов формирования национальных государств, национально-освободительной борьбы и распада колониальной системы, перекройки границ при расселении этносов на разных континентах.

Политологи исходят из той же посылки, что и философы, полагая, что исторически термин «нация» использовался еще в Древнем Риме для обозначения небольших народностей. При этом он применялся наряду с термином греческого происхождения «этнос», обозначающим племя (общность людей), объединенных родством, внешним сходством, языком и территорией. Но далее следуют различия. Политология считает, что впоследствии термин «нация» в основном стал употребляться для характеристики итогов слияния нескольких этносов, произошедшего в результате миграции, захвата территорий или объединения земель. В разных ситуациях «нация» может означать и этническую общность, и все население государства, а в английском языке он может еще и характеризовать государство (и в узкосемантическом, и в содержательном смысле).

Такое положение привело к тому, что в трудах некоторых современных научных политологических школ и даже международных документах понятия «нация» и «этнос» используются как синонимы.

К. Поппер [69] полагал, что «нации, расы, лингвистические группы» представляют собой «чистый вымысел», не имеющий научного и политического значения. Такого же мнения придерживается и группа российских ученых (Тишков В.А. [90, 91, 92], Здравомыслов А.Г. [37, 38]), отрицающих реальное существование нации и рассматривающих это понятие в качестве метафорического отображения этнокультурной реальности.

Нация определяется и как продукт национальной идеологии. Так, Кэтрин Вердери понимает нацию как символ (или миф?), использование которого само творит реальность. «Национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различных психологических и идеологических конструкций, которые облакаются в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания» [125].

Если это так, то получается, что нации субстанционально не существует, то есть ее нет в том смысле, в каком есть реальные сообщества – семья, государство и этнос как носитель определенных культурных комплексов или культуры, понимаемой в антропологическом значении этого слова. Нация тогда – «воображаемая общность», но не как у Б. Андерсона и др. [5, 6] в значении, что члены ее не знакомы друг с другом и могут иметь в своем сознании лишь ее идеальный образ. Она тогда – просто-напросто выдуманная общность.

Очень часто нацию рассматривают в качестве результата целенаправленной осознанной деятельности того или иного субъекта. В этом смысле она трактуется либо по Б. Андерсону («воображаемая общность»), либо как итог деятельности интеллектуальной элиты, создающей образы национальной солидарности (Ксения Касьянова), либо как следствие культивируемой властями общегосударственной солидарности (В. Розенбаум).

Наиболее видный представитель этого подхода Э. Геллнер полагает, что в качестве основного продуцирующего нацию субъекта выступает государство как таковое. Только твердо признав устанавливаемые им «определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу», «группы людей становятся нацией» [28]. Поэтому именно сознательные действия государственных структур по формированию национальных движений порождают нации. Его единомышленник Э. Хобсбаум [104] также указывает на центральную роль в процессе формирования наций механизмов мобилизации государственными элитами этнических чувств своих граждан, с целью переноса этнической идентичности на уровень государства.

На формирование этой группы государство влияет больше, чем биологическая или какая-либо иная предопределенность. Однако такая конструирующая деятельность государства должна сочетаться с присутствием доброй воли граждан, а также с наличием необходимых предпосылок, в частности, определенного уровня культурной гомогенности (сплоченности) и образованности общества.

Другая группа ученых, напротив, отвергает зависимость объективно сложившейся общности с вполне определенными интересами от чьих-либо сознательных действий. Наиболее показательной в этом отношении является трактовка нации известным

австрийским ученым Отто Бауэром (1881–1938). С его точки зрения, «нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [11].

Ряд исследователей (Рейнпольдс В. и др.) в своих воззрениях отдавали приоритет расовой принадлежности, кровному родству, то есть развивали идею генетического характера при объяснении происхождения нации.

Ф. Барт [112] считает, что этничность представляет собой форму организации культурных отличий, являющиеся своеобразными «маркерами», отличающими ее принципиальные черты, которые сложились под влиянием традиций, исторических, экономических и иных факторов. Консолидация нации происходила по мере признания людьми групповых ценностей в качестве ведущих ориентиров. При этом значение языка признается, однако доминирующее влияние территории на формирование культурных традиций отрицается. При таком подходе даже представители различных этносов, объединенных общей системой ценностей, могут быть отнесены к одной нации.

В советском обществоведении этносы (нации) рассматриваются как динамические системы, как процессы. Соответственно высказывалось мнение о подразделении этих процессов на трансформационные, сопровождающиеся изменением национальной принадлежности людей, и эволюционные изменения, не ведущие к исчезновению общности (Бромлей Ю.В.) [18].

Среди объединительных процессов первоначально выделялись консолидация (В. Гарданов, Е. Долгих, Т. Жданко) и ассимиляция (В. Козлов, И. Гурвич). Затем к ним прибавилась межэтническая интеграция (Ю. Бромлей, В. Козлов) и, наконец, межэтническая миксация, а консолидацию было предложено подразделить на внутриэтническую и межэтническую (Бромлей Ю.В.). При этом под межэтнической консолидацией понимается слияние нескольких ранее самостоятельных, но родственных по языку и культуре народов в единый новый, более крупный. Внутриэтническая консолидация – это внутреннее сплочение этноса путем сглаживания различий между имеющимися внутри него субэтническими или этнографическими группами. Под ассимиляцией понимается растворение самостоятельного этноса или какой-то его части в среде другого, обычно более крупного народа. Межэтническая интеграция – взаимодействие (обычно внутри государства) нескольких существенно различающихся по языку и культуре этносов, которое приводит к появлению у них ряда общих черт, в том числе элементов общего самосознания, то есть, к возникновению метаэтнической общности. Межэтническая миксация – взаимодействие народов, не связанных родством, в ходе которого возникает новый этнос.

В разделительных процессах предложено различать парциацию, сепарацию (Пучков П.И.) и дисперсизацию (Бромлей Ю.В.). При парциации единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом. Под сепарацией подразумеваются случаи, когда от какого-то небольшого народа отделяется его часть (обычно сравнительно небольшая), которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Если при этнической парциации исходный этнос фактически прекращает свое существование, то при этнической сепарации он сохраняется. В отличие от парциации и сепарации, при дисперсизации от этноса отделяются части, которые, однако, составляют не этносы, а лишь этнические группы.

1.5. Систематизация взглядов на сущность нации

В качестве выводов из совокупности всех вышеупомянутых теорий необходимо отметить, что дефиниции понятия «нация» даются многочисленными науками с их точек зрения и компетенции, исходя из предмета и цели изучения. Если их свести вместе, то получится большая сводка, с трудом поддающаяся систематизации (табл. 1).

Таблица 1

Основные признаки нации

№ п/п	Автор	Признаки
1.	И. Кант	Осознание частью народа своей национальной принадлежности, общность территории, формирующая национальный характер, объединение по родовому признаку
2.	И.Г. Фихте	Самосознание, уникальность культуры, мессионизм отдельных наций, «национальный дух» народа
3-4.	«Официальные народники» (Шевырев, Погодин)	Действительные (особые российские), а не ложные (западные) национальные идеи, распространяемые «просвещенным» правительством: послушание, смирение, религия предков, уважение к властям
5.	Славянофилы	Национальное чувство, дух осознавшей себя нацией части народа;
6.	И.В. Киреевский	Национально-специфическая определенность русского народа и российского государства: православие, соборность, мессианство, одухотворенность культуры
7-12.	Ш. Монтескье Л. Вольтман Э. Ренан И. Гердер Ф. Гиддингс Л.Н. Гумилев	Следствие и продолжение природных биологических связей; предопределенность «духа народа» (Ш. Монтескье), психологические особенности народа, «темперамента рас» (Л. Вольтман), «национальной идеи» (Э. Ренан), национальной государственности (И. Гердер), социальной структуры и способа организации общественной жизни (Ф. Гиддингс), пассионарных толчков (Л.Н. Гумилев) климатическими, ландшафтными и прочими природными условиями
13.	Н.Я. Данилевский	Культурно-исторический тип как совокупность индивидуальных признаков целостного организма – народа, проходящего через этапы рождения, расцвета и гибели
14-15.	О. Шпенглер, А. Тойнби	Абсолютизация индивидуальных признаков нации
16.	В.Г. Белинский	Особое понятие о совокупности всех сословий государства
17.	Н.Г. Чернышевский	Особый характер отдельных людей
18-19.	К. Маркс	Капиталистические экономические связи, политическая

	Ф. Энгельс В.И. Ленин	централизация, концентрация и укрупнение собственности, централизация средств производства, единый национальный интерес, классовый антагонизм.
20	И.В. Сталин	Четыре признака нации (язык, территория, экономика, психология)
21.	Современные марксисты-ленинцы	Наличие коммунистической партии как высшей степени зрелости общности, а следовательно, а следовательно готовности к образованию национального государства
22.	Р. Лэмберг	Своеобразная смесь крови, религии, языка и территории
23.	Э. Смит	Сплав гражданства с этнической принадлежностью и территорией
24.	Г. Дейч	Способность людей более эффективно общаться между собой внутри нации, чем с теми, кто вне ее, экономика
25.	А. Яри	Политико-экономическое единство, патриотическая идеология, развитие новых производительных сил
26-28.	А. Агаев С. Калтахчян В. Козлов	Национальное самосознание
29-30	П. Рогачев, М. Свердлин	Наличие рабочего класса, определенная степень развития производительных сил и производственных отношений, в сочетании с общностью территории, языка, хозяйственной жизни
31-32.	С. Арутюнов Н. Чебоксаров	Синхронные и диахронные информационные связи
33.	Э. Баграмов	Общность экономической жизни, языка, территории, особенностей культуры и духовного облика на этапе начальной стадии капитализма, новый социальный фундамент для последующего развития
34.	Р. Абдулатипов	Духовные, нравственные ценности
35.	Х. Ортега-и-Гассет	Память о героическом прошлом, общая воля и готовность к новым великим делам
36	М. Унамуно	Интраистория как глубинная основа нации
37.	Н.А. Бердяев	Смешение рас, племен, перераспределение земель, неповторимый духовный лик
38-41.	Этнополитологи	1. Патриотизм (родина, отечество) как проявление чувства общности, гражданской идентичности 2. Слияние в результате миграции, захвата территорий или объединения земель нескольких этносов= племен=общностей, объединенных родством, внешним сходством, языком и территорией. 3. Государство + население 4. Государство (англ. яз.)

42-45.	К. Вердери К. Поппер В. Тишков Г. Здравомыслов	Отсутствие нации, метафорическое отображение этно-культурной реальности
46-50.	Б. Андерсон К. Касьянова В. Розенбаум Э. Гелнер Э. Хобсбаум	Воображение общности (Б. Андерсон), итог деятельности интеллектуальной элиты, создающей образцы национальной солидарности (К. Касьянова), следствие культивируемой властями общегосударственной солидарности (В. Розенбаум), продуцирование нации государством, твердое признание установленных им взаимных прав и обязанностей, сознательные действия государственных структур, мобилизация элитами этнических чувств своих граждан и переноса этнической идентичности на уровень государства (Э. Гелнер), этнические чувства, формируемые государственным механизмом, воля граждан
51.	О. Бауэр	Общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии, общность характера, общность судьбы
52-56.	В. Рейнпольдс, В. Фалгер Я. Вин Ж. Гобино Х. Мейнерс	Расовая принадлежность, кровно-родственная близость (генетическое родство)
57.	Ф. Барт	Единая культура, придание персональной значимости своей принадлежности к данному групповому объединению (национальная идентичность), общность ценностных ориентаций
58-63.	Ю.В. Бромлей В. Гарданов Е. Долгих Т. Жданко И. Гурвич	Динамизм социокультурной системы, эволюционный процесс

Если попытаться систематизировать приведенный материал, то можно выделить основные подходы и концепции, в рамках которых решался вопрос генезиса наций. В целом исследования генезиса нации можно свести к двум основным традиционным подходам: субстанционалистскому и конструктивистскому.

Субстанционалистский подход называют по-разному: субстанционалистским, эссенциалистским, онтологическим, примордиалистским. Их объединяет общая логика анализа: нация обладает особой субстанцией и представляет собой группу людей, имеющих определенный набор признаков (в описании набора имеются существенные вариации).

В таблице 2 делается попытка классифицировать главные концепции генеза нации.

Таблица 2

Основные концепции нации/этноса

Концепции	Подходы	Авторы концепции
Субстанционалистская (эссенциалистская, онтологическая, примордиалистская).	Социально-биологический	Монтескье, Вольтман, Ренан, Гиддингс, Гумилев, Рейнпольдс, Фалгер, Вин, Лэмберг
	Социально-природный	Кант, Чернышевский
	Социокультурный	Белинский, Б. Франклин, Бауэр, Баграмов, Абдулатипов, Бромлей, Гарданов, Долгих, Жданко, Гурвич
	Формационный	Маркс, Энгельс, Ленин, Рогачев, Свердлов
	Цивилизационный	Йар, Козлов, Агаев, Калтахчян, Смит
	Этноцентристский, националистический	Официальные народники, славянофилы
	Культурологический	Хомяков, Данилевский, Шпенглер, Тойнби, Вебер, Барт
	Функционально-коммуникативный	Дейч, Ортега-и-Гассет
Конструктивистско-, инструменталистская релятивистской	Политологический	Андерсон, Касьянова, Розенбаум, Хобебаум, Геллнер, Поппер, Тишков, Здравомыслов, Вердери
	Социологический	Представители этносоциологического направления
	Мессианский	Фихте, Киреевский

Другой вариант субстанционалистской традиции идет дальше: он концентрируется на поиске в человеке неких сущностных, примордиальных структур. Размышления идут вокруг центрального вопроса: что есть собственно этническое и национальное? Часто оно выводится из генетического родства. С точки зрения наиболее убежденных сторонников этой парадигмы, «связи этничности с эндогамией можно считать очевидными и несомненными» [119, 124].

Конструктивистская парадигма (инструменталистская, релятивистская), в отличие от субстанционалистской традиции, оформлена не столь четко и существует скорее как не очень последовательная тенденция в теоретических и эмпирических исследованиях. Суть ее состоит в акценте не на субстанции, а на конфигурации отношений, в которых ключевую роль играют такие социальные субъекты, как государство, элиты, конструирующие маркеры, поддерживающие и воспроизводящие границы этнического

(национального) поля [82, 112]. Это определенные нормы поведения, средства символической коммуникации, особая атмосфера.

Механизмами формирования этнического поля являются самосознание, идея общности происхождения и судьбы, которая очень часто обретает форму государственной идеологии.

Представления об общности происхождения нередко выступают в качестве фильтра, позволяющего отсеивать «своих» от «чужих». У одних народов этот фильтр имеет весьма формальный характер и открывает дверь для ассимиляции если не всем желающим, то, по крайней мере, тем, кто в этом нуждается, и подвергается реальной культурной ассимиляции. Здесь учет крови как маркера происхождения не играет особой роли. «Своим» можно стать в результате культурной ассимиляции. У других народов фильтры, контролирующие вхождение в этническое поле, носят жесткий характер и привязаны к контролю общности крови.

Если же нация интерпретируется конструктивизмом больше как политическая категория, то в этом случае она сродни гражданству. Но поскольку гражданская принадлежность целиком и полностью зависит от субъективной воли и желания индивида, постольку и нация интерпретируется как некий воображаемый конструкт, как результат интеллектуальных усилий творческой и интеллектуальной элиты общества.

Казалось бы, при такой широте подхода сущность нации должна быть исчерпана. Однако национальная принадлежность человека не связана жестко ни с одним из признаков, по которым мы ее распознаем. А раз так, то и сумма их образует качество зыбкое, неуловимое. То есть о национальной принадлежности нельзя судить ни по биологической (расовой), ни по языковой, ни по географической принадлежности, ни даже по наличию всех этих признаков, вместе взятых.

Множество теорий и концепций объективно подтверждает вывод о несостоявшихся попытках понять и определить истинное значение и содержание нации и национального. Приведенная классификация лишь подкрепляет тезис о многообразии подходов к изучению национального.

Также подтверждается и позиция, согласно которой сведение всех определений понятия «нация» воедино дает всего лишь описание, противоречащее законам дефинитивности.

ГЛАВА 2. РОССИЯ: ГЕНЕЗИС ЕДИНСТВА

2.1. Постановка проблемы

Современный состав населения России формировался и формируется путём образования непрерывных разнообразных связей, контактов множества этнических групп, влияния многосторонних компонентов, и процесс этот начался задолго до образования российской государственности.

Всплеск этнического самосознания в конце XX века, якобы сам по себе вновь возникший интерес к теме «чистых» наций, народов, эмоциональный подъём, с которым эти идеи вновь стали пропагандироваться и обыгрываться, – на самом деле спекуляции, весьма далекие от исторических реалий. Зато опасно близкие к идеям шовинизма, нацизма, расовой дискриминации. Эти идеи фальшивы, но способны воодушевить тех, кто по ряду причин жаждет принадлежности к некоему мифическому «избранному» народу, который якобы генетически, по происхождению обладает превосходством, что, по определению, дает отдельному индивидууму или этносу в целом право господства над другими, «неизбранными». В XX веке, на примере фашистской Германии, мир увидел, к чему приводит идея «чистой расы», когда она, транслируемая расчетливыми пропагандистами, овладевает массами. Хотя сама по себе возможность существования такого «чистого народа», особенного, самого чистого этноса, чистой расы, – абсурдна, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали этот вопрос. В реальности нет этих самых «чистокровных» русских, как нет «чистокровных» немцев, евреев, поляков, украинцев, татар, армян. Создавали Россию люди с разным хромосомным набором и с разными корнями происхождения, которые всегда были множественностью переплетённых корней, питающих общий ствол древнего населения страны.

В нынешней России трудно найти человека, в чьих генах не сохранилось бы следа постоянно шедших и идущих сегодня процессов консолидации, ассимиляции, миксации, парциации, дисперсизации, дифференциации, интеграции. Так же обстоит дело с народами, антропологические, бытовые, культурологические и иные различия между которыми искусственно возведены в абсолют и непререкаемую ценность.

В то время как величие рода человеческого не в его внешнем разнообразии, самобытных культурах, обычаях, разных условиях жизни и существования, особенностях национальных блюд, охот и пр., легко объяснимых хотя бы природно-географическим условиями, а в вечном неизменном, постоянно действующем социальном законе единства.

Социальные законы, по которым развивается общество, так же существенны, как законы физические. Соблюдение социальных законов ведет консолидации, ладу, процветанию, нарушение – к конфликтам, разобщенности, упадку. Не все из этих законов открыты, не все не сформулированы, хотя существуют столько, сколько существует человек, но оттого не менее важны.

И эти законы – не абстрактные категории из разряда действующих «где-то там», они относятся к каждому из нас, можно сказать, они и действуют через каждого.

За словами «человечество», «люди» стоят количественные понятия. Человечество – это всегда сообщество, мир социальных множественностей, обретающий целостность в

единстве их содержания, бытия и познания окружающего мира, отношений в мире и поиска своего места в обществе, государстве, Вселенной и, на основе этого, соблюдения либо несоблюдения социальных законов, – заключен в сознании конкретного индивидуума, конкретной личности, конкретного человека, проживающего свою единственную жизнь, через призму которой он познает весь мир и сосуществует с ним.

Разная форма бытия различных этносов – это всего лишь их маркер, отмечающий границы занимаемой ими «своей» территории. И столь ревностное внимание некоторых «идеологов» к оттенкам цвета кожи, особенностям разреза глаз и строения черепа было бы объяснимо, если бы речь шла о первобытном стаде или стае животных особей, метящих по законам естественного выживания свою территорию.

С другой стороны, человечество – тоже часть животного мира, но это разумная его часть. И отличительная черта человека – способность к осознанию себя, выделению самого себя из окружающей среды, способность не только к осмыслению, но и к порождению смысла, к сознательному творению его. По социальным законам бытия, человечество наделено миссией освоения всего земного пространства, ему принадлежит вся планета.

В осуществлении своей жизнедеятельности человек сегодня – здесь и везде одновременно. Все мировые процессы суть единое целое. Стихийное бедствие в какой-то одной точке Земли способно отразиться на миллионах человеческих жизней, не говоря уже о техногенных катастрофах и катаклизмах.

Такая же вселенная – Россия.

О России написано много, ещё больше переписано, ещё больше создано вымыслов и мифов. Сегодня трудно восстановить истинный ход её истории, которую делили и продолжают делить на региональную, народную, культурную, хозяйственную, политическую, разрывая тем самым на отдельные части многовековой процесс единения её территории и населения.

Российскую историю писали греческие, византийские, немецкие авторы, отводя России место далеко за пределами развитых средневековых цивилизаций. Многие же отечественные историки до сих пор мыслят былинными категориями тысячелетней давности. Глубина анализа и осмысления исторических реалий, в лучшем случае, исчерпывается академическими спорами, основанными на оторванных от жизни категориях, домыслах и допущениях, а в большинстве – подменяется эмоциями без всякого анализа. Новых идей нет или очень мало, а старые основаны на догмах и стереотипах доиндустриального общества, заставляющих не размышлять, а просто воспроизводить уже имеющиеся клише. Это касается практически всех сфер нашей жизни, в данном же случае речь идёт о понимании нашей общей истории.

Может быть, поэтому в обществе мало происходит позитивного, что мы живем, цитируя тех, кто, по сути, ничего не создал, не изменил, не улучшил. Мертворожденные идеи, прожекты существуют где-то вне общества, сами по себе, а люди, для которых, в первую очередь, что-то должно реально меняться, – сами по себе.

Как тут не вспомнить И.Л. Солоневича с его метким умозаключением о российских бедах: «Русский генерал Суворов командовал войсками в 93 боях и выиграл все 93. Но и он никаких цитат не оставил. Немецкий генерал Клаузевиц никаких побед не одерживал, но он оставил цитаты. Профессура русского генерального штаба зубрила Клаузевица...

Наш самый страшный враг, это не Мамай или Гитлер, а профессора и приват-доценты» [86].

Не удивительно, что наша родовая историческая память деформирована, а наше представление о прошлом зачастую состоит из ряда далеких от реальности упрощенных клише, между которыми – пустота. И это негативно влияет на наше настоящее и будущее.

Надо как можно быстрее переходить «от арифметики к алгебре», изживать линейное мышление. Нужна методология и методика исследования истории, основанного на новой парадигме знаний – системном подходе, синергетическом методе, нужны концепции понимания и объяснения, способные выявить сущность и тенденции социальных процессов от древности до современности.

В широком смысле системный подход соответствует цивилизационно-техническому прогрессу, кардинально изменившему окружающий мир и отношения между людьми. Это совокупность исторических, экономических, социально-философских, этносоциальных, глобалистских, мироцелостных исследований и практик, ориентированных на проблематику становления современного социального мира как системы, объединяющей человечество. В системном подходе все проблемы решаются в динамике. То, что мы живем в постоянно изменяющемся мире, не просто слова, это реальность, и требуется освоение этой реальности, которое возможно в случае признания и того факта, что сам человек существует, меняясь. Тогда идущие процессы глобализации не будут пугать наступлением всеобщей стандартизации и унификации, а станут знаком оформления универсума, в котором по единым законам функционирует великое разнообразие индивидуальных миров.

В нашем случае основным предметом исследования стали вопросы динамики этногенеза единого российского государства: от происхождения – через становление и развитие – к высшей форме организации социума в единую общность. Причем, этот процесс изучается в русле естественной истории, прерывающейся революциями и другими социальными катастрофами. Здесь берутся во внимание противоречия и кризисы, взлеты и падения, перспективы возникновения новых форм сосуществования в едином человечестве.

2.2. Российское единство земель и народов: от начала к вершинам

Российское единство как понятие и фактическая реальность начало складываться свыше тысячи лет тому назад.

Понятия «Киевская Русь», «Московское государство», «Российская империя» обозначали не столько определенную форму государственного устройства, сколько имперскую организацию огромного пространства как единого социального организма с общим самосознанием единства, общей судьбы и общей перспективой величия и благоденствия всех живущих на ней народов.

Еще в эпоху Русской земли началось преобладание единства территориальных, пространственных начал над кровнородственными и родоплеменными, наложившее свой отпечаток на все существование Российского государства как некоего единого духовного и культурного сообщества.

Россия – это сообщество народов, исходящее из векового слияния множества культурных компонентов – иранских, эллинских, германских, славянских, финно-угорских, тюркских, монгольских, тунгусских, маньчжурских и др. Под влиянием объективных социальных законов единства и синергии братский социум всегда и везде находился в процессе дробления, объединения, ассимиляции, миксации.

Открытость к другим культурам, благожелательность, уживаемость, великодушие, доблесть, порядочность, совестливость были характерными чертами единого сообщества, расширявшего и осваивавшего пространство совместного существования, созидательной деятельности.

Самые древние следы обитания человека на территории России установлены на рубеже 700 тысяч лет до н. э. Наиболее интенсивными районами развития этнических процессов в те далекие времена были Сибирь, Алтай, Кавказ, Причерноморье, Приуралье, низовья Волги и Дона.

Памятников письменности этого периода истории в распоряжении современного исследователя нет, и все сведения о той эпохе мы черпаем лишь из материалов археологических раскопок. И жившие тогда люди именуется по названию археологических культур, что, конечно же, не отражает подлинного «лица» носителей этого условного имени.

Не бесспорны, зачастую противоречивы и многочисленные имеющиеся письменные источники более позднего времени. Для нас важны не столько детали (точность перевода, транскрипции с другого языка), сколько тенденции и социальные закономерности сложного процесса формирования ныне существующего населения России. Реконструкция древнейшей этнической панорамы территории нашей страны воссоздается на основе данных классических, в том числе и древних, авторов.

Многое могут дать исследователю и изучение топонимов данной территории, и выявление семантических связей слов различных этносов.

Объектом нашего внимания является социум, проживающий, прежде всего, на территории Европейской части России, поскольку именно здесь создавалась Киевская Русь – прообраз гармоничной целостности государства и народа.

Мы не предлагаем готовых решений и завершенных, обобщенных выводов о данному вопросу. Всем известны классические исследования Л.Н. Гумилева [30, 31], в которых он на основании своей теории «пассионарных толчков» объяснял многие запутанные вопросы этногенеза России и всего Евразийского пространства. Он дал интересную схему, интерпретирующую развитие этнокультурных систем Евразии на протяжении первого тысячелетия н.э. (рис. 1), на основании которой можно проследить соответствующую динамику взаимоотношения суперэтносов, этносов и субэтносов. Она может облегчить понимание сложных процессов развития человеческих популяций в ранние исторические периоды.

2.3. Племена и народы, жившие на территории будущей России в I тыс. до н.э. и позже

Киммерийцы. Это – собирательное имя ряда племен. Прародиной киммерийцев было Нижнее Поволжье, откуда они в I тысячелетии до н.э. продвинулись в Северное

Причерноморье. Киммерийцы – один из первых кочевых народов, заселивший в VIII в. до н.э. широкое пространство степей юга Восточной Европы от Днестра до Дона. Имя («гимирри») получили от ассирийцев, под таким же именем упоминаются в древнегреческих источниках. В Библии упоминаются под именем «гомер». В антропологическом отношении часть киммерийцев имела общие черты с населением территории Прикаспия (иранский тип).

В VII–V веках до н.э. они были вытеснены скифами и ушли в Малую Азию. Благодаря подвижности войска киммерийцы совершали быстрые набеги, от которых страдали Ассирия, Лидия и Урарту. В VI в. до н.э. лидийский царь Аллиат разбил киммерийцев. Часть их осталась в Малой Азии, а некоторые вернулись в Северное Причерноморье.

В античных сочинениях встречались утверждения об общности происхождения киммерийцев, кимров – одного из ответвлений кельтов (в настоящее время это название сохраняется за уэльсцами) – кимров, живших на рубеже нашей эры на севере Ютландского полуострова. В ирландских сагах сохранилась версия, что эта группа кельтского населения вышла «из Скифии», с территории между Черным и Каспийским морями. Проживавшие в Шотландии пикты – еще одна группа кельтского населения. На севере Европы у норманнов сохранились предания о «цветущей Азии» около Трои.

Расселяясь от Нижнего Поволжья, Прикаспия, Северного Причерноморья, Малой Азии до юга Восточной Европы и далее до Британского полуострова и севера Европы, киммерийцы в VIII–V в. до н.э. активно участвовали в сложных процессах формирования генезиса населения этой огромной территории.

Скифы. Есть два понимания термина «скифы»: этнографическое и географическое. Собственно скифы жили в Причерноморье, между Дунаем и Доном. Греческие и латинские тексты сохранили несколько скифских имен и топонимов, из которых ясно, что их язык относился к индо-иранской группе индоевропейской языковой семьи. Из современных языков ближе всего к скифскому осетинский язык.

Кочевые племена, близкие скифам по языку и культуре, занимали значительно большую территорию – весь пояс степей от Дона до Прибайкалья, включая предгорья и горные долины Тянь-Шаня, Памира, Гиндукуша, Алтая и Саян, глубинные районы Китая, Ирана и Анатолии.

В VII–V веках до н.э. скифы изгнали киммерийцев и заняли обширные пространства степей между Дунаем и Доном. Территория проживания скифов именовалась античными авторами Скифией, центр которой находился в низовьях Днепра.

На западе скифы были соседями фракийцев и даков, а на востоке граничили с савроматами. Граница между территориями проживания скифов и савроматов проходила по реке Танаис (нынешний Дон). На Северном Кавказе и в Прикубанье скифы селились вместе с меотами, синдами, гелонами, каллипидами и др.

Вслед за киммерийцами скифы совершили серию походов из Северного Причерноморья в Закавказье и на Ближний Восток. За время многолетнего пребывания в Передней Азии скифы испытали на себе влияние многих восточных (урартская, ассирово-вавилонская) и греко-ионийской культур.

Активное вытеснение скифов из Северного Причерноморья началось в III веке до н.э., когда на исторической арене сформировался новый мощный племенной союз

сарматов. В течение нескольких последующих столетий они растворились среди новых пришельцев – сарматов, аланов, готов.

Тавры. По словам Страбона, они жили в Крыму рядом со скифами и отличались от последних. Вопрос о происхождении тавров до сих пор не решен историками. Часть из них полагает, что это были киммерийцы, не покинувшие полуостров при появлении скифов, другие – одно из скифских племен. Византийский писатель Евстафий утверждал, что «живущие здесь скифы называются тавроскифами от тамошней горы Тавра», то есть тавры – это скифы, обитавшие в горах. Существует и третья точка зрения: тавры – особая этническая группа. Тавры дали название полуострову – до XIV века он именовался Таврическим (Таврикой, Тавридой).

Таким образом, в VII–III вв. до н.э. скифы и родственные им племена в процессе активного взаимодействия с многочисленными племенами фракийцев, даков, савроматов, меотов, синдов, гелонов, каллипидов, тавров, сарматов, аланов, готов, славян сплели в тугой узел европейскую, иранскую, урартскую, ассиро-вавилонскую и греко-ионийскую культуры.

Занимая степи от Дуная до Прибайкалья, районы Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Саян, а также Китай, Ближний Восток и Переднюю Азию, этот богатейший по своему этническому составу конгломерат племен станет важным компонентом последующих процессов консолидации, ассимиляции, миксации на этой территории.

Греки начинали освоение причерноморской части Северного Кавказа с VI века до н.э. Политическим центром региона была Пантикапея, находившаяся на берегу Керченского пролива (греки называли его Боспором Киммерийским) и являвшаяся долгое время столицей Боспорского царства, – единственного в Северном Причерноморье крупного государства в то время. Через греков местное население приобщалось к эллинской культуре.

Знаменитый «великий путь варягов в Грецию», или просто «великий греческий путь», лежал через финно-угорские и славянские земли, с которыми варяги и греки вступали в дружественные контакты, налаживая взаимовыгодное сотрудничество.

Меоты – древние племена (синды, тореты, псессы, фатеи, досхи, керкеты, зихи) зафиксированы античными авторами на восточном и юго-восточном побережье Азовского моря и Прикубанье в I тысячелетии до н.э. Собирательное название «меоты» было употреблено впервые Геродотом и его современником Геллаником Милетским, который сообщает, что «когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их – меоты-скифы». Античные историки называли страной меотов – Меотидой – территорию от Азовского до Черного морей, а Азовское море именовали Меотским озером. Таманский полуостров занимало одно из меотских племен – синды. В Причерноморье меоты находились под сильным влиянием Боспорского царства, а в Прикубанье – под влиянием сарматов. Корни меотов прослеживаются в этногенезе древнейших предков адыгов.

Саки, масагеты, даи, дахи, иирки, исседоны, аримаспы, аргибеи в письменных источниках известны с середины I тысячелетия до н.э. На карте Клавдия Птолемея (II век до н.э.) расселяются у подножья Румийских (Уральских) гор. Происхождение их недостаточно изучено.

Как сказано в «Истории» Геродота, за Азовским морем, выше, обитают будины. (книга IV, п. 21). «А за будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а далее на восток живут фиссагеты...» [29].

Савроматы – родственные скифам племена, жившие в степях Волги и Дона, Южного Приуралья. В III веке до н.э. они разбили скифов. С I века до н.э. до II века н.э. были тесно связаны с меотами на Кубани. У Геродота можно найти не только точное описание земель савроматов, но и небезынтесную легенду об их происхождении. По его словам, легендарные амазонки, некогда потерпев поражение в битвах с греками, приплыли на кораблях к побережью Меотиды (Азовского моря), на котором жили скифы. Некоторое время спустя они вступили в связь со скифскими юношами. После заключения браков, не желая оставаться в скифских пределах, молодые семьи прародителей савроматов удалились из Скифии и поселились под именем савроматы «там, где живут».

Сарматы. Этноним «сарматы» первоначально обозначал группу кочевников, живущих к западу от Танаиса на правом берегу, но постепенно стал общим для обширного кочевнического мира евразийских степей, заменив прежнее имя – «скифы». Плиний, описывая народы Северного Причерноморья, отмечает, что «имя скифов повсюду переходит в имя сарматов». Сарматы на всем протяжении своей истории не представляли собой единого союза родственных племен. Это был скорее конгломерат номадов со сложными взаимоотношениями внутри него, включающий в себя и несарматские по происхождению народы. Географическое понятие Сарматия – то есть область расселения сарматских племен – вполне определенно формируется у античных авторов начиная с IV век до н. э., заменяя ранний термин – «Скифия».

Многочисленные сарматские племена – языги, роксоланы, сираки, аорсы, аланы и др. – имели тесные связи с греческими городами Северного Причерноморья и Боспорским царством, активно взаимодействовали с их населением. В III–I веках до н.э. сарматы племени сираков, проникшие на Северный Кавказ в среду меотов, практически полностью ассимилировали их.

Около II века н.э. в сарматском союзе стали доминировать аланы, причем этот этноним был распространен на остальные сарматские племена.

Таким образом, с IV века до н.э. по II век н.э. в живую мозаику разных групп и племен на территории Северного Причерноморья, Кубани, Поволжья и Южного Приуралья (киммерийцы, скифы, фракийцы, даки, савроматы, меоты, синды, гелоны, каллипиды, тавры, сарматы, аланы, готы, славяне, греки и др.) попали новые племена саков, масагетов, дахов, иирков, исседонов, аримаспов, аргибеов, фиссагетов, буддинов, евреев. Большинство из них было ассимилировано более крупными племенами, но взаимодействие не прошло бесследно: культурные корни существовавшего этнического единства, вобрав все богатство нового поколения племен, обогатили генофонд новыми комбинациями смешения, соединения, растворения культур.

Аланы (самоназвание – «ируны») – ираноязычные племена сарматского происхождения. С I века жили в Приазовье и Предкавказье. Часть аланов участвовала в Великом переселении народов. Кавказские аланы (по-русски «ясы») – предки осетин. Термин «алан» происходит от древнеиранского слова «ариана», популярного в этнонимике скифо-сарматов.

Аланы совершали походы через Кавказ, пользуясь как Дарьяльским («Аланские ворота»), так и Дербентским проходами, разоряя Армению, Атропатену и доходя до Каппадокии, как это было в 134 году. Были в контакте с некоторыми северокавказскими горскими племенами, принимали активное участие в делах Боспорского царства.

Во II веке н.э. Алания упоминается как территория, заселенная аланами. Одновременно со страниц источников исчезли названия иных сарматских племен. Все это – вехи процесса, суть которого заключалась в том, что аланы, по словам автора IV века Аммиана Марцеллина, «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя». Прежде разобщенные племена, «с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения». Собственно же аланы «высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен».

В эпоху Великого переселения народов территория расселения алан на Северном Кавказе подверглась нападению гуннов. Аланы-танаиты были подчинены и включены в состав гуннских орд. Другие – отступили в горы Центрального Кавказа. Третьи – ушли на запад, прошли по всей Западной Европе и оказались на территории Северо-Западной Африки, где образовали королевство вандалов и алан, просуществовавшее до 534 года.

В Центральном Кавказе аланы расселились от правых притоков Кубани (Зеленчук, Фарс) на западе до реки Аксай на востоке, от Главного Кавказского хребта на юге до верховий Кумы, течения Малки и правобережья Среднего Терека на севере. Соседями аланского объединения были: в Прикубанье – адыги, в зоне центрально-кавказских перевалов – горные грузинские племена, далее к востоку – предки чеченцев и ингушей и племена горного Дагестана.

В 724 году Аланию обложили подушной податью арабы. Часть алан, не вынеся арабских поборов, оставила насиженные места и ушла на север – в верховья Северного Донца, Оскола и Дона.

Нормой жизни степного кочевого мира были взаимные набеги, борьба за территории. В этой борьбе племена меньше всего думали о сохранении чистоты крови. Но законом, нормой жизни были также союзы для совместного освоения пространства, которое стало полем жизнедеятельности десятков, известных по источникам, племенных групп и соплеменностей. Смешиваясь, вступая в брачные контакты, нанимаясь волонтерами в чужеземную армию, перенимая чужие обычаи, языки, кочевники создавали тот кочевой мир, который и явился исходной матрицей для многих современных европейских и азиатских народов.

Новые массовые миграции в Евразии, получившие название Великого переселения народов, стирали и изменяли границы прежних племенных ареалов Европы и Азии. Резко множилось межплеменные связи, происходило смешение, растворение и укрупнение «старых», возникновение в условиях новых комбинаций «молодых» сообществ.

Этнический состав Восточно-Европейской равнины еще более усложнился. Новые миграции накладывались на первичную матрицу территории, включая в орбиту объединительных процессов разные по мироощущению и мировосприятию социальные единицы. Исчезали имена некогда влиятельных племен, но не их физический и

энергетический потенциалы, ассимилированные в тех или иных пропорциях массой новых пришельцев.

Готы – германские племена первой волны Великого переселения. Во II–III веках прошли через Русскую равнину с севера на юг – из районов Прибалтики и Дании в Крым, на Балканы и оттуда в Южную Азию. В состав готского царства, созданного вождем готов Германарихом и простиравшегося на всю Русскую равнину, входили мордва, весь, меря, эсты, онежская чудь. В IV веке среди готов стало распространяться христианство в его арианской форме. В 375 году союз готов разгромили гунны, после чего основная часть остготов была вытеснена из северного Причерноморья (часть их осталась в Крыму) на запад.

С тех пор остготы и вестготы развивались независимо друг от друга. Оставшиеся готы испытали культурные влияния сначала хазар, потом татар и итальянцев (генуэзцев и венецианцев). На карте знаменитого путешественника Рубрика (1253 год) от Салдонии (Судак) до Керсоны (Херсонес) обозначено 40 замков, среди жителей которых были готы, говорившие на немецком языке. Последнее упоминание относится к XVII веку, когда готский митрополит стал руководителем всех православных Крыма (1678 год). Имя последнего митрополита Готфейского и Кафайского было Игнатий. В 1778 году Игнатий со своей паствой в количестве 31 тысяча 280 человек были переселены в Новороссию. Потомков древних готов много среди так называемых мариупольских греков.

Славяне.

Большинство исследователей размещает прародину славян в одерско-вислинском и одерско-днепровском ареалах. Во II–IV веках в результате миграций германских племен целостность этноса славян была нарушена, и они разделились на западных и восточных. В ходе Великого переселения народов часть славян переместилась на Балканский полуостров, где сформировалась еще одна группа славян – южные.

С VI века практически все источники фиксируют славян на определенной территории (рис. 2).

Древние исторические свидетельства о славянах относятся к I–II векам н.э. В них славяне описывались под разными именами: поляне, дулебы, скифы, сарматы, аланы, роксоланы, веныды, винды, вандалы, словены, бужане, уличи, северяне, вятичи, кривичи, рода, родни, полочане, дреговичи, древляне, радимичи, русь, норманы. Позже родственные племена постепенно объединялись, скрещивались между собой и с другими племенами и образовывали более крупные этнические общности – союзы племен, соплеменности. На Восточно–Европейской равнине такие союзы стали возникать в первые века нашей эры. В их формировании участвовали фракийцы, греки, иллирийцами, финно-угры, балты, пришедшие с Волги болгары, тюрки.

В середине IV века, по свидетельству историка Иордана, славянские племена *veneti, anti et sloveni* входили в состав готского государства.

Есть также сведения, что славянские племена, всем известные древляне, дулебы, словене, кривичи, поляне и др. в летописях не упоминаются как племена и что лишь ученые XIX века «приложили к ним этот этнографический термин». То есть древляне, вятичи и т.д. к тому моменту, когда под этими именами стали упоминаться, были уже союзами племен, включавшими в себя другие племена, более мелкие. А союз племен –

явление не родовое, а политическое, территориальное, объединение, близкое к государству, живущее не по обычаям, а по определенным для данной общности законам.

На основании данных литературы, можно составить систематизированную таблицу этногенеза славян (табл. 3).

Таблица 3

**Основные концепции происхождения славян
(составлено по совокупности источников)**

№ п/п	Территория	Под каким именем упоминается	Первое упоминание (дата)
1.	Центральная Европа и Польша	Тшинецкая культура	ок. 1450 г. до н.э.
2.	Центральная Европа	Лужицкая культура	XIII в. до н.э.
3.	Приднепровье, Дон, территория от Волги до Днестра и далее до Днестра	Русы, буддины, росолане, росколане, русколане, русы, русичи, руштии, киммеры (киммерийцы), невры.	IX в. до н.э.
4.	Польша	Культура клешевых погребений	IV–II вв. до н.э.
5.	Южная Польша	Пшеворская археологическая культура	II в. до н.э.– IV в. н.э.
6.	Восточно-Европейская равнина	Славянские союзы с участием финноязычных и балтских групп	с первых веков н.э.
7.	Бассейн р. Вислы и побережье Балтийского моря.	Венеды-славяне	I–II вв. н.э.
8.	От Западного Буга до Днестра	Анты, венеды, словены-восточные славяне	II в.
9.	Одерско-вислинский и одерско-днепровский ареалы	Славянская общность, разделившаяся на западных, восточных и южных	II–IV вв.
10.	Средний Днепр	Поляне во главе второго союза восточнославянских племен	ок. V в.
11.	Днепр	Славяне	V в.

12.	Междуречье Днепра и Днестра	Союз славянских племен антов	Середина I тысячелетия н.э.
13.	Близ Византии и на сопредельных землях	Руссы (россы)	VI в.
14.	От Иллирии до Нижнего Дуная, большая часть Балканского полуострова, многие эгейские и средиземноморские острова, Малая Азия, побережье Балтийского и отчасти Северного моря, река Эльба, верховья Дуная, Северная Италия, предгорья Альп и верховья Рейна	Славяне	VI в.
15.	Карпаты, побережье Балтийского моря, территории по Днепру и его притокам, Западная Двина, Чудское озеро, река Ловать, озеро Ильмень, Волхов, Нева, Белое озеро, реки Волга, Москва, Ока.	Славяне	VII–VIII вв.
16.	Река Волхов	Ильменские словене, возглавлявшие третий племенной союз восточных славян	
17.	Водораздел Днепра, Западной Двины и Волги	Кривичи	
18.	Берега Западной Двины	Полочане	
19.	Полесье	Дреговичи	
20.	Поднепровье	Поляне, древляне	
21.	Восточный берег Днепра	Радимичи, северяне	
22.	Район реки Рось, от Киева до современного Курска	Русы, родни, роды	IX–X вв.

На основе союзов славянских племен к IX веку постепенно образовались территориальные политические объединения – княжения.

С юга на север располагались земли тиверцев, уличей, белых хорватов, дулебов (волынян), древлян, полян, северян, радимичей, дреговичей, вятичей, кривичей, полочан, ильменских словен.

В результате широкомасштабной миграции за исторически короткие сроки славянские племена заселили гигантские пространства от Вислы до Верхней Волги, от Балтики до Черного и Адриатического морей. Среди народов, которые платили дань восточным славянам, «Повесть временных лет» перечисляет следующие: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печере, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь. Более поздняя Никоновская летопись прибавляла к числу данников мешчеру. Все эти племена поддерживали активные хозяйственные связи со славянами, часто вступали в военно-политические союзы. Также между ними шли процессы культурно-бытового заимствования, заключались межплеменные браки.

В последующем финские (меря, мешчеры, мурома) и балтские (голядь) племена полностью растворились в славянском этническом массиве. М.Н. Покровский заявлял: «В жилах великороссов течет 80% финской крови» [65].

В VI–VII веках завершается период праславянской истории. В последующие эпохи возникают первые государственные образования: княжества Само – в Моравии и Чехии, Прикарпатское – на Волини, Болгарское государство – на Дунае, в междуречье Днестра, Днепра и Волги – государство Киевская Русь, или «Русская земля».

Причем, уже по первым же сведениям об этом государстве стало известно, что его могущество позволило уже в самом начале X века (907 год) князю Олегу занять Константинополь и «к воротам Цареграда» пригвоздить «Олегов щит».

Что же касается территории, то если попытаться нанести на карту все упоминания в источниках различных «Русий», то получится обширный регион от Прибалтики (Роталия-Руссия: остров Рюген, устье реки Неман, побережье Рижского залива и западная часть Эстонии с островами Эзель и Даго) до нижней Оки (Пургасова Русь), территории от современной Австрии, северных районов бывшей Югославии (Ругия-Рутения) до Северной Африки (область «Рузика» в Вандальском королевстве). Все это ещё одно свидетельство широкого рассеяния родственных родов и племен, охваченных Великим переселением народов. Не случайно в X веке византийцы называют русь «дромитами», то есть подвижными, странствующими.

Соседями славян были многочисленные финно-угорские племена весь, карела, чудь, ижора мешчеры, мурома, зыряне (коми), пермяки, мордва, удмурты, марийцы, остяки (ханты) и вогулы (манси), которые в I тысячелетии н.э. занимали земли от современных Москвы, Ярославля, Костромы, Иванова, Владимира, Суздаля, Среднего Поволжья, водораздела Волги с Беломорским бассейном до Зауралья. И надо бы отметить, что тесные контакты со славянским миром сопровождались у мерян, мешчеры, мурома переходом целых родов на древнерусский язык. Большинство финно-угров крестилось по православному обряду, брало русские имена и фамилии. Причем известно, что в карельских рунах русские назывались братьями. А, например, финно-угры участвовали в русских военных походах в Византию, Швецию, в битвах против тевтонских и ливонских

рыцарей. Немало финнов находилось и в ближайшем окружении киевского князя и местных князей.

Известно, что финно-угорское влияние отчетливо просматривается и в российской географической топонимике (Москва, Ока, Сытва, Протва, Сосьва, Лозьва, Муром, Вельегонск и т.п.), и в великорусском антропологическом типе, и в говоре великороссов, и в русской мифологии, и в характере хозяйственных промыслов русских, их быту (парная баня, печи-каменки и т.д.). Уже к XI веку полностью обрусела мера, на земле которой возникло русское государство (во Владимире и Москве).

Тюрки

В середине I тысячелетия н. э. по территории Восточной Европы и Азии (особенно Сибири) активно перемещаются тюркские племена.

Авары – первоначально азиатские кочевники тюркского происхождения. В середине VI века они обосновались в Прикаспийской низменности, Византии, Паннонии. В V веке под властью аварского хана Баяна возникла огромная, простиравшаяся от Балтики до Черного моря империя, которая объединила подвластные аварам и вынужденные платить им дань народы, в том числе славян и болгар. Авары многократно опустошали Балканы, дважды подходили к Константинополю и проникали в Грецию. К концу VIII века авары утратили былое могущество и были покорены франкским королем Карлом Великим. В IX веке авары как отдельный народ исчезли, слившись с мадьярами.

Хазары – тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV век) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. Византийцы знают их с VII века под именем восточных турков. В этот период они утвердились на берегах Понта Эвксинского (Черного моря), в VIII веке овладели большей частью Тавриды (Крыма) и Северного Причерноморья, образовав к IX веку сильное, процветающее государство, простиравшееся от Крыма до среднего течения Волги, а на западе до реки Днепр – Хазарский каганат. Им платили дань славянские племена северян, радимичей, полян, вятичей, а также северокавказские племена буртасов, черемисов, болгар и сувар. Хазары торговали с Русью и Византийской империей. Терпимые по отношению к другим вероисповеданиям, каганы, хазарские правители предоставляли убежище тысячам евреев из Малой Азии и Византийской империи, равно как мусульманам и христианам. Три эти религиозные группы соперничали между собой с целью обратить в свою веру хазар, исповедовавших свою традиционную религию (рис. 3).

Потерпев в 735 году поражение от войска арабского полководца Мервана, уступая требованиям, каган и его ближайшее окружение обратились в мусульманство, но в начале IX века каган Булан объявил государственной религией иудаизм и сменил свое имя на Обадью. Выбор оказался неудачным, страна раскололась по религиозному принципу. Началась гражданская война. Междоусобица продолжалась несколько лет и сильно ослабила государство. Крым откололся от Хазарии и отошел под власть Византии.

В 965 году Хазарский каганат был разгромлен. В результате потомки тюрко-хазар смешались с другими тюркскими народами, частично влились в состав русского этноса. Иудео-хазары эмигрировали в Западную Европу, и частью рассеялись по окраинам каганата. Их потомки в виде небольших этнических групп сохранились в Дагестане (горские евреи) и в Крыму (караимы).

Булгары (болгары) – одна из самых ранних тюркоязычных групп, передвинувшихся к западу от Волги. В западных источниках их имя впервые зафиксировано в Анонимном хронографе 354 года. В последней четверти V – начале VI веков булгары появляются в Западном Причерноморье и Подунавье. В первой трети VII века булгарами было создано государственное образование Великая Булгария, занимавшее Приазовские степи и Таманский полуостров. Её столица – город Булгар – являлась крупным торговым центром, связанным с Русью, северными племенами, южными и восточными кочевниками. Со Средней Азией у булгар также установились прочные связи, которые укрепились после принятия ими ислама.

Булгарские племена по языку были родственны аварам и хазарам. Около VII века булгары разделились на четыре группы. Две из них кочевали в Приазовье и Северном Кавказе, приняв позже участие в процессах этногенеза балкарцев и некоторых других народов. Третья группа отправилась на Балканы, где слилась с дунайскими славянами, передав им свой этноним. Четвертая перекочевала в Среднее Поволжье, где подчинила ряд местных финно-угорских племен. Здесь было создано государство Волжская Булгария.

Волжская Булгария была полиэтничным государством. Булгары и финно-угры, чередуясь, занимали одни и те же районы, ассимилируя друг друга. В XIII веке государство пало под ударами монголо-татар. После этого в условиях ассимиляционных процессов название «булгары» в Поволжье стало постепенно исчезать. Но не исчез народ, когда-то носивший это имя: потомками волжских булгар являются чувашаи и казанские татары. Булгарский элемент заметен и в процессе формирования балкарцев и карачаевцев на Кавказе, башкир, марийцев, удмуртов в Среднем Поволжье и на Южном Урале.

К началу X века западную часть Великой Степи населяли еще три кочевых тюркских народа: гузы (торки), канглы (печенеги) и куманы (половцы), именуемые еще кипчаками.

Гузы – тюркоязычные племена, жившие в бассейне Урала по границе тайги и степи. Южнее, между Балхашем и Аралом, располагалась держава Кангюй (по-китайски), или Кангл (по-тюркски).

Печенеги или канглы (византийцы их называли пачинакитами), – объединение тюркских и других племен, выходцы из распавшегося азиатского объединения Кангюй. Под давлением более сильных соседей – гузов – печенеги передвигались на запад, захватив в IX веке заволжские степи, а в начале X века – всю европейскую степь. Захватив и разорив Хазарский каганат, печенеги расселились почти по всей его территории, ассимилировав часть населения каганата.

Взаимоотношения с Русью у этих племен были разными: от набегов на русские земли до совместных походов на Византию и Хазарию и участия во внутренних смутах. Так, например, после смерти князя Владимира в 1015 году его нелюбимый сын Святополк воспользовался печенежской помощью в борьбе за отцовский престол.

В 1036 году печенеги были разбиты великим князем киевским Ярославом Мудрым. Однако и после этого побоища печенеги вплоть до монголо-татарского нашествия упоминаются в источниках вместе с тюрками и берендеями, получившими во владение Поросье и ставшими вассалами Руси. В середине XII века эти три этноса объединились в

союз, получивший на Руси имя Черных Клобуков. До 1117 года они составляли гарнизон русского города Саркела-Белой Вежи.

После монголо-татарского нашествия печенеги растворились в других народах.

Половцы. Предки половцев в IV–VII веках кочевали в степях между отрогами Монгольского Алтая и Восточного Тянь-Шаня и были известны в китайских источниках под именем сеяньто. В 630 году они образовали свое государство, которое вскоре было уничтожено Китаем и племенами уйгуров. Спасаясь от преследования победителей, они изменили племенное название сиры на кипчаки («злосчастные») и откочевали в верховья Иртыша и в Восточно-Казахстанские степи.

К 30-м годам XI века они стали хозяевами всей степи от Иртыша до Волги и начали осваивать Восточно-Европейские степи. Ипатьевская летопись сообщает о первом появлении кипчаков у границ Переяславского княжества в 1055 году. Кипчаки были светловолосыми и голубоглазыми. Русское прозвище кипчаков «половцы» происходит от слова «полова» - рубленая солома, поскольку цвет их волос был соломенно-желтый. Первоначально они заняли районы среднего и нижнего течения Северского Донца, Нижнего Дона и Приазовья.

В середине XI века кипчаки появились в Предкавказских степях, Центральном Предкавказье. На реке Сунже находилась ставка половецких ханов. Известны также дербентские кипчаки, обитавшие на территории Дагестана.

В первые десятилетия XII века закончился процесс освоения половцами южнорусских степей в Приднепровье, Крыму, Приазовье, Подонье, Поволжье, Предкавказье. К середине XII века определились границы собственно половецкой земли. О них вполне определенно говорит Ипатьевская летопись (1152): «Вся половецкая земля, что иже межю Волгою и Днепром». Автор «Слова о полку Игореве» упоминает почти все пограничные половецкие земли: Волга, Поморье, Посулье, Крым (Сурож и Корсунь), Тмутаракань (Северо-Западное Предкавказье).

В начале XII века русские князья совершили серию победоносных походов на приднепровских и донских половцев. Отступая, половцы в 1117 году разрушили Саркел-Белую Вежу и вынудили его жителей уйти на Русь. Вместе с ними на Руси оказались печенеги и торки, кочевавшие у Белой Вежи.

Русско-половецкие контакты были разнообразными. Летописи описывают взаимные набеги, битвы, совместные походы, брачные союзы. Половцы нередко носили христианские имена. После разгрома татаро-монголами в 1223 году часть половцев оказалась в Поволжье, где смешалась с монголами и родственными тюркскими племенами. Имя половцев, так же, как и булгар, исчезло, но их потомки живы в составе казахского, башкирского, ногайского и других этносов.

Берендеи. Чаще всего это были обиженные печенегами, а позже половцами мелкие кочевые роды, которые не выдерживали конкуренции в диком поле и становились федератами сильных северных соседей, в частности Руси, идя на службу к русским князьям. Этих кочевников печенеги и половцы прозвали «беріуді», то есть предавшие, отдавшие себя. (В русских летописях – берендеи). В 1155 году берендеи, состоящие на службе у Юрия Долгорукого, захватили в плен много половцев. Уцелевшие половцы сбегали в степь за «помочью», а подойдя к Киеву, просили Юрия, чтобы он приказал наемникам берендеям вернуть пленных. Долгорукий только руками развел, ибо берендеи

отказались: «Мы умираем за русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь». Они отстаивали свое право федератов на военную добычу и право изгоев на месть.

Берендеи жили в Руси постоянно, «с родом своим». Они предпочитали, чтобы им платили за службу не деньги, а служили за предоставление города для поселения (бенефицию). В 1159 году предводители берендеев Дудар Сатмазович, Каракоз Миюзович и Кораз Кокей сочли для себя выгодным перейти от князя Изяслава к Мстиславу. Они послали Мстиславу сказать: «Если нас хочешь любить, как нас любил отец твой, и по городу лучшему (лучшему) нам дать, то мы на том от Изяслава отступим». Мстислав согласился и выделил для них города. На Житомирщине до сих пор известен город Бердичев (в XVIII веке – еще Берендичев).

Евреи. Расселение евреев с Ближнего Востока началось еще до новой эры в связи с вавилонскими, македонскими, римскими завоеваниями. Походы арабов вызвали еще несколько волн исхода евреев с их прародины.

С первого века до н.э. евреи начали селиться в греческих колониях в Крыму, в частности в Боспорском царстве и на Таманском полуострове. С середины VII века н.э. евреи стали проникать на территорию южнорусских степей, где входили в состав населения Хазарского каганата. В VIII веке иудаизм даже стал государственной религией каганата.

Массовое переселение евреев и караимов в Крым относится к 723 году н.э., когда византийский император Лев Исавриянин издал указ, обязывающий всех евреев Византии принять крещение по греческому обычаю, грозя в противном случае самыми ужасными наказаниями. В начале X века в Киеве также существовала община евреев, имеющая смешанное еврейско-хазарское происхождение.

Арабы. Начавшиеся в VII веке арабские завоевания охватили Аравию, Западную и Среднюю Азию, Северную Африку. В течение 100 лет арабы воевали с Хазарским каганатом и после поражения одним из условий арабов для сохранения кагана на престоле было принятие хазарской знатью ислама. С Русью арабами длительное время велась так называемая «серебряная» торговля. С середины VIII века арабское серебро поступало на север, на Оку, в районы, находившиеся под властью Руси, а по Десне – на Верхний Днепр и Западную Двину. Именно на этих маршрутах обнаружены клады с наиболее ранними арабскими монетами, датируемые периодом с 786 по 833 годы.

Значительное влияние на формирование русского этноса оказали и народы севера Европы. Экономика и политика, то есть торговля и война, связывали Русь и варягов крепче кровных уз.

Норманны – название, под которым в Западной Европе были известны народы Скандинавии в период их экспансии в VIII - середине XI века. В самой Скандинавии участники походов назывались викингами; на Руси их называли варягами. Норманны имели не только хороший флот и ходили не только по Балтийскому морю, но и в водах Северной Атлантики и Средиземного моря. Нанимаясь на службу к русским князьям, нередко оставались на Руси навсегда, сливались с местным населением. Около середины XI века их походы прекратились.

Вобрав в себя все богатство этнической истории на территории Восточно-Европейской равнины и Великого пояса степей, это разнородное единство станет

предтечей уникальных принципов уживаемости, терпимости, коллективности, послушания и рассудительности в первом совместном государстве.

2.4. Киевская Русь

Возникнув на рубеже VIII–IX веков, Киевская Русь уже в X–XI веках стала крупнейшим государством средневековой Европы – «Русской землей». Оно простиралось от левых притоков Вислы до предгорий Кавказа, от берегов Черного моря, Тамани до Северной Двины и Балтийского моря. Многочисленный народ, живший на этой территории, называли русью.

В развитии российской цивилизации трудно переоценить влияние Византийской империи, донесшей до Руси сохраненное античное наследие Эллады и Рима и перивившую ей православную христианскую культуру. Киевская Русь – это также синтез православных византийских, западно-христианских, языческих, мусульманских традиций.

«В дружине киевского князя мы находим – рядом с туземцами и обрусевшими потомками варягов – тюрков, берендеев, половцев, хазар, даже евреев, угров, ляхов, литву и чудь» [44].

С другой стороны, в ордынский период, когда Русь была частью империи Чингизидов, сами русские в составе вспомогательных отрядов Орды сражались в различных частях Евразии: в Венгрии, на Северном Кавказе и даже в Южном Китае. В начале XIV века золотоордынский хан Узбек послал в Пекин русский отряд в составе императорской гвардии. Он был известен как «охранный полк из русских, прославляющий верность».

Немаловажно и то обстоятельство, говорящее в пользу усиления русского влияния, что в X–XII веках Русь была связана династическими браками с крупнейшими дворами Европы: Византией, Германией, Францией, Англией, не говоря уже о соседях – Польше, Венгрии, Норвегии.

На дочери шведского короля был женат и сын киевского князя Владимира Ярослав Мудрый, княживший после смерти отца в Новгороде, автор знаменитой «Русской Правды», устава для новгородцев, который содержал в себе полную систему законодательства того времени. Законы «Русской Правды» утверждают «главную цель общежития, которая есть личная безопасность и неотъемлемость собственности». Они свидетельствуют о многих областях русской жизни того времени, в частности – об отношении к «национальному вопросу».

Пункты Устава доказывают, что в Древней Руси не только не было притеснения по национальному признаку, напротив, законы даже покровительствовали иноземцам.

Так, например, пункт 28 гласит: «Всякий уголовный донос требует свидетельства и присяги семи человек; но варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идёт единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Или, 23-й: «Если кто многим должен, а купец иностранный, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его именем, и первыми вырученными деньгами удовлетворить иностранца или казну» [70].

Считается, что в основу Правды Ярослава были во многом положены законы скандинавские, но в тех не было дано равных гражданских прав «покоренным народам»,

так, «за убийство франка надлежало платить 200 су и вдвое меньше за убийство римлянина». В законах же Ярослава различие в наказании, основанное на «этнической принадлежности», отсутствует. Как отсутствуют и телесные наказания: «Древние свободные россияне не терпели никаких телесных наказаний: виновный платил или жизнь (в редких случаях – *ред.*), или вольностью, или деньгами (чаще всего – *ред.*)».

Однако были на Руси и периоды, характерные для противоположных тенденций. Так, рост экономической самостоятельности городов (Новгород, Чернигов, Полоцк, Смоленск) способствовал усилению разобщенности на Руси. К XIII веку возникают три различных центра государственной жизни: Великий Новгород, Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское княжества. Окончательный распад Киевской Руси произошел в 1132 году, когда образовалось около пятнадцати фактически самостоятельных государств. В рамках этого центробежного процесса произошла дифференциация единого восточнославянского массива на три самостоятельных, но родственных народа: русских, украинцев, белорусов.

Великороссы. Русские становились единым народом в XIII–XIV веках, в напряженную для Восточной Европы эпоху монголо-татарской власти, разорения земель и разрыва связей между ними. Центром формирования русского народа стала территория Ростово-Суздальской земли (северо-восточного региона Киевской Руси), на которую после распада государства распространилось название «Русь», «Русская земля». Отсюда русские стали продвигаться дальше на север, осваивая Поморье, а в XVI–XVII веках – в Пермскую землю, на Урал и в Сибирь.

Украинцы. Основой этнонима стал термин «краина», то есть страна, который к XVIII веку закрепился в официальных документах. «Украина» («край») обозначает южные и юго-западные части древнерусских земель в XII–XIII веках. В XVI–XVII веках в официальных документах России украинцев часто называли черкасами, позже – малороссами, малороссиянами, южноруссами.

Формирование украинского этноса происходило в юго-западных областях Киевской Руси: земли Киевского, Переяславского, Чернигово-Северского, Волынского и Галицкого княжеств, в условиях продолжительной иноземной экспансии, возглавляемой венгерскими, польскими, литовскими магнатами. Основным центром формирования этноса стало среднее Поднепровье – правобережные Киевские, Переяславские и Чернигово-Северские земли.

Белоруссы. Белорусская этническая общность складывалась в XIV–XVI веках. В это время по отношению к части белорусских земель стало употребляться название Белая Русь. Земли Белоруссии в XIII–XIV веках вошли в состав Великого княжества Литовского, а затем, в XVI веке, в объединенное польско-литовское государство – Речь Посполитую.

В XIII–XIV веках западнорусские земли также были присоединены к Литве. В её состав вошли Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое княжества, Турово-Пинское Полесье, Берестейщина, Волынь, Подолье, Черниговская земля и часть Смоленщины. В 1362 году под власть литовского князя был переведен и Киев. Коренная Литва была окружена поясом подвластных ей русских земель, которые составляли 9/10 всей территории образовавшегося государства, простиравшегося от Балтийского до Черного моря. Но русское влияние в новом государстве было сильным и подчиняло

господствующую в политическом плане народность – литовцев. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, русские служили в литовских войсках, нередко занимая руководящие должности, они управляли от имени Гедимина городами и волостями, ездили в посольства от имени литовского государя. При дворе и в официальном делопроизводстве господствовал русский язык, поскольку в то время литовского письменного языка не было. Русичи составляли костяк вооруженных сил Великого княжества Литовского.

Как видно из анализа всех вышеперечисленных тенденций развития древней Руси, уже на самых ранних этапах русской государственности проявилась такая важная черта древнерусского этноса, как стремление к расширению своего этнического ареала, освоению новых земель, продолжавшееся с перерывом, вызванном междуусобицей и татаро-монгольским нашествием, почти тысячелетие.

Таким образом, период с середины I тысячелетия до н.э. и до распада Древнерусского государства в XII веке был временем активных контактов ираноязычных, эллинских, романских, тюркских, славянских, болгарских, иудейских, финно-угорских культур, находившихся в единой системе военных, политических, торговых связей.

Образно говоря, в течение 150 веков в одном котле варились, чтобы стать единым целым, сменявшие друг друга на исторической карте, но никуда не исчезающие, а растворявшиеся в крови друг друга киммерийцы, скифы, фракийцы, даки, савроматы, меоты, синды, гелоны, каллипиды, тавры, сарматы, аланы, готы, славяне, греки, саки, масагеты, даи, дахи, иирки, исседоны, аримаспы, аргибеи, будины, фиссагеты, савроматы, сарматы, язгы, роксоланы, сираки, аорсы, аланы, поляне, роксоланы, венеды, винды, вандалы, словены, бужане, уличи, северяне, вятичи, кривичи, рода, родни, полочане, дреговичи, древляне, радимичи, русь, норманны, греки, иллирийцы, тиверцы, уличи, белые хорваты, дулебы (волынские), северяне, чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печере, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь, мещера, голядь, карела, ижора, зыряне (коми), пермяки, мордва, удмурты, марийцы, остяки (ханты) и вогулы (манси), авары, хазары, болгары (болгары), арабы, евреи, норманны, гузы (торки), канглы (печенеги) и куманы (половцы), кипчаки, ногайцы, уйсуну, уйгуры, найманы, керейты, канглы, мангиты, асы, берендеи, итальянцы и проч. (табл. 4).

В результате тысячелетней борьбы, конкуренции, влияния, взаимодействия, доминанта «русские» поглотила, растворила, ассимилировала всех их для того, чтобы из фантастической смеси этих племен создать что-то новое и великое по своим возможностям, питаемое неисчерпаемое могучими бесчисленными корнями.

Таблица 4

**Состав населения Восточно-Европейской равнины
(до татаро-монгольского нашествия)**

№ п/п	Хронологический период	Название общности	Территория расселения
1.	700 тыс. лет назад	Первые следы обитания человека	Сибирь, Алтай, Кавказ, Причерноморье, Приуралье, низовья Волги и Дона

2.	VIII–VII вв. до н.э.	Киммерийцы	Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье, юг Восточной Европы от Днестра до Дона
	VII–V вв. до н.э.		Малая Азия
3.	VII–V вв. до н.э.	Скифы	Степи между Дунаем и Доном, Северный Кавказ, Прикубанье
4–8.	VII–V вв. до н.э.	Фракийцы, даки, синды, гелоны, каллипиды	Соседи скифов на западе, Северном Кавказе и Прикубанье
9.	VII–V вв. до н.э.	Тавры	Крым
10.	VI в. до н.э.	Греки	Северное и Восточное Причерноморье
11.	I тыс. до н.э.	Меоты	Побережье Азовского моря и Прикубанье
12.	IV в. до н.э.	Сарматы	Северное Причерноморье
13.	III в. до н.э.	Савроматы	Степи Волги и Дона, Приуралье, Причерноморье, Приазовье, Прикаспий, Северный Кавказ
14–21.	II в. до н.э.	Саки, масагеты, даи, дахи, иирки, исседоны, аримаспы, аргибей	Подножье Уральских гор
22.	I в. до н.э.	Аланы (илоны, ясы)	Причерноморье, Приазовье, Прикаспий, Северный Кавказ
23.	I в. до н.э.	Евреи	Крым, Таманский полуостров
24.		Эсты	Восточная Прибалтика
25–31.	К началу нашей	Весь, мурома, водь, меряне, ижора, карела, мещера	Волжско-Окское междуречье

32–37.	эры	Мордва, мари, удмурты, зыряне (коми), пермяки, марийцы	Поволжье
38–44.		Литва, ливы, зимигола, корсь, норома, либь, голядь	Западная Двина, Неман и их притоки, по Березине до Днепра
45–82.	IX в. до н.э. – X в. н.э.	Праславяне: усы, буддины, россолане, росколане, русколане, русы, русичи, руштии, киммеры, невры, венеды, вандалы, анты, словены, венды, винды, волыняне, дулебы, бужане, россы, ильменские словене, кривичи, вятичи, полочане, тиверцы, уличи, белые хорваты, дреговичи, древляне, поляне, радимичи, северяне, родни, роды, норманны	Центральная Европа и Польша, Восточно-Европейская равнина, побережье Балтийского моря, Византия, эгейские и средиземноморские острова, Малая Азия, Северная Африка
83.	II–III в. н.э.	Готы	Русская равнина
84.	IV в.	Хазары	Западно-Прикаспийские степи
85.	Конец V–начало VI в.	Тюркоязычные болгары (протоболгары)	Западное Причерноморье, Подунавье
86.	Сер. VI в.	Авары (обры)	Прикаспийская низменность, Византия, Паннония
	VII в.	Авары (обры)	Приазовье, Северный Кавказ, Балканы, Среднее Поволжье, Южнорусские степи
87.	VII–VIII вв.	Арабы	Северный Кавказ, Приазовье, Придонье, Крым, Северное Причерноморье
88.	VIII–сер. XI вв.	Норманны	Русские княжества
89.	IX–X вв.	Печенеги	От Крыма до среднего течения

			Волги, европейские степи
90.	X в.	Гузы	Бассейн реки Урал
91.	XI в.	Половцы (кипчаки)	От Иртыша до Волги, низовий Сыр-Дарьи, Центральное Предкавказье, устье Дуная
92.	XI–XII вв.	Ногайцы	Ногайская степь (современные Дагестан, Чечня, Ставрополье)
93.	XI–XII вв.	Берендеи	Юго-восточные русские княжества
94–95.	Сер. XII в.	Генуэзцы, венецианцы	Крым
96.	XIII в.	Монголо-татары	Западная Сибирь, Северный Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым, Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь от Иртыша до Дуная)

Но то же самое мы можем с уверенностью сказать о тюркоязычных и финноугорских народах современной России. Все они, каждый в своей пропорции, вобрали в себя предшествующую историю межплеменных контактов, взаимовлияния и взаимодействия.

Механизмы такого взаимодействия были разные: миграции, смешанные браки, совместные походы, битвы, институт волонтерства, освоение вновь приобретаемых земель, многочисленные странники, институт наложниц и др. Кроме того, шли биологические процессы, в частности, мутагенез – как возникновение наследственных изменений – мутаций.

Неоднородное расселение, включение в систему племенных союзов, крупных государственных образований еще больше сближало людей, определяя во многом сходство жизненного уклада, менталитета, результатом которого стало качественно новое единство – Киевская Русь, государство, широко открытое для сожителства и сосуществования.

Одна из главных особенностей мировоззрения единого народа Киевской Руси – изначальное отсутствие племенного эгоизма, открытость по отношению к иным языкам и народам, отсутствие расового начала в миропонимании, классического рабства.

Очень примечательно и то, что Киевская Русь не знала войн или вооруженных конфликтов на этнической почве. Показательно в этом отношении написанное еще в XI веке послание преподобного Феодосия Печерского великому киевскому князю Изяславу: «...Милостью милуй людей не только своей веры, но и чужой. Если видишь нагого или

голодного, или зимою, или бедой одержимого, если то будет еврей, или мусульманин-сарацин, или волжский болгарин, или еретик, или католик, или любой язычник, – всякого помилуй, от беды отврати.» (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. 1978) [36].

Киевская Русь стала первым мировым опытом государственного строительства с прочно сформированными принципами патриотического альтруизма, милосердия, добрососедства, толерантности.

И хотя период феодальной раздробленности привел к ослаблению государства перед лицом внешней опасности, однако политическое дробление не повлекло за собой этнической и культурной разобщенности, что создало предпосылки для воссоединения русских княжеств в XV – начале XVI века, но уже под новым названием – Россия. Киевская Русь за время своего существования создала мощный культурный и духовный потенциал, который позволил вновь собрать в одно государство Русские земли. Пример Киевской Руси как Руси единой и потому сильной вдохновлял русских князей позднейшего времени в их деятельности по новому объединению России вокруг нового центра – Москвы. Как говорил известный историк и филолог академик Д.С. Лихачев, «политическая мысль постоянно обращается к Древнему Киеву и к домонгольскому Владимирскому княжеству – к их государственному наследству и политическим традициям».

На примере этого периода русской истории становится наиболее очевидно, что единство и независимость Русского государства находятся в теснейшей взаимосвязи – стоит Руси пойти по пути разделения и разобщения внутри себя по пути междоусобиц, по какому бы принципу оно ни происходило, или по иным причинам – она тут же, ослабев, теряет свою самостоятельность.

2.5. Нашествие Орды

В 1240 – 1241 гг. южную Русь захватили тюрко-монгольские племена.

Монголо-татары. Многочисленные монгольские племена в XI–XII веках кочевали на огромных просторах Монголии. Наиболее крупными племенами были: меркиты, тайгидты, найманы, кэриты.

Этноним «монголы» является самоназванием объединенных в 1206 году Чингисханом племен, однако повсюду, где появлялись монгольские войска, их называли татарами. Это было связано исключительно с летописной традицией китайцев, с XII века упорно именовавших всех монголов «татарами», что соответствовало европейскому понятию «варвары». Словесный гибрид «монголо-татары» возник лишь в XIX веке и укрепился в российской историографии, хотя в войсках Чингисхана и Батыя никаких татар не было.

Монголо-татарское феодальное государство, Золотая Орда, основано в начале 40-х годов XIII века ханом Батыем, внуком Чингисхана, что стало результатом завоевательных походов монголов. В состав Золотой Орды входили Западная Сибирь, Северный Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым, Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь от Иртыша до Дуная). Крайним юго-восточным пределом Золотой Орды был Южный Казахстан, а крайним северо-восточным – города Тюмень и Искер (около современного

города Тобольска) в Западной Сибири. С севера на юг Орда простиралась от среднего течения Камы до Дербента. Русские княжества находились в вассальной зависимости от Золотой Орды (рис. 4).

Растянувшись от Иртыша до Дуная, Золотая Орда с этнической точки зрения представляла собой весьма пеструю смесь самых разных народов: монголы, волжские болгары, буртасы, башкиры, мордва, ясы, черкесы, грузины, половцы и пр. Но основную массу населения составляли половцы, в среде которых уже в XIV веке стали растворяться завоеватели, постепенно забываявшие свою культуру, язык, письменность (подобные процессы характерны были и для других государств, созданных монгольскими завоевателями). Многонациональный характер Орды наследовался ею вместе с завоеванными территориями, принадлежавшими ранее государствам сарматов, готов, Хазарии, Поволжской Булгарии.

В период монголо-татарского ига (XIII–XIV вв.) сложились тесные этнические контакты между русскими и монголо-татарами. Русские князья с их приближенными, русские купцы и многочисленные русские ремесленники составляли в Сарае, столице Золотой Орды, обширную колонию. Поэтому еще в 1261 году была учреждена особая Сарайская православная епископия. Имелся в Сарае и православный храм. Возникали очаги совместного или соседского расселения, торговые связи, брачные отношения. Монголо-татары поступали на службу к русским князьям, а русские – к золотоордынским ханам. Все это влияло на социокультурный облик формировавшегося современного русского этноса, который уже отличался от облика древнерусского этноса.

Этнокультурное влияние народов Киевской Руси и Орды было взаимным. Следы межэтнических контактов можно обнаружить не только у тюркоязычных болгар, половцев, башкир, чувашей, но и у великорусского этноса.

В Золотой Орде было создано более сотни городов, построенных тысячами пленных, которых монголы сгоняли с завоеванных территорий: Азов, Казань, Старый Крым, Тюмень, Елец, Тула, Калуга. Это были резиденции и опорные гарнизоны баскачества («Калуга» переводится на русский язык как «застава»). Столица государства - город Сарай - насчитывала 75 тысяч жителей. Культурная жизнь Орды характеризовалась многоэтничностью, а также взаимодействием кочевого и оседлого укладов.

После принятия ислама в качестве государственной религии в XIV веке стали строиться мечети, медресе, мавзолеи, монументальные дворцы. В разных районах Золотой Орды достаточно четко выделялись зоны конкретного влияния различных градостроительных традиций: болгарских, хорезмских, крымских и т.п. Постепенно различные элементы многоэтнической культуры объединялись в одно целое, происходил синтез, органическое сочетание разнообразных черт духовной и материальной культуры разных народов, населяющих Золотую Орду.

Монголы чрезвычайно спокойно относились к любым религиям. Такая веротерпимость вела к тому, что сплошь и рядом даже в одном семействе уживались приверженцы различных исповеданий. К примеру, в роду самих Джучидов хан Батый был язычником, его брат Берке – мусульманином, сын Сартак – христианином.

В отношении развития русской культуры времен татаро-монгольского нашествия, специалисты отмечают, что «если в области материальной культуры наблюдается

несомненный упадок почти во всех областях производства, то в развитии духовной культуры прослеживается картина более сложная. С одной стороны, заметно (...) огрубление техники, потеря сложных технических навыков (многие мастера были уведены в полон), с другой – появление произведений искусства с редкой выразительностью образов, новыми иконографическими изводами, отличными от искусства Византии и домонгольской Руси (...) Дело было не только в том, что монгольское нашествие нанесло большой удар по развитию русской культуры, но и в том, что оно повернуло это развитие на другой путь» (Николаева Т.В. Прикладное искусство московской Руси., М., 1976).

Нельзя не отметить также и того факта, что творческая мысль на Руси, несколько веков вынужденная выживать и сохранять свою самостоятельность в условиях монголо-татарского ига, качественно изменилась в сторону большей концентрации всего лучшего, что было накоплено русской культурной традицией. Все это дало мировой культуре лучшие выстраданные и выкристаллизованные образцы древнерусской литературы и других искусств; самые лучшие из них – опять же в основе своей содержали идеи общности, единства русских княжеств и преодоления феодальной раздробленности.

2.6. Татары на Руси

В XV веке Золотая Орда распалась на Ногайскую Орду (начало XV века), Казанское (1438 г.), Крымское (1443 г.), Астраханское (1459 г.), Сибирское (конец XV века), Большую Орду и другие ханства.

Присоединение земель, населенных татарами Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.) ханств, не означало закабаления и лишения идентичности татарского этноса. Как бы ни хотели представить некоторые историки казанский поход Ивана Грозного межнациональным (русские против татар) или межконфессиональным (православные против мусульман) конфликтом, на самом деле это было крупное исторически обусловленное геополитическое столкновение. «...Губя вероломных, Иоанн награждал верных: многие казанцы добровольно крестились; другие, не оставляя Закона отцов своих, вместе с первыми служили России. Им давали землю, пашни, луга и все нужное для хозяйства» (Карамзин Н.М., 1989) [42].

Татары быстро интегрировались в жизнь России, а татарская знать получила те же права, что и российское дворянство. Некоторые представители татарской знати стали основателями известных российских аристократических родов.

Одной из распространенных форм интеграции были так называемые отъезды тюрокских аристократов соответственно в московские или крымские владения. Московские государи предоставляли выходцам с Востока города «в кормление» и требовали исполнения воинской службы. При тюрокских вельможах оставались их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым мигрантам из степи.

В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Подольский, выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, к которым можно отнести Казахское, Сибирское на Тоболе и Крымское ханства, – городец Мещерский или Касимов с прилегающими землями. По этому поводу посол Ивана Грозного писал в 1570 году падишаху Османов: «Мой государь

не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Сеит-Булат господствует в Касимове, Кайбулла в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья ногайские в Романове» (Карамзин Н.М., 1989) [42].

История Касимова, в частности, показывает, что процесс взаимодействия русского и татарского этносов составляет одну из важнейших черт всей истории Государства российского.

Основанный Юрием Долгоруким в 1152 году как Городец Мещерский, он стал Касимовым около 1452 года, когда великий князь Василий II отдал Городец в удел казанскому царевичу Касиму. Так на Оке возникло вполне автономное Касимовское царство с пятью сотнями постоянного конного войска. Вплоть до середины XVI века (до покорения Казанского ханства) Касимов являлся важнейшим стратегическим буфером между Москвой и Казанью.

Впоследствии, когда род татарских царевичей пресекся, Касимов и административно, и по сути стал обычным уездным окским городком – с необычным архитектурным обликом.

От «Касимовского царства» в городе сохранились минарет времен царевича Касима, мечеть, два мавзолея (текие) татарских царей: Шах-Али-хана (1555) и Авгана (1648).

А в XVIII столетии уже русские купцы построили по соседству ряд церквей: Вознесенскую, Благовещенскую, Георгиевскую, Троицкую, Успенскую, Никольскую, Ильинскую.

Купола с крестами и купола с полумесяцами мирно соседствуют друг с другом – и точно так же мирно живут по соседству татары и русские. Примечателен и тот факт, что за всю историю существования в Касимове не произошло ни одного конфликта на национальной почве.

Кроме того, одним из важнейших постулатов русской власти являлся принцип национального равенства различных сословий. Скажем, знатность тюркских мигрантов позволяла им и в России претендовать на высокие посты. В Разрядах (рописях воевод по полкам) служилые цари, и царевичи всегда упоминаются после русского государя и его сыновей, перед (или наряду) с высшими представителями московской знати. Выходцы из её среды даже становились государями всея Руси, как номинальными, так и реальными.

К первому типу можно отнести так называемое отречение от русского престола Ивана Грозного в пользу крещеного татарского царевича Чингизида Симеона Бекбулатовича, ставшего на короткий период времени номинальным правителем Московии. Этот факт относится скорее к курьезам истории и связан во многом с особенностями характера великого московского государя, его склонностью к юродству и лицедейству. Как в меру своего величия, а потому указывают летописи, «произволил» царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским, и вышел из Кремля, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам «ездил просто», как боярин, в оглоблях...» Конечно, «отречение» Грозного свидетельствует как раз о крепости власти русского самодержца, который не боялся, пусть и «понарошку», поступиться своим титулом.

Но были и подлинные властелины из «татар». Такие, как потомок ордынца Чет-Мурзы русский царь Борис Годунов – татарин, нехристь, зять Малюты, – как писал о нем А.С. Пушкин. А царь Иван Грозный был Чингизидом по матери, крещеной татарке Елене Глинской, и данное обстоятельство использовалось им при покорении Казани, в борьбе за казанский престол.

При Иване III татары имели свой двор в Московском Кремле. Полки служилых татар – всего русскому царю служили 13 татарских царевичей (каждый с небольшим собственным войском) – сыграли решающую роль в победе Ивана III над Новгородом, последним соперником Москвы в борьбе за главенство над Русью.

В 1546 году большая группа татарской знати, в их числе пять царей и пять царевичей, пришла на службу к Ивану Грозному. При походе на Казань войска Ивана Грозного состояли не только из русских конников и пехотинцев. Едва ли не половину войска, а то и больше составляли темниковские и касимовские татары.

Вообще татарская конница – неперенный атрибут Московского войска XV–XVII веков.

Немало было в окружении Ивана IV и крещеных татар. Предполагается, что к их числу относились влиятельные фавориты Грозного и видные политические и военные деятели той эпохи, отец и сын Алексей и Федор Басмановы, упомянутый выше глава опричнины и правая рука царя Малюта Скуратов, заплечных дел мастер, один из самых зловещих персонажей русской истории. При дворе Ивана IV до конца своих дней жил последний казанский хан Едигер (Ядыгар), при крещении Симеон, похороненный в 1565 году в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

С семи лет находился при дворе Ивана Грозного ногайский князь Утямыш-Гирей. Об этом царь писал его деду Юсупу, ногайскому князю: «внука его он держит у себя за сына место». (Старинный обычай брать на воспитание детей из знати сопредельных государств и вассальных земель символически породнял семьи правителей и служил укреплению международных отношений). Утямыш-Гирей умер двадцатилетним и похоронен в Архангельском соборе Кремля под христианским именем Александр.

Важную роль для судеб русской монархии сыграли потомки ногайских биев – князья Урусовы и Юсуповы. Князь Петр Урусов, сын мурзы Исмаила, возглавил заговор и убил царя-самозванца Лжедмитрия II, а князь Феликс Юсупов участвовал в убийстве Григория Распутина.

И род генерала Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года, проконсула Кавказа, ведет, по преданию, свою родословную от Арслана-Мурзы-Ермолы, который в 1506 году выехал к великому князю Василию Ивановичу из Золотой Орды. Даже если это легенда – она говорит о том, что вести род от татарской знати было на Руси почетно.

2.7. Присоединение к Русскому государству Среднего Поволжья и Южного Урала

В конце XV – середине XVI века в состав русского государства вошли земли, населенные финно-угорскими народами Среднего Поволжья, Южного Урала – марийцами, мордвой, удмуртами, коми, а также башкирами.

Марийцы – (самоназвание мари, марий – «человек», «мужчина», «муж»; устаревшее русское название – черемисы). Ядром формирования этого этноса были финно-угорские племена I тысячелетия н.э. в Волго-Вятском междуречье. В X веке марийцы упоминаются в хазарском документе как ц-р-мис (черемисы). Большую роль в становлении и развитии этноса играли тесные этнокультурные связи с тюркскими народами (волжско-камскими болгарами, чувашами, татарами), русскими. Массовая христианизация в XVIII–XIX веках еще больше сблизила марийцев с русским населением.

Мордва. Предки мордвы – финно-угорские племена Волго-Окско-Сурского междуречья второй половины I тысячелетия до н.э. Миграционные процессы, расселение в Среднем Поволжье болгар и создание государственного образования – Волжско-Камской Болгарии, монголо-татарское нашествие содействовали разделению древней мордвы на эрзя и мокшу, сохранившееся до наших дней. Впервые мордва под названием «морденс» упоминается у готского историка Иордана (VI век). Первое упоминание об этнониме эрзя (арису) дошло до нас в послании кагана Хазарии Иосифа (X век). Есть мнение, что это не первое письменное свидетельство об эрзя, что таковые содержатся в трудах древнегреческих ученых-географов Страбона (аорсы) и Птолемея (арсииты). Этноним мокша упоминается в записках фламандского путешественника XIII века Виллема Рубрука.

До XIII века западной границей расселения мордвы была река Ока. Северная граница проходила по Оке и Волге, восточная – по Суре, южная – по естественному рубежу леса и степи. Эрзя занимала северную часть «Мордовской земли», мокша – южную.

На западе и северо-западе соседями мордвы были мурома, черемисы, славяне (в том числе и русские), на юге – хазары, печенеги, с XI века – половцы и куманы, или огузы, а затем татары, на востоке – волжские болгары, а затем чуваша. В конце XII – первой трети XIII века во главе мордвы становится Пургас, при котором происходит концентрация значительной части мордвы в границах «Пургасовой волости» (в русских летописях). Мордва вела совместную борьбу с золотоордынским игом. С падением Казанского ханства (1552 год) мордва вошла в состав России.

Удмурты (самоназвание «утморт», «укморт»; устаревшее русское название «вотяки»). Территория Удмуртии заселялась с эпохи мезолита. Основой для формирования древних удмуртов послужили племена Волго-Камья. В разные периоды в состав входили индоиранские, угорские, раннетюркские, славянские, позднетюркские этнические включения. Во второй половине I тысячелетия н.э. оформляется древнеудмуртская этноязыковая общность, удмурты селятся в бассейне нижнего и среднего течения р. Вятки и ее притоков. В русских источниках удмурты упоминаются под названием арян, арских людей лишь в XIV веке. Этноним «пермь» некоторое время служил общим собирательным этнонимом для пермских финнов, в том числе и предков удмуртов.

Постепенно удмурты разделились на северных и южных. У южных удмуртов ощущается тюркское влияние, у северных – русское. Южная Удмуртия находилась под властью Волжско-Камской Булгарии, позднее – Золотой Орды. Присоединение удмуртов к Русскому государству завершилось к 1558 году.

Коми (самоназвание коми морт – «коми человек», коми войтыр – «коми народ»; устаревшее русское название зыряне). Непосредственные предки коми – племена перми вычегодской – сформировались в X–XIV веках на основе местных и пришлых пермских (древнекоми) групп с территории верхнего Прикамья. В этногенезе коми участвовали многие соседние народы (вепсы, древние марийцы, предки обских угров, восточные славяне и др.). В конце XIV века коми были христианизированы. После присоединения Великого Новгорода к Москве (1478 год) земли перми вычегодской вошли в состав Русского государства. В XVI–XVII веках границы расселения изменились: заселились верховья рек Мезени и Вычегды, бассейн реки Ижма, верхняя и нижняя Печора. В XVII–XVIII веках оформилась восточная граница – вдоль Уральского хребта. Родственны коми-пермякам и удмуртам.

Башкиры (самоназвание – башкорт). В формировании башкир решающую роль сыграли тюркские племена южносибирско-центральноазиатского происхождения, которые до прихода на Южный Урал кочевали в приаральско-сырдарьинских степях, вступая в контакты с печенежско-огузскими и кимако-кыпчакскими племенами. С конца IX – начала X века жили на Южном Урале и прилегающих степных и лесостепных пространствах. Название народа баашкорт (волк-вожак) известно с IX века. Еще в Сибири, Саяно-Алтайском нагорье и Центральной Азии испытали влияние тунгусо-маньчжуров и монголов. Придя на Южный Урал, башкиры частью вытеснили, частью ассимилировали местное финно-угорское и иранское (сармато-аланское) население. Контактывали с древнемадьярскими племенами. К концу первой трети XIII века, ко времени монголо-татарского нашествия, в основном завершился процесс формирования этнического облика башкир.

В X – начале XIII века башкиры испытывали политическое влияние Волжско-Камской Болгарии, соседствовали также с кыпчако-куманами. В 1236 году были покорены монголо-татарами. В X веке в среду башкир начал проникать ислам. Вместе с исламом башкиры стали приобщаться к арабской, персидской (фарси), а затем и тюркоязычной письменной культуре. В период монголо-татарского владычества в состав башкир влились некоторые болгарские, кыпчакские и монгольские племена.

После падения Казанского ханства башкиры добровольно приняли российское подданство, сохранив за это право вотчинного владения своими землями.

2.8. Формирование России как крупнейшей державы в Европе

Включение в состав Российского государства новых земель имело прогрессивное значение как для населения этих земель, так и для россиян. Прекратились разорительные феодальные усобицы, исчезли пограничные рубежи между отдельными землями. На территории единого государства стали вводиться единая денежная система, единые меры веса, длины. Все это способствовало подъему экономики.

На Русь бежали литовцы, не принявшие католицизм, крещенные половцы, мурома, мордва, татары. Возрос авторитет России среди западных и южных славян. В Москве находили убежище многие южнославянские патриоты и греки, подвергавшиеся у себя на родине гонениям со стороны турецких завоевателей. Как писали посетившие столицу торговые люди, в столице было много невест, легко было получить службу, еда стоила дешево, воров и грабителей истребил еще Иван Калита.

Вокруг когда-то скромного Московского княжества сложилась мощная держава – Россия, ставшая самой крупной в Европе: «Изумленная Европа, - писал К. Маркс, – в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи» (Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.8. 1964).

С Российским государством считались многие европейские державы, установившие с нею постоянные дипломатические отношения, а также монархические дома, породнившиеся с династией московского двора.

В условиях начавшегося территориального раздела мира между колониальными державами о добровольном подданстве московскому царю просили многие представители феодальной знати с южных рубежей государства.

В 1557 году Россия принимает в подданство кабардинцев, искавших защиту от постоянной угрозы со стороны турок и их вассалов – крымских ханов. Иван Грозный женится вторым браком на кабардинской принцессе Гошаней (Кучаней) – дочери кабардинского князя Темрюка, крещеной по православному обряду под именем Марии Темрюковны. От родственников Марии Темрюковны ведет начало известный в России аристократический род князей Черкасских (черкасами или черкесами называли в то время все адыгские народы, в том числе кабардинцев).

Эта ситуация смешения языков и народов очень точно описана Л.Н. Гумилевым на примере турецкой истории – и это лишний раз подтверждает, что человеческое сообщество развивается по сценарию, подчиненному одним и тем же социальным законам: «В XII веке туркменский вождь Эрготул, спасаясь от монголов, привел в Малую Азию около 500 всадников с семьями. Иконейский султан поселил прибывших на границе с Никеей, в Бруссе, для пограничной войны с «неверными» греками. При первых султанах в Бруссу стекались добровольцы – «газии» со всего Ближнего Востока ради добычи и земли для поселения. Они составили конницу – «спаги». Завоевание Болгарии и Македонии в XVI веке позволило султанам организовать пехоту из христианских мальчиков, которых отрывали от семей, обучали исламу и военному делу и ставили на положение гвардии – «нового войска», янычар. В XV веке был создан флот, укомплектованный авантюристами всех берегов Средиземного моря. В XVI веке добавилась легкая конница – «акиджи» из завоеванных Диарбекра, Ирака и Курдистана. Дипломатами становились ренегаты, а финансистами и экономистами – греки, армяне и евреи. А жен эти люди покупали на невольничьих базарах. Там были полячки, украинки, немки, итальянки, грузинки, гречанки, берберки, негритянки и т.д. Эти женщины в XVII–XVIII веках были матерями и бабушками турецких воинов. Турки были этносом, но молодой солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы – арабские» [31].

2.9. Освоение Сибири

Начало освоению Сибири было положено еще в конце XV века, при Иоанне III. Населена Сибирь была небольшими по численности племенами, находящимися под

властью местных князей. Н.М. Карамзин называет ее отечеством «малолюдных племен монгольских, татарских, чудских (финских), американских» – последнее интересно отметить как напоминание о генетическом родстве сибирских ненцев и эскимосов с жителями Аляски и вообще индейцами.

Вот как описываются сибирские земли и люди, их населявшие, в Сибирской летописи: «Тобол же вниде своим устьем в реку Иртиш, и Иртиш вниде в великую реку Обь. По сих реках живут татаровя, колмаки, мунгалы, Пегая орда, остяки, самоедь и прочии языцы. Татарове же закон держат Бахметов; калмаки же неведомо какой закон держат или отцов своих предания, и писания о сем не обретохом и испитати не могох. Пегая же Орда и остяки, и самоедь закона не имуть, но идолом поклоняются и жертвы приносят. Сыроятцы суще, зверская же и гадская мяса ядут и кровь пьют, яко воду, и траву и коренья всякая ядят. Остяки же одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей» (Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / изд. Археографической комиссии. – СПб., 1880) [50].

Ко второй половине XVI века относится так называемое завоевание Сибири Ермаком. Название это гораздо громче самого этого события. Согласно летописям, отряд Ермака был малочислен, «завоевание» это он совершил практически поневоле, спасаясь от гнева Ивана Грозного, решившего наконец навести порядок среди казацкой вольницы. Единственным настоящим военным событием на этом пути было столкновение отряда Ермака с ханом Кучумом, последним ханом Сибирского ханства. В небольшом отряде Ермака были не только казаки, но и татары, литовцы, калмыки.

Надо также отметить, что уже после гибели Ермака, в августе 1598 года в столкновении на реке Оби вверх был окончательно над Кучумом одержан. При этом воеводы Воейкова, согласно его донесению, было рати: «3 сына боярских, да голова татарский, 3 атамана, да 400 без 3-х человек литвы, казаков, юртовских и волостных татар». То есть вся эта интернациональная армия, завоевавшая обширную территорию Сибири, была численностью в... 404 человека.

В дальнейшем освоении Сибири участвовали представители разных сословий, разных российских городов, разных вероисповеданий, разных «языков». Сибирские города ставили и «вятчаны, и пермичи, и вымичи, и усольцы». Воеводами в сибирских городах также частенько были «инородцы»: так, летописи сохранили имена князя Юрья Яншеевича Сулешева, Юрья Редрикова, Ивана Нарманского, а также Нарбекова, Франсбекова, Отасланова, Сунбулова, Кайсарова, Салманова, Янова...

Причем многих детей местной знати оставляли при дворе московского царя: так были взяты на воспитание и обучение сыновья хана Кучума царевичи Алей и Алтынай, сын тунгусского князя новокрещеного Павла Катаная Гадамурова.

Вместе с территориями Западной Сибири в состав населения России вошли такие народы, как сибирские татары, манси (вогулы), ханты (остяки), ненцы (самоеды), селькупы (нарымские остяки), чулымские, томские, кузнецкие татары, племена белых калмаков (называвшихся так в отличие от черных калмаков, то есть джунгар), енисейские киргизы, качинцы, сагайцы, бельтиры, тувинцы, саянские тувинцы-тоджинцы, тюркизирующееся самодийское население: моторы, камасинцы, карагасы, эудинцы, кайсоты, кетоязычные племена коттов, асан, аринцев, яринцев, байкотовцев (которые в русских источниках были также известны под именем татарских кетов (остяков), самоедь

(предки современных ненцев и нганасан, эвенки (тунгусы), буряты, якуты, юкагиры, чукчи, ительмены (камчадалы), коряки, а также эскимосы Чукотки, айны Курильских островов, Камчатки и Южного Сахалина, нивхи (гиляки) Северного Сахалина и устья Амура, ульчи и нанайцы (гольды) Амура, орочи побережья Татарского пролива, удэгейцы, манчжуры (дючеры), дауры.

В марте 1819 года генерал-губернатором Сибири был назначен выдающийся государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский. Прежде всего, он произвел ревизию всей системы управления. А затем на основе его рекомендаций специально для этого созданный Сибирский комитет разработал «Устав об управлении инородцев». Этот документ, утвержденный императором Александром I 22 июля 1822 года, на протяжении следующих почти ста лет определял положение сибирских народов. Наиболее примечательные его параграфы:

«п. 13. Все вообще оседлые иноверцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят».

«п. 35. Кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным» (Устав об управлении инородцев. Полное собрание законов Российской империи, т. 38, [СПБ], 1830, № 29126. Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. – М.: «Юринформцентр», 1999) [98].

Многие народы Сибири и Севера нередко добровольно помогали продвигавшимся на восток русским. Русские поселенцы строили православные храмы, которые посещали и многие из живущих там народов. Тем же жителям Сибири, которые сохраняли верность традиционным племенным культам, русские поселенцы не мешали в этом. Русские не стремились переучивать непохожих на них людей, старались найти с ними общий язык и прочно закрепиться в Сибири. Так что здесь не происходило ничего похожего на истребление индейцев в Америке или аборигенов в Австралии, либо захватов и продажи в рабство чернокожих жителей Африки.

И в соседней с Сибирью Аляске, которая относится к так называемым утраченным землям России, к местному населению относились как к полноправным хозяевам. Вот что говорится в указе императора Александра I от 13 сентября 1821 года «О возобновлении привилегий Российской Американской Компании и о утверждении составленных для оной новых правил»: «...П. 57. Компания, имея главным предметом ловлю морских и земных зверей, не имеет по сему надобности распространять свое владычество внутрь тех стран, по берегам которых она производит свои ловли и не должна стараться о покорении народов, берега те населяющих; а по сему, ежели бы Компания находила свои выгоды в учреждении факторий в некоторых местах Американского материка для безопасности своих торговых действий, то она должна производить сие с согласия природных жителей тех мест и употребить все возможные способы, дабы сохранить их доброе расположение, избегая всего, могущего возбудить в них подозрение о намерении нарушить их независимость» [96].

Освоение Сибири имело одну яркую историческую особенность. Изначально это была не государственная, а истинно народная, крестьянская «кампания». И участвовал в ней отнюдь не только русский этнос, но и представители всех российских народов. При этом миграционные потоки всегда направлялись не на освоенную землю, а на целину.

Вообще, за все время «распространения» России, то есть расширения её территорий, от XVI до XIX века на всем протяжении от Прибалтики до Тихого океана и от Белого моря до Средней Азии ни один земледельческий народ не был лишен земли.

2.10. Россия XVII–XIX веков: создание империи

К концу XVI века территория России увеличилась до 2800 кв. км, население выросло до 9 млн. человек. Основная его часть была сосредоточена на северо-западе (Новгород) и в центре страны (Москва).

Из Голландии, германских княжеств, других стран шел поток переселенцев в Россию. Эмигрантов привлекали обширнейшие земельные ресурсы. Тогдашняя Москва – златоглавая, с византийской пышностью, бойкой торговлей и веселыми праздниками – поражала воображение европейцев. Многие переселенцы добровольно переходили в православие, брали русские имена.

Немецкая слобода на реке Яузе под Москвой стала уголком Западной Европы в самом сердце Московии. Многие иноземные новинки – от театральных представлений до кулинарных блюд – вызывали интерес у московской знати. Некоторые влиятельные вельможи из царского окружения – Нарышкин, Матвеев – становились сторонниками распространения европейских обычаев, свои дома устраивали на заморский манер, носили западное платье, брили бороды. В царствование Анны Иоановны (1730–1740 гг.), по В.О. Ключевскому [44], «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка – облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». При Екатерине II в Россию прибыли 98 тысяч немцев. В Поволжье они занимались земледелием, а в городах в основном были мелкими ремесленниками.

Приезжие французы служили поварами или гувернерами, итальянцы – актерами либо просто шарманщиками. Выходцы из Швейцарии чаще всего занимали должности разного рода привратников.

За период с 1828 по 1915 год в Россию переселились, ни много ни мало, 4,2 млн. иностранцев!

К началу Мировой войны 1914 года Россия была вторым, после США, центром иммиграции в мире – впереди Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии.

Получалось, что иностранцы, упорно не замечая предостережений либералов всех мастей, стремились попасть в «тюрьму народов».

Но и коренные жители тоже почему-то не торопились бежать из этой «тюрьмы». Первая массовая волна эмиграции из России возникла только после поражения белой армии в Гражданской войне.

В XVIII веке на этнической карте России появились эстонцы, армяне, выходцы из различных германских земель (немцы, голландцы) и из Османской империи (сербы, болгары, армяне, гагаузы и другие), латыши, литовцы, эстонцы.

К концу XVIII века земли, заселенные украинским и белорусским этносами, находившиеся в составе Речи Посполитой, после разделов последней были возвращены России. Три ветви восточнославянского мира вновь воссоединились в едином государстве.

К началу XIX века Россия стала мировой державой, раскинувшейся на тысячи верст – от Балтийского моря до Тихого океана. На этой территории проживали 43,7 млн. человек.

В XIX веке этнический состав населения продолжал усложняться: финны, молдаване, азербайджанцы, казахи, узбеки, киргизы, кипчаки, таджики, цыгане, корейцы связали свою судьбу с судьбой России.

Первые корейские переселенцы появились в Приморье в 1863 году. И всего через год здесь проживали уже 9 тысяч корейцев. К 1902 году корейское население Дальнего Востока превышало 32 тысячи человек, а к 1905 году возросло до 34 тысяч, из которых 15 тысяч состояли в русском подданстве. Однако в действительности оно было ещё больше, так как многие корейцы проживали нелегально. К 1917 году численность корейцев Приморья уже составляла более 32 тысяч подданных России и около 42 тысяч иностранных подданных.

Мощное государство, каким была в то время Российская империя, нисколько не опасалось «наплыва чужеземцев»: Россия принимала всех, и всех интегрировала в свое пространство, в котором каждому находилось достойное место.

2.11. Кавказ и Россия

Представители новых российских народов, особенно армяне и грузины, быстро интегрировались в жизнь империи, дворянские роды из Закавказья заняли видное место в российском аристократическом слое.

XIX век стал периодом интенсивной интеграции в жизнь российского общества Северного Кавказа, хотя поэтапное вхождение региона в состав России началось еще с XVI века. В древних источниках (Страбон) упоминается 53 этноса Кавказа. В результате совместного проживания, тесных контактов и этнического смешения сформировалась этнопсихологическая совместимость кавказских этносов, открытых для дальнейших широких этнокультурных контактов с населением России. Адыги, черкесы, абазины, кабардинцы, ингуши, чеченцы, аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, абхазы, кумыки естественным образом приобщались к российской культуре. С другой стороны, в творчестве побывавших здесь писателей, поэтов появляться и развиваться заметны кавказские мотивы. Шло взаимодействие и взаимообогащение культур.

Правители кавказских земель зачастую сами обращались к русскому царю с просьбой войти в состав Российской империи, о чем свидетельствует, к примеру, следующий документ (http://www.abkhaziya.org/books/prav_konflikt/russia.html):

ГРАМОТА, данная 17 февр. 1810 г.
Императором Александром I владетелю Абхазии
КНЯЗЮ ГЕОРГИЮ ШАРВАШИДЗЕ
с просительными пунктами

«Божиею поспешествующею милостию Мы, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ: Московский,

Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Карельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода, Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Уборский, Обдорский, Кондийский, Мстиславский и всея Северной Страны Повелитель и Государь Иверския, Карта-линския, Грузинския и Кабардинския земли; Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Сторжарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая. Нам любезно верноподданному Абхазския земли Владетелю Князю Георгию Шарвашидзе Наша ИМПЕРАТОРСКАЯ милость в благоволение. Снизходя на прошение Ваше поступить в вечное подданство Российской Империи и не сомневаясь в преданности Вашей к высокому НАШЕМУ престолу, изъясненной в обязательном письме Вашем на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя НАШЕ присланном, утверждаем и признаем Вас НАШЕГО любезно-верноподданного наследственным Князем Абхазскаго владения под Верховным покровительством, державою и защитою Российской Империи, и включая Вас и дом Ваш и всех Абхазскаго владения жителей в число НАШИХ верноподданных, обещаем Вам и благоволение. ...Определяем Вам жалованье серебром по две тысячи пятисот рублей в год, а любезной Княгине Родительнице Вашей по тысяче пятисот рублей в год серебром же..., да сверх того ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ жалуем Вас Кавалером ордена Св. Анны перваго класса... Засим поручаем Вам управлять народом Абхазския земли с кротостью и правосудием..."

Однако, безусловно, взаимоотношения России и Кавказа нельзя преподносить как идиллические. Тем не менее даже во времена немирные обе стороны конфликта старались наладить пути к взаимопониманию. В 1828 году, во время Первой Кавказской войны, по указанию императора Николая I из представителей знати кавказских народов была сформирована специальная часть – Лейб-гвардии Кавказский Горский полуэскадрон. Причем, из представителей как раз тех народов, которых в то время именовали «немирными».

Полуэскадрон вошел в состав Собственного Его Императорского Величества Конвоя, то есть осуществлял непосредственную охрану императора и его семьи. Его первоначальный личный состав: 3 офицера, эфенди (военный священник), 6 юнкеров (унтер-офицеров), 40 оруженосцев (рядовых) и 23 служителя (тоже из горцев).

Это были кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы и представители нескольких мелких народностей Кавказа. С нашей сегодняшней точки зрения – полный абсурд! Как можно назначать врагов своих в телохранители?!

Но в этом жесте читалось: следует всегда проявлять готовность иметь добрые отношения с соседними народами, даже если они настроены враждебно.

Таким образом, по замыслу императора, через знать этих народов, расположенную к русскому государю и пользующуюся его полным доверием, можно было повлиять на весь народ в целом.

Примечателен и тот факт, что во время кавказской войны, в 1844 году в России были введены награды для мусульман. Это были те же русские ордена, только адаптированные под мусульманское мировосприятие. В центре медальона всех русских орденов с внешней стороны располагалось изображение святого, а с внутренней – его вензель. По понятным причинам мусульмане не могли носить на груди изображение христианского святого. Поэтому на предназначенных им русских государственных наградах оба эти изображения в центре медальона заменялись российским гербом (двуглавым орлом).

О том, что Россия стремилась выстроить долговременные и плодотворные отношения с входившими в ее состав кавказскими землями, свидетельствует и специально разработанная программа по направлению на Кавказ, в национальные школы, русских учителей, а также обучение в России кавказских юношей.

Благодаря такой политике возникала устойчивая связь между культурами, их взаимное обогащение.

Вхождение в русскую культуру для многих небольших народов России явилось также и путем в мировую цивилизацию, ретрансляцией в мир произведений писателей, художников, композиторов.

В свою очередь, Кавказ оказал такое влияние на русскую культуру, в частности литературу, которое вполне можно сопоставить с европейским влиянием на нее. Кавказ стал для русских поэтов не просто мятежной и прекрасной страной, где они находили героев для своих произведений, сошлись все атрибуты романтики битвы, любви, свободы. Кавказ стал совершенно особой частью их реальной жизни, реальной судьбы. «Здесь, – писал о Кавказе 30-х годов XIX века Огарев, – среди величавой природы со времени Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где по воле правительства собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями» [56].

«Кавказский пленник» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Хаджи-Мурат» Толстого – классика русской литературы, произведения, без которых она просто немыслима. И в них мы находим отражение и осмысление многих проблем «кавказского узла», актуальных и по сей день, находим ситуации, характеры, которые также встречаются и сегодня.

2.12. Российский XIX век и начало XX века: особая цивилизация

К концу XIX века территория Российской империи насчитывала уже 22,4 млн. квадратных километра, а ее население, по данным переписи 1897 года, – 129,2 млн. человек (включая Финляндию и другие территории). Русские составляли 44,3% населения империи. Россия стала одной из крупнейших полиэтничных держав мира (табл. 5).

Таблица 5

Этнический состав населения Российской империи в 1897 г.

**(без Польши, Финляндии, Бухары и Хивы,
не охваченных переписью)**

<i>Этнические группы</i>	Численность, тыс. чел.	Доля, % (*) в составе населения в целом
<i>Все население</i>	<i>116238</i>	<i>100.0</i>
<i>Индоевропейцы</i>	<i>91037</i>	<i>78.3</i>
Славяне	84695	72.9
Русские	55400	47.7
Украинцы	22045	19,0
Белорусы	5856	5.0
Поляки (живущие вне Польши)	1176	1.0
Болгары	172	0.1
Чехи и словаки	44	0.0
Другие южные славяне	1.6	0.0
Балтийцы	2784	2.4
Латыши	1431	1.2
Литовцы	905	0.8
Жмудь	448	0.4
Романцы	1136	1.0
Молдаване и румыны	1116	1.0
Французы	15	0.0
Итальянцы	5	0.0
Испанцы и португальцы	0.1	0.0
Германцы	1406	1.2
Немцы	1383	1.2
Шведы	14	0.0
Норвежцы и датчане	1.6	0.0
Голландцы	0.3	0.0

Англичане	7	0.0
<i>Прочие</i>		
<i>индоевропейцы</i>	1016	0.9
Греки	187	0.2
Албанцы	0.9	0.0
Персы	32	0.0
Цыганы	44	0.0
Остальные	753	0.6
<i>Финно-угры</i>	3495	3.0
<i>Западные финны</i>	1389	1.2
Карелы	208	0.2
Эстонцы	998	0.9
Вепсы	26	0.0
Ижорцы	14	0.0
Водь	0.1	0.0
Финны (живущие вне Финляндии)	143	0.1
<i>Северные финны</i>	1.8	0.0
Лопари (саами)	1.8	0.0
<i>Северо-восточные финны</i>	679	0.6
Удмурты (вотяки)	421	0.4
Пермяки	105	0.1
Зыряне (коми)	153	0.1
<i>Юго-восточные финны</i>	1397	1.2
Марийцы	397	0.3
Мордва	1022	0.9
Угры	28	0.0
Манси (вогулы)	8	0.0
Ханты (остяки)	20	0.0
Венгры	0.8	0.0
Турки (тюрки)	13596	11.7
<i>Северо-западные турки</i>	9828	8.5

Татары	3733	3.2
Мишари	54	0.0
Башкиры	1321	1.1
Тептяри	118	0.1
Казахи (киргизы)	4286	3.7
Остальные	316	0.0
Чуваши	843	0.7
<i>Юго-восточные турки</i>	<i>1695</i>	<i>1.5</i>
Узбеки	1695	1.5
<i>Юго-западные турки</i>	<i>930</i>	<i>0.8</i>
Туркмены	281	0.2
Остальные	649	0.6
Северо-восточные турки	227	0.2
Якуты	227	0.2
<i>Прочие турки</i>	<i>71</i>	<i>0.0</i>
<i>Монголы, семиты, яфетиды и прочие</i>	<i>8116</i>	<i>7.0</i>
Яфетиды	3617	3.1
Грузины	824	0.7
Черкесы	46	0.0
Армяне	1173	1.6
Остальные	1574	1.4
Семиты	3803	3.3
Евреи	3796	3.3
Остальные	7	0.0
Монголы	480	0.4
Калмыки	190	0.2
Буряты	289	0.2
Самоеды	16	0.0
<i>Дальневосточные народы</i>	<i>86</i>	<i>0.1</i>

Китайцы	57	0.0
Японцы	2.6	0.0
Корейцы	26	0.0
<i>Прочие и невыясненные</i>	108	0.1

Под «татарами» в переписи понимаются казанские, крымские, сибирские татары, а также азербайджанцы (их тогда именовали «закавказскими татарами»). Под термином «казахи (киргизы)» в переписи учтены два народа: современные казахи и киргизы. Рубрика «прочие и невыясненные» включает большинство малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Перепись не учитывала большую часть таджикского, польского и собственно финского, некоторую часть узбекского населения, а также каракалпаков (в общей сложности приблизительно 13 млн. чел.).

Источник: Шibaев В. П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. 13—16 [109].

Обустройство народов в Российском государстве в основном происходило на основе защиты их интересов, помощи и поддержки друг друга, государственного протекционизма. В Новгородской республике и Киевской Руси, в формировании Московского княжества и централизованного Русского государства всегда действовали договорные, федеративные механизмы объединения земель и народов. Особый правовой статус в составе России и широкую автономию имели Великое Княжество Финляндское, Королевство Польское, Остзейский край (Прибалтика), Бессарабская область.

Целью военных экспедиций того времени была оборона границ от постоянных вражеских набегов, помощь другим народам.

Во второй половине XIX века Россия расширилась до максимальных за всю свою историю границ. Был достигнут мир на Кавказе, в Средней Азии, установлен протекторат над Тувой. Россия закрепились в бассейне Амура и Приморье, на Сахалине. В то же время были уступлены Курильские острова Японии и продана Аляска Соединенным Штатам, однако это ни в коем случае нельзя считать якобы началом ослабления империи. Здесь имел место так называемый «сброс периферийных территорий», характерный для многих истинных империй, даже тех, которые, как, к примеру, Китай, замыкались в национальном ареале. Россия же никогда не очерчивала своих границ по «национальному признаку» – ни внешних, ни внутренних.

Причем, национальность российских подданных никогда не была определяющим фактором в административном разграничении. В 1708 году было введено деление страны на губернии без учета этнического состава населения. Первоначально было создано 8 губерний. В 1719 году 11 губерний были разделены сначала на 45, потом на 50 провинций. 7 ноября 1775 года вышло в свет «Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи». Накануне реформы территория России разделялась на 23 губернии, 66 провинций и около 180 уездов. Теперь сохранялись только губернии и уезды. В основу деления был положен чисто количественный критерий – численность населения.

На территории губернии проживали около 400 тысяч, на территории уезда – около 30 тысяч человек. Количество губерний при этом возросло до 50.

В начале 1850-х годов территория Европейской России делилась на 51 губернию: Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Екатеринославская, Земля Войска Донского, Земля Черноморского Войска, Казанская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Курляндская, Курская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Эстляндская, Ярославская.

Автономное положение занимала Финляндия (Або-Бьернеборгская, Вазаская, Выборгская, Куопиоская, Нюландская, Сант-Михельская, Тавастгусская, Улеборгская губернии).

Польша, в официальных документах – «Королевство Польское» – «Привисленский край», делилась на Августовскую, Варшавскую, Люблинскую, Полоцкую, Радомскую губернии.

Закавказское наместничество в 1850-х годах включало Дербентскую, Кутаисскую, Тифлисскую, Шемахинскую и Эриванскую губернии.

В Сибири существовали Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Якутская, Амурская, Забайкальская и Приморская области.

В середине XIX века весь Казахстан был разделен на генерал-губернаторства: Оренбургское (Уральская и Тургайская области) и Степное (Акмолинская и Семипалатинская области). После завоевания Средней Азии две казахстанские области – Семиреченская и Сыр-Дарьинская – вместе с Закаспийской, Самаркандской и Ферганской составили Туркестанское генерал-губернаторство, или Туркестанский край.

Важно также подчеркнуть, что система конкурсного отбора исходила из двух критериев – профессионализма и благонадежности претендента, государственная служба в сознании людей означала служение обществу, делу.

В российской аристократии было немало выходцев из аристократических семей присоединенных народов. В 1847 году только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский. Из 250 учтенных российских княжеских родов около 40 вели родословную от Рюрика (скандинава) и Гедимины (литовца). 56% всех княжеских фамилий составляли грузинские. Около 30 фамилий – мусульманских, калмыкских, мордовских – имели свой национальный княжеский титул.

На государственной службе состояли представители немецких, французских, голландских, польских родов.

Причем, во всех слоях общества труд рассматривался как нравственное деяние, как богоугодное дело. Любые попытки кого-либо урвать незаслуженные блага вызывали огромную неприязнь. В семьях приучали к труду, воспитывали презрение к паразитизму и стяжательству.

Многие же состоятельные семьи считали благотворительность своей важной обязанностью. Некоторые из них вели настоящее соревнование в строительстве церквей,

богаделен, больниц, недорогих столовых. В дореволюционные годы своими благотворительными акциями прославились Морозовы, Бахрушины, Солодовниковы и др. Беспрецедентная по своему масштабу благотворительная поддержка помогла созданию на Девичьем поле в Москве уникального медицинского городка, состоящего из клиник построенных на пожертвования.

В тот же период представитель знаменитой «льняной династии» П.М. Третьяков основал картинную галерею в Москве. Уникальным собранием картин французских мастеров XIX–XX веков (Матисс, Сезанн и др.) обладал С.И. Щукин. Его брат П.И. Щукин создал музей русской старины. Ценнейшие коллекции русских икон были собраны Е.Е. Егоровым, К.Т. Солдатенковым, С.П. Рябушинским, И.С. Остроуховым и др. Издательской деятельностью по «идейным» мотивам, а не для наживы занимались К.Т. Солдатенков, семья Сабашниковых. Н.П. Рябушинский издавал журнал «Золотое Руно», который в 1906–1909 годы стал центром объединения художников и писателей «серебряного века». Среди театральных меценатов виднейшее место принадлежало С.И. Мамонтову. Д.П. Рябушинский основал первую в мире аэродинамическую лабораторию. Его братья финансировали географические экспедиции на Камчатку и в Монголию. С.И. Щукин предоставил средства для открытия Психологического факультета при Московском университете, а И.С. Вишняков – Московского коммерческого института.

Именно такие государственные подходы, нравственные принципы российского народа, вобравшего в себя генетическое богатство различных этносов, и превратили Российскую империю в одну из крупнейших держав мира с развитой промышленностью, сельским хозяйством, культурой. Россия стала той мировой державой, где фундаментальные и прикладные науки вышли на уровень, позволявший решать крупные народнохозяйственные задачи, создавая тем самым базу для развития техники и технологии в XX веке.

Серьезный прорыв был совершен во множестве научных областей. Достаточно отметить только некоторые из них, крупные открытия в которых дали импульс к развитию новых направлений российской и мировой науки и техники.

Механика и техника. Профессор Инженерной и Артиллерийской академии И.А. Вышнеградский создал основы автоматического регулирования, Д.К. Чернов разработал современные методы обработки стали, Д.И. Журавский – теорию расчетов в мостостроении, А.Ф. Можайский сконструировал и построил первый в мире самолет.

Физика. Работы А.Г. Столетова подготовили условия для создания современного электронного оборудования. П.Н. Яблочков, А.Н. Лодыгин, Н.Н. Бенардос ввели в практику использование электричества, А.М. Бутлеров заложил основы современной органической химии. Всемирное признание получили исследования Д.И. Менделеева, открывшего периодический закон химических элементов.

Биология, физиология, медицина прославлены именами Н.И. Пирогова, И.М. Сеченова, И.П. Павлова, И.И. Мечникова, братьев В.О. и А.О. Ковалевских, К.А. Тимирязева, С.П. Боткина.

Экспедиции П.П. Семенова, Н.М. Пржевальского по-настоящему, на новом уровне научных подходов, открыли для Европы огромные территории Азии. Высокое общественное звучание приобрели работы Н.Н. Миклухо-Маклая по изучению народов Океании.

В **философии** как последователи Гегеля заявили о себе П.Г. Редкин, С.С. Гогоцкий, Б.Н. Чичерин. Позитивизм, оформившийся в самостоятельное направление, представляли П.А. Лавров, К.Д. Кавелин. Оригинальным философским течением являлась русская религиозная философия, которую в своих новых работах принципиально развили Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, а также Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Материалистические позиции серьезно переосмыслили Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев и др.

Среди **экономистов** большинство составляли ученые либеральных взглядов, такие как И.К. Бабст, И.В. Вернадский, А.И. Чупрунов.

В **исторической** науке виднейшими ее представителями являлись С.М. Соловьев, В.О. Ключевский.

Русская литература второй половины XIX века достигла высшего расцвета, утверждая высокие нравственные идеалы и став достоянием человечества. Здесь блистали имена писателей И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, поэтов Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и др. С 90-х годов XIX века ведет отсчет «серебряный век» русской поэзии, прославивший Россию множеством ярких и до сих пор непревзойденных имен.

В **музыкальном** творчестве П.И. Чайковский и композиторы «Могучей кучки» утвердили народно-национальный характер культуры. В конце XIX - начале XX веков во всю силу раскрылся талант их учеников и последователей: С.И. Танеева, А.К. Глазунова, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина и др.

Театр. Событием мирового значения стало основание в 1898 году К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко Московского Художественного театра. МХТ поднял искусство театра на новый уровень. Борьба за новую этику в театре стала основой осуществлявшейся в МХТ сценической реформы. В первом составе театра находились такие яркие таланты, как И.М. Москвин, О.Л. Книппер, М.Г. Савицкая, М.Ф. Андреева, В.И. Качалов.

В это же время возшла звезда выдающегося певца Ф.И. Шаляпина, который открыл своим творчеством новую эпоху в истории русского и мирового музыкального театра.

В **изобразительном искусстве** громко заявили о себе художники-передвижники, среди которых всемирно известны В.Г. Перов, И.Н. Крамской. Н.Я. Ярошенко, В.В. Верещагин, И.Е. Репин, В.И. Суриков. Затем появились другие самобытные живописцы – И.И. Левитан, В.А. Серов, М.А. Врубель, К.А. Коровин.

В конце XIX века бурно развивалось **городское коммунальное хозяйство**. В начале 80-х годов в городах России появился телефон: в 1882 году была проведена первая междугородная линия Петербург – Гатчина. В конце 80-х вступила в действие линия Москва – Петербург, одна из длиннейших в мире. В 90-х годах стали ходить первые трамваи.

На рубеже XIX–XX веков в России появился **кинематограф**. Развивалось **библиотечное дело**. Получила распространение **фотография**.

За 90-е годы XIX века **промышленное производство** в стране удвоилось. В строй вступило около 40% всех действовавших к началу XX века предприятий. Выплавка чугуна за десятилетие возросла в 3,7 раза, производство стали – в 7,2 раза, добыча нефти – в 2,9 раза, а число выпускаемых паровозов – в 10 раз. В итоге Россия по важнейшим экономическим показателям приблизилась к ведущим капиталистическим странам, а по

ряду показателей (добыча и переработка нефти, протяженность железных дорог, некоторые виды машиностроения) заняла лидирующие позиции. В 90-х годах XIX века Россия по темпам промышленного роста занимала первое место в мире.

Также создавалось устойчивое и высокоразвитое **земледелие**. В XIX веке Россию называли житницей Европы. Урожайность за 1906–1914 годы возросла на 14%. Излишки свободного зерна вскоре после начала столыпинских реформ стали составлять сотни миллионов пудов, резко возросли валютные поступления, связанные с вывозом зерна. Только в 1908–1910 годах он увеличился в 3,5 раза. поголовье лошадей увеличилось на 37%, рогатого скота – на 63,5%. Постоянно росло крестьянское землевладение: к 1914 году почти 100% пахотной земли в азиатской России и около 90% в европейской России принадлежали крестьянам на правах частной собственности и аренды. Россия обеспечивала 50% мирового экспорта яиц, 80% мировой добычи льна.

Все эти успехи напрямую отражались и на нужном уровне материального благосостояния населения. Динамичный рост народного хозяйства России вел к наращиванию **общественного богатства и благосостояния населения**. За 1894–1914 годы госбюджет страны вырос в 5,5 раза, золотой запас – в 3,7 раза. При этом государственные доходы росли без малейшего увеличения налогового бремени населения. Прямые налоги в России были в 4 раза меньше, чем во Франции и Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии; косвенные налоги – в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Германии и Англии. Значительные суммы из бюджета выделялись на развитие культуры и просвещения. Благосостояние населения отражалось и на приросте его численности, который не имел равных в Европе. Многие отечественные экономисты и политики того времени утверждали, что сохранение тенденций развития, существовавших в 1900–1914 годах, неизбежно уже через 20–30 лет выведет Россию на место мирового лидера, даст ей возможность доминировать в Европе, превысив хозяйственный потенциал всех европейских держав, вместе взятых.

Стремительно увеличивались народные – а особенно крестьянские – сбережения: сумма вкладов в сберегательные кассы за 1906–1914 годы возросла чуть ли не десятикратно.

На базе роста достатка населения и укрепления госбюджета постоянно увеличивались расходы на **просвещение** и культуру: к примеру, число сельской учащейся молодежи за 1906–1914 годы возросло в 33 раза. В стране насчитывалось 124 тысячи студентов. Высшая школа была автономна и по уровню своего развития не уступала передовым странам Европы. Расходы на народное образование возросли с 43 млн. в 1904 до 143 млн. рублей в 1913 году, а число учащихся увеличилось в два раза. В Думе специально рассматривался вопрос о введении всеобщего начального образования.

Появились принципиально новые, передовые отрасли российской экономики: **энергетика, электротехника, химическая промышленность**. К 1914 году Россия на 56% удовлетворяла потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства.

Экономическая политика российского правительства была протекционистской для «своего» производителя. Тактика привлечения иностранных капиталов была продумана и не несла угрозы для самостоятельности страны. Создававшиеся иностранцами предприятия обслуживали, прежде всего, рынок России, затем – мировой

рынок и, лишь в последнюю очередь, рынок конкретных стран-инвесторов. Использование иностранных капиталов означало не разбазаривание российских сырья и ресурсов, а, напротив, было своего рода перекачкой прибыли и достижений европейской промышленности в Россию. С.Ю. Витте писал по этому поводу: «Мы сами поглотили уже столько иностранных капиталов, явившихся нам в виде знаний, орудий труда, денег, ассимилировали совершенно столько иностранцев, пришедших в качестве мастеров, хозяев предприятий, военных учителей и пр.» [23].

При этом перепись 1897 года классифицировала население лишь по родному языку, понятия «национальность» не было. На территории России были выделены следующие наречия: славянские, литовско-латышские, романские, германские, картвельские, черкесские, чеченские, лезгинские, финские, турецко-татарские, монголо-бурятские, языки культурных народов крайнего Востока, наречия северных племен (табл. б).

Таблица 6

**Лингвистическая классификация народов России
(по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года)**

Языковая семья	Группа	Народы
Индоевропейская семья	Славянская (1–9)	Русские, украинцы, белорусы, поляки, болгары, чехи, сербы, словаки, хорваты
	Германская (10)	Немцы
	Армянская (11)	Армяне
	Иранская (12–21)	Осетины, таджики, таты, евреи (горские), курды, ирани (персы), евреи (среднеазиатские), афганцы, белуджи, талыши
	Романская (22–23)	Молдаване, румыны
	Индоарийская (24)	Цыгане
	Балтийская (25–26)	Литовцы, латыши
	Греческая (27)	Греки
	Албанская (28)	Албанцы

Алтайская семья	Тюркская (29–54)	Татары, башкиры, чувашы, казахи, якуты, азербайджанцы, кумыки, тувинцы, карачаевцы, узбеки, хакачи, балкарцы, ногайцы, алтайцы, киргизы, туркмены, татары крымские, шорцы, гагаузы, турки-месхетинцы, долганы, каракалпаки, уйгуры, караимы, тофалары, крымчаки
	Монгольская (55–57)	Буряты, калмыки, халха-монголы
	Корейская (58)	Корейцы
	Тунгусо-маньчжурская (59–66)	Эвенки, эвены, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, негидальцы, ороки
Уральско-юкагирская	Финно-угорская (67–81)	Мордва, удмурты, марийцы, коми, коми-пермяки, карелы, финны, эстонцы, ханты, вепсы, манси, венгры, саамы, ижорцы, ливы
	Самодийская (82–85)	Ненцы, селькупы, нганасаны, энцы
	Юкагирская (86)	Юкагиры
Северокавказская	Нахско-дагестанская (87–97)	Чеченцы, аварцы, даргинцы, лезгины, ингуши, лакцы, табасараны, рутульцы, агулы, цахуры, удины
	Абхазско-адыгская (98–102)	Кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абазины, абхазы
	Картвельская (103–104)	Грузины, евреи (грузинские)
	Чукотско-камчатская (105–107)	Чукчи, коряки, ительмены
	Эскимосо-алеутская (108–109)	Эскимосы, алеуты
Другие языковые семьи и народы, говорящие на изолированных языках	Ассирийцы, китайцы, нивхи, арабы, вьетнамцы, чуванцы, кеты, дунгане (110–117)	

Из 128,9 млн. человек, проживавших в конце XIX века в России, народы, говорящие на индоевропейских языках, составляли чуть более 100 млн. (без Финляндии, где перепись не проводилась), то есть 84%; народы алтайской и уральской языковых семей – 14,1%. Собственно русских в России проживали 51,5 млн. (41%), а всех славянских народов – 83,9 млн. человек (66,8%).

По данным на 1 января 1917 года, на территории России проживали 171,8 млн. человек. С 1678 года до 1917 года, примерно за 240 лет, население России, с учетом расширения территории, увеличилось с 11,5 млн. человек до 171,8 млн. человек, то есть почти в 15 раз. Высокий естественный прирост населения складывался из высокой рождаемости, среднеестественный прирост в последнее двадцатилетие перед 1917 годом был в 1,5 раза выше, чем в странах Европы. Территория империи составила около 22 млн. кв. километров – в 22 раза больше, чем была территория Киевской Руси. (табл. 7).

Таблица 7

**От Древней Руси к Российской империи
(территория, численность населения)**

Государство	Хронологический период	Территория (кв. км.)	Численность населения (чел.)
Киевская Русь	IX–XII вв.	Более 1 млн.	4,5 млн.
Московское государство	1460 г.	430000	5 млн.
	1464 г.	550000	
	1480 г.		Европейская часть 2,1 млн.
	XV–XVI века	2800000	2,8 млн.
	1505 г.	2225000	4,3 млн.
	1530 г.	-	8 млн.
	1550 г.	-	15 млн.
	1580 г.	2800000	
	1584 г.	4200000	
	К 1598 г.	7100000	
	Конец XVI в.	5500000	9 млн.
	1613	8500000	
	1645 г.	12300000	
	1678 г.	-	11,5 млн.
1680 г.	-	Европейская часть 12,6 млн.	
Российская империя	1722 г.	-	14 млн.
	1742 г.	-	16 млн.

1750 г.	-	30 млн.
1762 г.	-	19 млн.
1780 г.		Европейская часть 26,8 млн.
1782 г.	-	28 млн.
1796 г.	-	36 млн.
1795 г.	-	38 244 тыс.
1796 г.	-	19300000
1800 г.	-	50 млн.
1812 г.	-	41 млн.
1815 г.	-	45 млн.
1835 г.	-	60 млн.
1850 г.	-	75 млн.
1851 г.	-	69 млн.
1857 г.	-	67,8 млн.
1858 г.	-	75 927 тыс. чел.
1880 г.	-	Европейская часть 84,5 млн.
1895 г.	-	европейская часть 110,0 млн.
К 1897 г.	-	До 116 млн.
1897 г. (перепись)	-	128 223 тыс.
к концу XIX в.	Более 22000000	Более 120 млн.
К началу XX века	22400000	Около 130 млн.
1900 г.	-	130 млн.
На 1 января 1917 года	-	171,8 млн.
К концу царствования Николая II (к марту 1917 г.)	-	21800000

Примечание: Таблица составлена по: Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука. 1981. С. 14. Кабузан В.М. Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XIII – первой половине XIX века // Проблемы исторической демографии СССР / Под ред. д-ра ист. наук Р. Пуллата. Таллинн. 1977. С. 194–195. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог. 2000. С. 34, 114. Солоневич И.Л. Народная монархия. 1991. С. 155 [86]. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф. (ред.). Россия: Энциклопедический словарь. СПб.: Лениздат, 1991. С. 75.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вся история самодержавной царской России – это ее путь к евразийскому, а сегодня – и к мировому универсуму.

Потому не Европа, а еще Киевская Русь создала принципы добровольного объединения народов на основе объективного цивилизационного закона человеческого бытия: быть вместе, быть единым целым.

Все это привело к тому, что к началу XX века Россия начала трансформироваться в особую цивилизацию со своим образом жизни, общими традициями и элементами культуры. Складывалось коллективное мегасоциальное государство с особой межэтнической формой организации общества – российским народом.

ГЛАВА 3. Актуальные вопросы национального устройства современной России

3.1. Национальный состав Российской Федерации

В современном мире насчитывается около 200 государств, более 2000 народов.

Будущее этого многообразия возможно только на пути сосуществования, мирного взаимодействия как безальтернативной формы человеческого общежития, обращенной на успех и процветание.

Последняя треть XX века была повсеместно отмечена новым социальным феноменом, получившим название «этническое возрождение» или «этнический парадокс современности».

Сущность этого явления в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности.

Однако этническое возрождение несет в себе мощный конфликтогенный потенциал. И черта, отделяющая этнический патриотизм от национализма, очень размыта и подвижна. Небольшое изменение акцентов позволяет зачастую незаметно преодолеть ту грань, за которой вызревает благоприятная для конфликта интеллектуальная и духовная среда.

Все современные государства, независимо от их конституционного оформления, являются фактически полиэтничными. Если самоидентификация и этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой всегда была ориентация на создание национального государства, то создаются идеальные условия для дестабилизации полиэтничных государств, возникновения разного рода конфликтов и гражданских войн.

Если сепаратизм и дезинтеграция будут распространяться, охватывая все большие территории, то, по мнению С. Коэна [49], в прошлом президента Ассоциации американских географов, «пройдет 25–30 лет, и число государств мира увеличится процентов на пятьдесят. Более трехсот независимых стран появится на глобусе».

Джулиан Минджи (1993), американский представитель комиссии по политической карте мира в Международном союзе географов, прогнозирует распад Австралии на четыре государства, образование нескольких новых независимых государств в Европе, распад России, полную перестройку политической карты Азии, исчезновение Канады как государства, изменение границ США. Тенденция на самоопределение станет преобладающей.

Так называемые «национальные чувства» становятся разменной монетой во многих спорных вопросах, разрешить которые, не имея они этнического основания, было бы много проще и быстрее.

Тем не менее несуществующий и по сути мифический национальный вопрос сегодня муссируется практически во всех сферах: и в экономике, и демографии, и

политике, в теории и практике нашей жизни. Нам без конца подбрасываются словесные обороты о национальном факторе и национальных проблемах как «одних из самых деликатных», «трудных», «острых» и т.д.

Вероятно, национальный акцент в политической фразеологии придуман более всего для обывателей, которых определенные круги (современные политики, обществоведы, журналистский корпус), по злому умыслу или недомыслию, играя на низменных инстинктах насилия и жестокости и подогревая ксенофобические настроения, провоцируют на уничтожение друг друга.

С другой стороны, мы сами пробуждаем нездоровый интерес к национальной проблематике, излишне часто и много оказывая ей внимание. Национальный вопрос – одна из таких раздутых проблем. В реальной общественной жизни национальных проблем нет. Есть чьи-то определенные корпоративные интересы, есть жажда власти, финансовых и экономических дивидендов, льгот, территориальных претензий, которые выдаются за национальные.

Россия – одно из самых крупных полиэтнических государств в мире. По данным на 1 января 1992 года, в ней проживает 148,8 млн. человек, представляющих множество этнических общностей. Точное их число назвать трудно. В 1926 году в листах переписи фигурировало 194 народа, в 1939 – всего 99, в 1989 – 128 народов СССР, а в 1994 году – 176 народов России. Согласно последней Всероссийской переписи населения 2002 года, в РФ проживают 23 крупных суперэтноса, около 150 народов, более 800 этнических самоназваний. Подавляющая часть – свыше 90% – приходится на долю 10 крупнейших по численности народов. В целом население России уменьшилось по сравнению с 1992 годом: с 148,8 млн. человек до 145, 2 млн. человек, т.е. наблюдается стойкая депопуляция страны. [www.perepis2002.ru/index.html?id=7]

При этом надо помнить, что межэтнические отношения в государстве – это всегда проблема безопасности, стабильности, возможности поступательного развития, достижения благоденствия и процветания граждан.

До начала перестройки для нашей страны была характерна высокая толерантность по вопросам сосуществования разных этносов. По данным опроса, в начале 1989 года одинаково терпимо относились к людям любой национальности 77% опрошенных, для 8,6% национальные вопросы вообще были безразличны. Сравнительно высок был и уровень межнационального общения: 84% населения было удовлетворено межнациональными отношениями по месту работы, 44% положительно относились к межнациональным бракам, 55% имели родственников другой национальности, а у 88% были друзья среди лиц другой национальности.

Однако распад СССР, борьба за национальные суверенитеты разрушили веками складывавшиеся чувство интернационализма, привели к эскалации национальной нетерпимости, насилия, к межэтническим конфликтам. Всего за десять лет выпущенный из бутылки «джин национализма» разделит единое население сплоченного государства, создал разобщенность на русских и нерусских, христиан и мусульман, на «титовские нации» и «остальное население», «малые народы», «разделенные народы» и «национальные меньшинства», «коренные народы», «малочисленные народы», на беженцев и мигрантов, на «хозяев» и «гостей», «своих» и «чужих», что породило идеологию вражды и ненависти.

Федерализация, формирование своего рода этнократических минигосударств, «парад суверенитетов», дезинтеграция, спровоцированные некоторыми политиками, диссидентами, непатриотически настроенными группами и учеными из бывших завлабов с интеллектом «пэтэушника», объявившими фактически третью Отечественную войну своей Родине, подвели Россию к гибели.

В повседневной жизнедеятельности стали широко распространяться националистические стереотипы. Так, по данным опроса ИСПИ РАН, на вопрос: «Есть ли такие нации, к представителям которых вы испытываете неприязнь?», – утвердительно ответили в разных регионах от 10 до 33% опрошенных. В качестве «противника» чаще всего называют армян, азербайджанцев, грузин, уроженцев северокавказского региона. В Астраханской области было проведено одно из таких исследований, где также были констатированы сходные цифры и объекты национальной неприязни [78].

Вразрез идущим интеграционным процессам во всем мире корпоративные интересы отдельных групп в России породили великодержавный шовинизм и местный национализм. Из забытого прошлого вернулись принципы объединения на основе своей крови, языка, религии, территории, истории, быта, традиций.

Забыв историю и свои корни, великодержавные шовинисты не желают признавать Россию единым государством, с пренебрежением относясь к нерусским национальностям, считая их второсортными. Провозглашая вместе со всякого рода неофашистами экстремистский лозунг «Россия для русских», они фактически призывают россиян к гражданской войне, к истреблению единого сообщества и государства, заложенного нашими предками еще тысячу лет назад.

Региональные националисты выпячивают национальную исключительность «своего» народа, идеализируют прошлое, спекулируют на национальных различиях, ведя, в конечном счете, к мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, отсталости и дикости, к подчинению общих интересов частным, к межэтническому противостоянию.

Шовинизм и национализм - две стороны одной реакционной идеологии, направленной на разъединение и ослабление единого народа, на развал государства.

И шовинизм и национализм воздействуют, прежде всего, на сознание и через сознание обывателя, в которое внедряются ложные ценности и жизненные ориентиры, вербуя тем самым сторонников для продвижения отнюдь не национальных, а своих личных либо узкокорпоративных интересов, но прикрываясь при этом этнической окраской, заботой об общем благе народа.

В последнее десятилетие в нашу жизнь ворвалась новая социальная реальность, характеризующаяся огромным количеством спекуляций на почве этнической проблематики, которые скрытно или явно провоцируют напряженность в обществе и громогласно тиражируются средствами массовой информации. СМИ данного толка, фактически захватив сознание обывателя, стали мощным оружием, новой изощренной идеологией, формирующей общественное мировоззрение взамен политике деидеологизированной власти.

Еще Наполеон, осознавший на деле силу воздействия печатного слова на общество, отметил: «Четыре газеты могут причинить врагу больше зла, чем сотысячная армия». Сегодня же более 6 миллиардов людей по всему Земному шару круглые сутки испытывают на себе сильнейшее влияние информационного монстра, называемого СМИ.

Появился даже новый вид войн – информационные, в том числе и этнические информационные войны с ее «верной» помощницей этнической журналистикой.

Не случайно в последнее десятилетие заголовки многих газет и журналов в России и странах бывшего СССР напоминали агитационные листки, прочитав которые хотелось тут же встать под те или иные националистические знамена, «заболеть» очередной фобией: «Долой оккупантов!», «Россия для русских!», «Смерть черным!», «Убирайтесь в свои горы!» и т.д.

Неподготовленные к освещению проблемы межнациональных отношений, без навыков толерантного и корректного раскрытия темы отдельные современные журналисты демонстрировали вопиющую для прежних времен, а теперь спокойно принимаемую и даже хорошо оплачиваемую профессиональную непригодность и некомпетентность. Чего стоят одни только безапелляционные журналистские утверждения о том, что «армяне – мусульмане» (!), а «ксенофобия – «естественное человеческое свойство» и «необходимо принудительное выселение всех без исключения «чужих».

Языковой нормой стали абсолютно безграмотные журналистские неологизмы: «лицо кавказской национальности», «исламские волки», «чеченские бандиты». Злые, хлесткие словосочетания превратились в реальное средство разжигания розни, дискриминации, унижения и причинения страданий людям, отличающимся цветом волос, кожи, строением носа, формой усов. С бытового уровня они шагнули на общественный и даже порой на государственный и сегодня широко используются в работе спецслужб, правоохранительных органов.

Практически россиян сейчас ставят перед выбором идентифицироваться по расовым признакам. Теперь мы уже не граждане, не единый народ, а русские и нерусские, «белые» и «черные», мусульмане и православные, кавказцы и москвичи. Для многих в быту стало важным не столько то, какой человек: семьянин, друг, знакомый, сосед по квартире и даче или продавец на рынке, сколько его принадлежность к какой-либо одиозной национальности, особенно «кавказской». В последнем случае резко возрастает подозрительность и запрограммированность на то, будто наши судьбы, пути, интересы, устремления заведомо разные, а отношения обречены на враждебность.

Появились и новые «этнические» лексемы: «татарстанцы», «якутяне», «кабардино-балкарцы», «тувинцы» и др. А многочисленные лозунги «прагматического национализма» призывают не к интеграции с Россией, а к дезинтеграции с ней.

Тема России как государственной целостности с общей для всех россиян символикой и атрибутикой, позитивным опытом культуры межнациональных отношений, напротив, стала редкостью в прессе на федеральном и региональном уровнях.

Все это создает у людей искаженные представления о национальных отношениях, затрудняет общение, уничтожает чувство единения с другими народами государства, культивирует этнические стереотипы и предрассудки, внедряет в сознание людей язык национальной нетерпимости, политизирует этническое самосознание людей, создает предпосылки потенциального конфликта и ведет не к объединению общества, а к его разрушению.

3.2. СМИ и национальный вопрос

В этом смысле нельзя не отметить еще и тот факт, что ни в одной стране мира средства массовой информации не занимали такой выраженной политики национального предательства, как в России последних пятнадцати лет. Разговорным языком сегодня становится язык ксенофобии. Он проявляется по-разному – от призыва к геноциду до обидных определений. «Недружественный язык» может угадываться не только в словах, но и в тональности, стиле заголовков, подборе фотографий и видеоряда, отсутствии редакционного комментария.

На страницах СМИ нередко могут найти место для пропаганды наиболее агрессивных форм этнонационализма такие одиозные национал-патриотические организации, как Русское национальное единство (РНЕ), Народная защита, Народная национальная партия (ННП), Русская национальная социалистическая партия (РНСП), Русское национально-освободительное движение (РНОД), Союз русского народа, Черная сотня, ряд скинхедских группировок (Московский скинлегион, Кровь и честь, Русская цель, Русский кулак).

Сегодня все больше стали забывать о том, что в журналистской профессии, как и в профессии учителя, воспитателя, врача человеческое должно определять профессиональное. Ведь не случайно существуют понятия «призвание», «профессионализм». Тем не менее неподготовленные журналисты берутся учить общество и государство урегулированию межнациональных конфликтов, борьбе с коррупцией, терроризмом, кризисом в экономике. Ряд журналистов, считающий себя экспертами во всем, рассуждает, оценивает, прогнозирует, не имея на то ни соответствующей подготовки, ни знаний, ни даже желания знать, научиться.

В то же время Россия была и останется тем государством, в котором согласие и сотрудничество изначально являлись нормой и глубокой традицией населения, и именно эта норма обеспечивала само существование и развитие страны.

Ни печать, ни профессиональная культура, ни литература истинной России никогда не насаждали и не распространяли предубеждение и ненависть, напротив, всегда утверждали благоприятный климат межэтнических отношений.

По-видимому, настало время и государству и обществу принять правила игры, регулирующие действия «4-й власти».

3.3. Столица и ее роль в решении межнациональных проблем

Некоторые негативные последствия такой подрывной деятельности СМИ при вполне конкретных противоположных усилиях государственной власти, направленных на сближение народов и погашение межэтнических противостояний, можно в качестве примеров привести по современной Москве. Это тем более важно, что Москва по составу своего населения представляет собой крайне многоэтническую общность, что, в сущности, отражает то состояние страны, которую ее столица представляет в миниатюре.

Процессы же, произошедшие со страной в последнее пятнадцатилетие в полной (и даже в большей) степени отразились именно на столице России, совсем еще недавно являвшейся столицей СССР. Это, пожалуй, тоже закономерно, особенно с учетом более

высокого уровня жизни в огромном мегаполисе, притягивающем по этой причине разные слои населения.

Проводя анализ демографической и этнической ситуации в реальной Москве третьего тысячелетия, отдельные СМИ и политики, напрочь отвергая цифры последней официальной переписи населения 1989 года (хотя они, конечно же, явно устарели к сегодняшнему дню), часто подают и анализируют данные не подлинные, а подогнанные под их умонастроения и корыстные цели.

Нередко в качестве решающих аргументов в пользу «ущемленных русских» в разного рода дискуссиях используются совсем уж невероятные цифры том, что в современной столице проживают (при ее почти девятимиллионном населении) около трех миллионов мусульман, около четырех миллионов неславянского и около пяти миллионов нерусского населения. Что, конечно же, совсем не соответствует действительности, хотя бы потому, что со времени переписи 1989 года ситуация не могла измениться так резко. Хотя относительная доля этнически русских в Москве, судя по современным миграционным тенденциям, явно снизилась. Точные же цифры таких изменений (опять же, всего лишь официальных) могут дать только точные расчеты по новой переписи населения.

В любом случае, ситуация, связанная с развалом СССР, наличием беженцев и переселенцев, нелегальных мигрантов и, вместе с тем, резким ухудшением криминогенной обстановки, сильно изменила атмосферу взаимоотношений в социуме крупнейшего российского мегаполиса. В связи со всеми этими явлениями коренное население Москвы уже гораздо менее готово ощущать себя гостеприимными хозяевами своего большого «дома». По словам первого заместителя председателя Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы Т.А. Васильевой, произнесенным с трибуны еще в 2002 году, вопрос взаимоотношения коренных и некоренных москвичей – это «уже далеко вопрос не взаимоотношений преобладающей русской части населения города с другими этническими группами, а в буквальном смысле межнациональных отношений». Нередко эти отношения становятся источником напряженности и потенциальных конфликтов, что, по мнению Васильевой, объясняется конкуренцией «практически во всех сферах городской жизни «старых» и «новых» москвичей, обособлением и замкнутостью отдельных этнических диаспор, их наступательным, а порой и агрессивным «освоением» московской жизни». И все это, естественно, не может не волновать власти столицы.

Это тем более важно, что на настоящей момент в Москве только органами юстиции зарегистрировано около 120 национально-культурных автономий и национальных общественных организаций, представляющих 38 этносов из 121, зарегистрированного по данным последней переписи населения. По словам той же Васильевой, задача Правительства Москвы – в первую очередь «поддерживать в этих объединениях интеграционные, а не разделительные настроения», причем «инструментом достижения этой цели – становления в Москве гражданского согласия и межнационального мира – должен быть этнокультурный и этнообразовательный, а не этнополитический компонент, реализуемый через культурно-языковую политику, без ограничения и ущемления гражданских прав по этническому признаку».

Одним из инструментов такого воздействия для правительственных структур Москвы стало регулярное проведение Московского межнационального совещания, в структуре которого с 1994 года работают 75 национальных общественных объединений, представляющих 38 этнических общностей.

Однако надо заметить, что деятельность этих объединений, часто оторванных от своих «титულных» наций в связи с распадом СССР или межнациональными конфликтами на окраинах России, часто сводится к простой регистрации, выбиванию для себя финансов, офисов – то есть, опять же, под маской национально-культурных задач ими решаются «свои» узкокорпоративные проблемы. Между тем реальный миграционный поток в Москву увеличивается, а проблемы эмигрантов, по большей части, не решаются или решаются с ущербом для них. Все это тоже является благодатной почвой для возникновения конфликтов – на самом деле социальных, но выдаваемых за острые межнациональные противостояния.

Надо заметить, что мэр Москвы Ю.М. Лужков с целью профилактики таких противостояний, после неоднократных встреч с руководителями, в частности кавказских московских общественных организаций, создал при Справочно-информационной службе Москвы телефонную «Горячую линию». Ее основной задачей стало незамедлительное реагирование на телефонные звонки москвичей и гостей столицы, национальных диаспор, религиозных и общественных организаций в связи с незаконными действиями сотрудников правоохранительных органов Москвы, а также другие меры.

Тем не менее несмотря на все усилия Правительства Москвы, межнациональные (или выдаваемые за таковые) конфликты в столице возникают, нередко перерастая в насильственные выяснения отношений. А происходит это потому, что существуют вполне реальные силы, желающие, чтобы таковые конфликты были, а именно – силы, желающие нагнетания напряженности или консолидации антиобъединительных сил. Как правило, носителями таких настроений являются вовсе не национальные объединения и диаспоры, а совсем другие силы. Политические прорусские группировки таких сил были упомянуты в предыдущем разделе этой главы.

В этом разделе хотелось бы отметить реальное существование в Москве откровенно криминальных группировок, организованных по этническому признаку. Их челоноконевистническая и беспринципная (относительно общепринятой морали, но вполне четкая и ясная в своем криминальном кругу) идеология «по понятиям» также создает вполне конкретную базу для межнациональных конфликтов. Нельзя в этой связи не вспомнить и проблему криминализации деятельности московских городских рынков – эти проблемы столицы общие со всей страной, но именно в Москве неоднократно случались этнические погромы в «рыночной» среде (это было, например, в 2002 году в Царицыно и в последующие годы на других рынках). Следует указать на то, что коренные москвичи в большей степени, чем в регионах, подвержены такой бытовой ксенофобии, поскольку «прекрасно жившие» во времена советские, они сейчас видят ситуацию несколько иными глазами. И их неприятие социально и криминально «чуждого» сегодня приобретает этническую окраску, выдаваемую за межнациональный конфликт.

Наращение среди этнически русских москвичей ксенофобии, особенно антикавказской, нередко подогревается и тем, что жители столицы за последние годы неоднократно испытали на себе всю бесчеловечность массовых террористических актов.

Но в который раз хочется повториться, что проблема терактов является не межнациональной, не межрелигиозной и даже не националистической, а чисто уголовной. Однако постоянно и повсеместно употребляются выражения «чеченский след», «чехи», «исламысты» и другие.

Тем не менее несколько положительных тенденций в сфере развития межнациональных отношений в столице все-таки следовало бы отметить.

Например, исследования разных ученых сходятся в том, что межнациональные отношения в меньшей степени волнуют детей и подростков, чем тех, кому по мере взросления ксенофобия и национализм были навязаны извне – с помощью так называемой пропаганды «личного жизненного опыта» или откровенно направленного воздействия определенных политических групп. В этой связи, как принято в Правительстве Москвы, «воспитание у детей устойчивой толерантности к нагнетанию межнациональных конфликтов должно стать нормой для всех госучреждений образовательного и воспитательного уровня».

Надо отметить, что в московских государственных средних школах есть попытки введения таких программ в образовательный процесс. В рамках москвоведения школьникам, в том числе и с дополнительной подачи районных префектур, предлагается изучение тем, способствующих развитию мировоззрения, базирующегося на понятиях «Москва – наш общий дом», «Москва – наша малая родина», и «Все москвичи в равной степени должны заботиться о процветании родного города». В учебный процесс московских школ включены такие предметы, как народоведение, конфликтология, интегральные курсы по культуре мира. То есть на патриотическое по отношению к «своему» городу воспитание изначально проецируется «мирное сосуществование», равноправное, толерантное и уважительное отношение каждого москвича к любому «другому» москвичу или любому «другому» гостю столицы. И такая позиция, казалось бы, не должна вызывать вопросов.

Однако само понятие патриотизма, не говоря уже о «патриотическом воспитании молодежи» у нас опошлено всей насаждаемой в постсоветском обществе неоморалью новых СМИ. И в сознании «взрослого» народа дискредитация этих понятий действительно произошла в последнее двадцатилетие, в том числе и по многим объективным причинам, о которых здесь не хочется повторяться. Но в рассматриваемом нами случае мы имеем дело с прямой политикой воспитания патриотизма и интернационализма, проводимой государственной властью, а именно Правительством Москвы, на местах, то есть в московских школах. Полезность таких инициатив, однако, не только сомнительна для некоторых СМИ, но и «храбро» оспаривается ими.

Так, Правительство Москвы еще с 2000 года регулярно разрабатывает Комплексную программу «Москва на пути к культуре мира» с ее конкретными мероприятиями, вовсе не такими уж декларативными и «бумажными», как это было в советское время. В это же время СМИ были заняты смакованием прямо противоположных «ценностей»: на экранах, например, именно тогда же появляется нашумевший предвыборный ролик известной партии с «гениальным» до «простоты» лозунгом: «Очистим Москву от мусора!» (под последним подразумевались «чужие» Москве этносы, что, кстати, в нормальном правовом государстве не могло бы даже выйти на экраны).

Более того, достаточно и других, скрытых, но не менее вредных «бомб», незаметно внедряемых в наше сознание средствами телевидения и прессы. Мы давно уже привыкли к затасканной новоиспеченными «звездами» от журналистики цитате: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяев». Или, например, в связи с «воцарившейся» свободой слова нас совсем не удивил обычный комментарий газеты «Коммерсант-Власть» о том, что Программа Правительства Москвы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», оказывается, «обескураживает своим скудоумием».

Усилия Правительства Москвы на этом поприще иногда вполне зримы. Например, на базе государственных образовательных учреждений при Московском комитете образования создано более 60 структур, которые обучают школьников языкам и культуре разных народов. Также Правительством Москвы начиная с 1998 года принимается на каждые два года «Программа развития этнокультурного (национального) образования в Москве». Есть и множество других образовательных программ, затрагивающих эту тематику.

Кстати сказать, по данным социологических опросов, само повышение общего уровня образования среди населения значительно укрепляет его межэтническую толерантность. Например, опросы московских студентов показали, что по сравнению с менее образованной частью населения они резко негативно относятся к любым фактам и намерениям насильственного решения национальных, этнических и других проблем.

Понятно, что именно в государственных учреждениях в полной мере могут быть активизированы усилия по обеспечению формирования толерантного мировоззрения у молодежи. Понятно и то, что, кроме государства, такую функцию взять на себя сейчас практически некому. Да и, по большому счету, никто ее брать на себя и не должен. По сути, только государство обязано и только оно в состоянии заботиться о своем покое и процветании – все остальные структуры заняты своим «маленьким мирком», что, в сущности, оправдано, да и средств у них на «патриотизм» вряд ли хватит.

Хотя есть в Москве и в стране еще художественный кинематограф, писательские союзы, другие организации культуры и искусства, наконец, отдельные признанные творческие личности, которые до сих пор еще искренне привержены интеграционным межэтническим идеям и толерантному мышлению. Но и они сегодня – каждый в отдельности и все вместе взятые – отделены от финансовой сферы государства, часто и от СМИ, а потому не могут, как бы ни хотели, существенно влиять на массовое сознание общества.

Таким образом, надо признать, что на настоящий момент в Москве, как и во всей России, есть объективно только одна сила, способная изыскивать средства и конкретно влиять на массовое сознание своих граждан – это государство и его учреждения. В то же время вместе с ним на одном поле деятельности существуют разнородные институты разных сфер влияния, растаскивающие население «по разным квартирам», стравливающие стихийно или целенаправленно целые этносы друг против друга. То есть сфера влияния, объединяющая народы, а не разобщающая их, существует только одна – эта сфера называется государственной властью. И в этом смысле маленький пока, но все же положительный опыт Москвы как столицы России может реально использоваться по всей стране.

Другое дело, что даже «правильная» государственная власть, даже материально способная положительно влиять на ситуацию на местах, сегодня все равно не может ручаться за поведение всех своих граждан. Тем более, когда влияние власти на общество крайне ослаблено, когда власть почти не оказывает идеологического воздействия на своих граждан, а ее прямые усилия в этом плане остались действенными лишь в сфере образования детей и молодежи.

Но у России есть богатый исторический опыт, из которого следовало бы наконец сделать «правильные» выводы, с отсеиванием плевел от зерен. И тут хотелось бы просто обратиться к некоторым московским символам советской эпохи, кстати, вполне «правильно» пережившим ее.

Первый из этих символов – московское метро, бессмертный пока еще «подарок» Сталина своему народу. Вдумайтесь в названия его станций: Белорусская, Киевская, Багратионовская – благо, никому в голову не приходит их менять.

Второй символ – сама Москва с ее улицами, еще в советское «тоталитарное» время поделенная на округа. Каждый округ в столице некогда большого государства в названиях улиц отразил присутствие государственного духа единения народов не только России, но и СССР. На севере Москвы в названиях улиц изобилуют прибалтийские имена и фамилии, на юге – фамилии южных народов. До сих пор в Москве есть улицы Бакинская, Ереванская, Севанская, Ташкентская, Кавказский, Симферопольский бульвары и т.д. Как, впрочем, и в бывших городах Союза почти в каждом городе были Московские проспекты.

В наше время в постсоветских странах памятники СССР скидывали и продолжают скидывать с их пьедесталов, а улицы с названиями прежних героев переименовывать. А Москва многонациональная стоит. И никогда Большая Грузинская улица в Москве не будет переименована ни по какой причине.

Потому что советская Москва, как и вся Россия, строилась как жила, и жила как строилась, и многонациональность никогда не была для нее ни лицемерием, ни фарсом. В этом межэтническом единстве всегда была ее, возможно, главная суть. Таковой она и останется. Лишь бы суть эта не подменялась и не извращалась никакими новыми псевдоидеями и новыми «влиятельными силами».

3.4. Некоторые предварительные заключения

Выводы из всего вышеизложенного очевидны. Россия и в целом мировое сообщество полиэтничны. Это аксиома, и это – закон современного мироустройства.

Однако наряду с объективно идущими интеграционными процессами в мире отмечаются дезинтеграционные тенденции. Энергетика последних нередко принимает форму межэтнических разногласий, конфликтов, войн.

Между тем чисто национальных проблем, конфликтов в реальности не существует. Но есть финансовые, экономические, политические корыстные интересы определенных групп населения. Существует манипуляция людьми, их сознанием, в том числе и чьи-то конкретные планы через идеологию национализма, расизма, фашизма заставить этносы действовать в своих интересах. Вот когда шовинизм и национализм становятся реальностью, страшным монстром, пожирающим не только мир и согласие в обществе, но и самого себя.

Истинная же природа шовинизма и национализма – не в народах, а в сознании отдельных людей, напрямую или через средства массовой информации проецирующегося в пропаганду и действия межнациональной розни.

Реальная угроза роста агрессивного национализма и сепаратизма поневоле заставляет нас переосмыслить современные подходы к нации и национальным отношениям.

Закономерно встает вопрос: не заключена ли одна из причин сегодняшней межэтнической неразберихи в мистификации самого понятия «нация» и не следует ли как раз в ней искать источник обострения отношений? Почему бы в таком случае не отказаться от употребления данного термина, как когда-то на Западе во имя развенчания расизма предлагалось отказаться от понятия «раса»?

ГЛАВА 4. ПОПЫТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4.1. Введение

На самом высоком уровне ученые и политики не первый год бьются над созданием Концепции особой, отдельно взятой государственной политики – национальной. Более того, – для отдельно взятого региона, например, Северного Кавказа. Что это, как не провоцирование самой государственной властью территориального раздробления страны, создание национальных оазисов сначала на уровне субъектов Федерации, затем небольшого населенного пункта, маленького горного селения, аула, которым также нельзя отказать в справедливой, в условиях демократии, претензии на свою национальную государственность?

Трагизм современности, опасность для возрождения единства Российского государства – в невежестве, историческом цинизме некоторых современных исследователей. Проповедуя фактически неонацистские и расовые теории, ряд авторов порой договаривается до абсурда: чего стоят, например, заявления о том, что двухсотлетнее проживание с татарами никак не отразилось на русском генофонде, потому что «русская кровь не приняла татарскую» или о том, что в результате проживания в России у Пушкина мало что осталось от негроидного прадеда и он стал «блондинистым».

Между тем еще в XIX веке русский философ Н.С. Трубецкой писал, что «Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России–Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему страданию всех ее частей» [95].

Читая последние документы государственного уровня о перспективе будущего устройства Российской Федерации, убеждаешься не только в их неспособности предложить модель будущего российского социума, но и в неадекватной оценке происходящих в настоящее время этнических процессов. Такое впечатление, что российское общество существует само по себе, документы – сами по себе.

4.2. Государственная позиция по национальному вопросу: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996)

В 90-е годы вышел Указ Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» [47].

Сегодня можно уверенно сказать, что Концепция изначально представляла собой скороспелый документ, в котором недостаточно были проработаны все многообразные, сложные аспекты данной проблемы. Уже краткий анализ основных тезисов концепции доказывает несостоятельность ее мировоззренческих установок.

Важнейший тезис этого документа звучит так: «Главная цель – наладить совместную работу по реализации государственной национальной политики, учитывающей интересы каждого народа и согласующейся с общегосударственными, общенародными интересами».

Непонятно, что конкретно имеется в виду под «интересами каждого народа». И почему интересы отдельного народа должны противоречить (иначе не было бы необходимости согласования) интересам общества и государства?

То есть уже в главном своем постулате в концепции заведомо неправильно, искусственно разводятся по противоположным полюсам интересы граждан, национальностей и общегосударственные, общенародные интересы (чем, кстати, ущемляется и унижается, прежде всего, достоинство самих этих народов, правда, непонятно, каких именно и за что).

Далее концепция призывает обеспечить:

1. Стремление народов к самоопределению и объективный процесс интеграции российского общества.
2. Возрастающую самостоятельность субъектов Российской Федерации и волю граждан к упрочению общероссийской государственности.
3. Стремление сохранить и развивать национально-культурную самобытность и приверженность к духовной общности народов России.
4. Гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российской Федерации.
5. Развитие национальных языков и культур у народов России и укрепление духовной общности у россиян.
6. Политическую и правовую защищенность малочисленных народов и национальных меньшинств.

Смысловые противоречия этих пунктов видны сразу же. Во всех них изначально ставятся неразрешимые бинарные альтернативы: самоопределение народов и интеграция российского общества; самостоятельность субъектов и целостность общероссийской государственности; развитие национально-культурной самобытности и приверженность к духовной общности всех народов России.

Однако невозможно привести к общему знаменателю интересы единого государства и амбициозные, мелкопоместные интересы «удельных княжеств». Причем, нет никакой необходимости последние выделять особо, ставя их выше общенациональных, общероссийских интересов. Ведь в едином гражданско-правовом обществе автоматически снимаются все возможные противоречия между частью и целым, между большим и малым.

Да и само понятие о каких-то особых национальных правах отдельного народа является, по сути, мифом. Скажем, как можно соблюсти, защитить национальные права малочисленных народов, например, ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе с его смешанным населением? К тому же почти половина населения этого округа — граждане бывших республик СССР, теперь самостоятельных и суверенных государств.

А как защитить права всех 40 народов Республики Дагестан? Представьте себе, что при формировании здесь органов законодательной и исполнительной власти и управления дело порой доходит до абсурда: выводится соотношение количества проживающих народностей, на основании которого определяются схема должностей, количество мест в представительных органах. Получается примерно так: прокурором города должен быть аварец, мэром — даргинец, министром продовольствия — лакец, председателем правительства — кумык. Хотя самая простая мысль напрашивается сама по себе: а может

быть, стоит все-таки выбирать из числа выдающихся, грамотных профессионалов на местах или приглашать одаренных, способных управленцев из «варягов», как это было в нашей истории. При этом критериями их работы должны быть, прежде всего, повышение уровня благосостояния граждан, уменьшение на данной территории правонарушений, обеспечение населению возможности трудиться и зарабатывать, воспитанность, образованность и культура детей, молодежи, уважение друг к другу, старикам, женщинам. Вроде бы прописные истины, но в республике и по-ныне до предела обострены межнациональные отношения и многие проблемы традиционно разрешаются на одном уровне – криминальном.

4.3. Об основных направлениях государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе (1999)

В 1999 году был обнародован документ «Об основных направлениях государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе» [59], который имел статус проекта федерального закона. Закон не был принят, однако документ как таковой остался и может быть объектом сравнительно исторического анализа.

Как говорится в начале этого документа, «сегодня на Северном Кавказе складывается именно такая ситуация, что обусловила необходимость выработки особой Концепции государственной национальной политики в этом регионе».

В этой связи возникают резонные вопросы. Первый и главный из них: почему для отдельно взятого региона нужно разрабатывать особую Концепцию государственной национальной политики? Если она государственная, так и должна быть единой для государства в целом. Если же создавать законодательную базу для существования отдельных «национальных квартир», то любая концепция, отвечающая этим целям, непременно будет провоцировать центробежные тенденции. Удивительно, но в данном контексте словно бы игнорируется сам факт о том, что граждане нашей страны давно уже более едины, чем это себе представляли разработчики национальной политики и ее концепции.

Стратегически неверно и следующее положение: «Мы обязаны учитывать своеобразие каждого субъекта Федерации на Северном Кавказе и каждого ее народа». Традиции предков, красивые обычаи, ремёсла, этнокультурная уникальность, историческое прошлое – это не поле деятельности государства, тем более – государственной политики. Это естественное право на самовыражение каждого индивида, далекого в своей повседневной жизни и заботах от политики.

Что вообще означает фраза «учитывать своеобразие»? Искусственно реанимировать и культивировать сотни, если не тысячи этносов и культур? Раздавать привилегии? Но если у одних их станет больше, следовательно, у других – меньше? Это за политика в интересах одних и против интересов других.

Заметим, что даже высшие достижения в искусстве и культуре любого народа – и те выходят за рамки этнических достояний, становясь общероссийскими или общемировыми. Но никак не возможно учитывать национальное своеобразие ни в структуре государственной власти и правовых отношений, ни в бюджетном

финансировании, а попытки государственного регулирования «своеобразия» приводят лишь к административным ограничениям для лиц «кавказской национальности» и т.п.

Далее – что несет в себе тезис: «Разве не факт, что именно на Северном Кавказе происходит испытание на прочность российская государственность, новый российский федерализм?» «Второго издания» Кавказской войны страна может не выдержать: будет нарушена ее целостность, не говоря уже о тяжелейших экономических, социальных и международных последствиях?»

Опять возникают вопросы. Почему авторы полагают, что только в регионе Северного Кавказа испытывается на прочность российская государственность? И почему обязательно должно состояться «второе издание» Кавказской войны? Убежден, что подобные безответственные заявления сами по себе стоят в ряду провоцирующих войны, и не только на Кавказе.

Затем, в качестве первоочередных задач в концепции предлагаются: «...выработка системы принципов, направленных на обеспечение территориальной целостности Российской Федерации, защита ее интересов и национальной безопасности на Северном Кавказе».

Абсолютно правильно применяя понятие «национальная безопасность» как общегосударственное, авторы законопроекта тут же соотносят его только с северокавказским регионом. При этом исподволь обходится мысль о том, что территориальная целостность и национальная безопасность – это общеполитические задачи любого государства и на всей его территории. Поэтому территориальная целостность никак не может и не должна быть отдельно взятой категорией для Москвы, для Урала, для Сибири или для Северного Кавказа. Как только мы придаем национальной безопасности этнический колорит, то тем самым производим разделение, разъединение единой государственной территории, возбуждая таким образом повод для сравнений, сомнений, амбиций.

В концепции также предлагается как нечто новое обратить внимание на «...формирование механизма демографического учета всех национальностей». В то время как «демографический учет» – понятие статистическое, а потому количественные показатели какой-либо национальности не имеют, не должны и не могут иметь значения для политических решений. Вообще говоря, любой учет человеческой популяции отчего-то напоминает фашистские опыты по измерению степени «чистоты крови».

Также нет необходимости использовать в северокавказском контексте задачу «...сохранения и приумножения экономического и культурно-исторического наследия на благо каждого народа и всей страны». Ибо одинаково уважительное отношение к самобытности и достоинству всех национальностей – норма жизни любого многонационального государства, в единой совокупности всех его частей, но не отдельного региона.

Да, разумеется, трудно оспаривать тот факт, что «...Северный Кавказ – регион, где сталкиваются интересы мировых держав, которые стремятся свести к минимуму присутствие России на Северном Кавказе». Однако, опять же, здесь незаметно подменяются формулировки, а следовательно, и сами понятия: Россия вовсе не «присутствует» на Северном Кавказе, это Северный Кавказ является неотъемлемой частью России. И это очень существенная разница, ибо Россия в данном регионе

находится на своей территории. И даже «активная» заинтересованность во влиянии на Северном Кавказе мировых держав – совсем не повод для сомнения в этом.

Не менее удивительны и следующие фразеологизмы концепции:

«... мы должны выработать четкую... и жесткую политику в этом регионе». «Надо иметь в виду, что Северный Кавказ – это еще и своеобразный полигон испытания идей, принципов и практики федерализма». «Такие понятия, как «нация», «национальное достоинство», «национальные традиции», не только глубоко вкраплены здесь в быт народов, но и являются органичными элементами их самосознания. Соответственно, должна быть взвешена вся работа по всем направлениям».

Возникают, в который раз, вопросы. Почему в концепции по достижению мира и согласия используются термины военного времени: «жесткая политика», «полигон испытаний»? Или это новый стиль, новая речевая культура?

Опять же, почему понятия «нация», «национальное достоинство», «национальные традиции» не только глубоко вкраплены именно здесь, на Северном Кавказе, в быт народов, но даже являются «органичными элементами их самосознания»? А разве у русского, татарского, армянского, любого другого народа эти понятия отсутствуют? И зачем вообще нужно искусственно выпячивать северокавказские проблемы? Цель данных акцентов становится очевидной, как только в качестве ответа на этот вопрос обнаруживается догадка: чтобы занять лучшее место у «бюджетной кормушки». Но вновь заметим: лучшее – за счет других регионов.

Далее в концепции безапелляционно указывается, что «Колонизацию Кавказа в истории Российской империи используют в идеологической войне». И утверждение это абсолютно верное, если не вдаваться в споры по поводу самого термина «колонизация». Даже если условно принять все оттенки этого весьма не уточненного в данном контексте определения, все же совершенно однозначно можно согласиться с авторами в том, что именно по этому пункту и требуется развертывание широчайшего поля для деятельности – но, опять же, не в русле «национальной политики», а в идеологическом аспекте. Действительно, необходима широкомасштабная работа по разъяснению исторических и современных аспектов данной проблемы и интернациональному воспитанию молодежи, обобщению исторического опыта совместного проживания и существования традиций, укладов, культур северокавказских народов. Кто с этим спорит? Но причем тут национальная безопасность и политика? Это не вопросы политики – это вопросы культуры, образования, воспитания.

Не является национальной и другая проблема в регионе - перенасыщенность оружием. Ею должны заниматься органы правопорядка и законности в государстве.

В другом, разумеется, русле находится проблема чрезмерной политизации населения. Но разве это не результат всей государственной деятельности самих политиков, которую можно свести к постоянной борьбе за власть или попыткам удержать ее.

Где-то эта борьба ведется в открытую, где-то прикрывается внешней законностью – через выборы в органы власти. Но уже на этапе самих выборов электорат подвергается силовому и коррупционному давлению, а «избрание самых достойных» в подавляющем большинстве случаев превращается в избрание «своих». Этнический фактор, принадлежность к определенному клану становятся определяющими, что, конечно же, не

имеет никакого отношения к свободному и демократическому волеизъявлению избирателей. И на практике дело нередко доходит до вооруженной борьбы и террора. Печально и недопустимо, но призывы под этнические знамена, психологическое давление, подкуп, взрывы, покушения, убийства стали обычным фоном избирательных кампаний, не оставляющих простым гражданам свободы реального выбора и подменяющих его псевдовыбором.

Стоит ли удивляться тому, что, победив, власть тут же забывает о тех, кто привел ее к победе. А то, что от такой «победы» жизнь не становится лучше, списывается на побежденных, которые, в свою очередь, принимаются готовить ответные меры, выжидая случая вернуть утраченные позиции.

Так замыкается тот самый порочный круг, который за счет использования фразеологизмов так называемой «национальной политики» порождает национальных «князьков», спекулирующих на теме суверенитета «своего княжества» и расшатывающих здание всего государства.

Точно также ничего позитивного не содержат в себе расхожие фразы: «...субъекты Федерации организованы для того, чтобы дать возможность на какой-то конкретной территории учесть специфические интересы целого ряда народов, например, кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарии, чеченцев, абазинцев, ногайцев и русских в Карачаево-Черкесии».

Прежде всего, непонятно, что такое «специфические интересы»? Непонятно, каким образом и при помощи какого механизма будут учитываться и соблюдаться «специфические» интересы многочисленных национальностей, например, в Краснодарском крае? Именно из-за «специфических интересов», надуманных и ничем не обоснованных привилегий «титულным национальностям» происходит ущемление прав других, проживающих на данной территории, граждан. И что в результате получается на практике? Переселенцев с Кавказа не прописывают в конкретных городах России, не предоставляют им возможности жить и работать на определенной территории. В национальных республиках, напротив, «отыгрываются» на русских. Неужели это все мы хотим и будем подразумевать под «специфическими» национальными интересами российских народов?!

Вывод напрашивается сам собой. Как только начинают говорить о национальных особенностях и проблемах татар, кабардинцев, осетин и т.д. то тем самым эти люди унижаются, ставятся в неравное положение. Учет таких «национальных интересов», в конечном счете, порождает вражду и ненависть между российскими гражданами разных национальностей.

Это – простые и понятные для всех истины, но когда речь идет о национальном вопросе, сразу все вокруг обволакивает туман и мгла. Причины же очевидны: это, прежде всего, профессиональная некомпетентность должностных лиц различных уровней, непонимание существа вопроса и множество других, посторонних факторов, порождающих искусственные национальные проблемы, которые возводятся властью в ранг неразрешимых.

4.4. «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект федерального закона, 2006)

В 2006 году в Государственную Думу ФС РФ был внесен проект федерального закона № 369 190-3 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» [72].

Новый проект практически ничем не отличается от Концепции государственной национальной политики 1996 года, по-прежнему основываясь на устаревших принципах.

В преамбуле сказано, что «государственная национальная политика Российской Федерации основывается на конституционных принципах единства и целостности Российской Федерации». И это было бы правильным, если бы не продолжение мысли: «и этнического самоопределения всех народов Российской Федерации».

При всем уважении к авторам проекта хотелось бы в который раз выразить собственное убеждение о том, что в «едином государстве» не может быть «этнического самоопределения», то есть множества независимых государств, как не могут, аналогично, самоопределяться в единой семье отдельные ее члены.

Кроме того, если такое «право на самоопределение» наделяет нацию качествами исключительности и нетерпимости, это неизбежно приводит либо к развалу государства, либо к межнациональным конфликтам и войнам.

Даже активный сторонник уникальности, самобытности, этничности Рамазан Абдулатипов серьезно предупреждает, что «...самоопределение русских в России – это... переход на позиции фашизма. Подобные идеи, исключая единство и сотрудничество всех других народов, разрушительны для России» [1].

Мы, однако, можем этот тезис продолжить: самоопределение любого этноса – это переход на позиции национализма, что одинаково губительно для единого российского государства.

Так, провозглашение Лениным права наций на самоопределение привело к раздроблению России. Сначала отделилась Финляндия, затем Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия. На Кавказе Россия уступила Турции Карс, Андагар, Батуми. В результате Россия лишилась почти 1/3 населения и огромной территории общей площадью около миллиона квадратных километров.

Буржуазная пресса совершенно четко отразила этот процесс. Так, в американской газете «Нью-Йорк Таймс» в июне 1918 г. указывалось на то, что Россия как держава исчезла, ее наследство подлежит разделу между капиталистическими странами.

Однако большевики прекрасно понимали, что объективные факторы экономического развития требовали организационного единства отдельных частей страны с исторически сложившимся многонациональным хозяйственным организмом России. Для этого надо было найти практические пути укрепления государственного единства страны.

Удачливость Ленина и большевиков заключалась в том, что они нашли такую форму, декларативно провозгласив право наций на самоопределение, а фактически создав унитарное государство. На деле же партия никогда не считала, что народы должны отделяться, напротив, коммунисты всеми доступными им способами спланировали трудящихся всех национальностей, укрепляли их интернациональную солидарность.

Изначально провозглашенное партией большевиков право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, было

популистским лозунгом с целью привлечения к себе симпатий и сторонников. Никакого реального права на самоопределение не было, как не было самой возможности у какой-либо из созданных по национально-территориальному принципу республик воспользоваться этим правом.

Сам Ленин писал: «Мы хотим революционно-пролетарского единства, соединения, а не раздробления... Целью социализма является уничтожение раздробленности и всякой обособленности наций, их тесное сближение... Отделение вовсе не наш план, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение» [52].

Таким образом, большевиками было лишь провозглашено мифическое, эфемерное, не наполненное конкретным содержанием и не осуществимое право. Именно поэтому тезис о национальном самоопределении нас весь период советской власти так и остался на бумаге.

Тем не менее это был весьма тонкий ход партии большевиков. Провозгласив формальное право на самоопределение, коммунисты выпустили пар и при помощи «пустой говорильни» прекратили «ненужную суету» вокруг национального вопроса, предоставив всем национальностям территории и право самодовольно упиваться собственной значимостью. Реально же внутри жестко организованной иерархии тоталитарной системы государства этот рычаг сделал национальные элиты страны сторонниками и проводниками жесткой диктатуры власти и коммунистического режима.

Характерно по этому поводу высказывание И.В. Сталина: «Кроме права на самоопределение есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, правом рабочего класса, на укрепление своей власти. В таких случаях, – это нужно сказать прямо, – право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступать перед вторым» [88].

Искусственность и надуманность провозглашенного партией права наций на самоопределение лучше всего характеризуют понятие «субъекта» права на самоопределение.

С точки зрения политической сути субъектами права на самоопределение являются этнические категории – нация, народность, народ. Однако применительно к государственно-правовому аспекту народ, народность, нация не могут выступать в качестве субъекта федеративных отношений, так как, в противном случае, будет иметь место национально-культурная автономия, то есть тогда придется говорить не о Татарстане, Кабардино-Балкарии, Осетии как государственно-правовых субъектах федеративных отношений, а о татарах, кабардинцах, балкарцах, осетинах вообще, в том числе проживающих за пределами своих этнических территорий.

Если же вести речь о национально-территориальной федерации, то есть о самоопределении представителей всех народностей, проживающих на какой-либо более или менее компактной территории, то тогда отпадает необходимость и теряется сам смысл национально-территориального образования, поскольку на всех территориях нашей страны проживает большое количество различных национальностей и практически нет ни одной компактной территории, где проживает подавляющее большинство представителей

титульной нации. К примеру, в Башкортостане башкир – менее 20%. В 21 автономном образовании русских больше, чем коренных жителей.

И какой этнос представляет, скажем, один из уважаемых авторов концепции? Аварский – по происхождению, дагестанский – по его малой родине, северо-кавказский – по географии его малой Родины – Дагестана, саратовский – по представительству в Совете Федерации или российский – по политической и научной деятельности? Да еще надо не забывать о том, что аварский этнос состоит из андийцев, ахвахцев, ботлихцев, каратинцев, годоберинцев, дидойцев, тляротинцев, бежтинцев и других, каждый из которых совершенно справедливо имеет и гордится своим национальным самосознанием.

Пора уже понять, что в едином государстве не могут существовать самостоятельные, независимые, национальные образования. Корпоративные интересы отдельной группы «национальностей» не совпадают с полем действия общих интересов единого государства. Первые всегда будут стремиться к обособлению, превосходству над интересами остальных национальностей, потому что «свое» должно быть всегда лучше «чужого». Невозможно свести в одной плоскости такие разные понятия, как «общегосударственные интересы» и интересы «всех отдельно взятых народов».

Здесь уместно вспомнить, что Маркс и Энгельс, исследуя федерацию, рассматривали ее как пережиток национальной раздробленности, нарушение государственного единства. Они исходили из того, что федерация означает децентрализацию и, следовательно, является препятствием на пути создания крупного, единого государства.

И это правильно: для того чтобы ликвидировать раздробленность государства, возникает необходимость в национальном объединении.

Ленин также отрицательно относился к федеративной форме государственного устройства и отдавал предпочтение унитарной форме, централизму, указывая на то, что пролетариат будет отстаивать более крупное государство, будет приветствовать сплочение крупных территорий.

Однако сложившаяся в России ситуация требовала от большевиков не допустить разрушительного конфликта между несложившимся единым многонациональным организмом страны и централизованной унитарной формой государства, наличием в стране неравноправия, экономического и культурного неравенства наций, в связи с чем Ленин пришел к целесообразности признания федерации.

Признание Лениным федерации было обусловлено не «многонациональным» составом населения России, а голодом, разрухой, развалом государства и государственной власти. Федеративное устройство государства должно было носить временный характер, вплоть до слияния наций, то есть федеративное устройство государства должно было стать лишь этапом в становлении государственности страны. Ленин писал: «Мы хотим добровольного союза наций, такого союза, который не допускал насилия одной нации над другой, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия».

Получилось по-большевистски: сначала придумали способ, как уничтожить существовавшее единство, а затем – как его из пепла возродить.

Провозгласив фактически раздробленность и распад, но, желая единства и единого государства, Ленин понимал: чтобы связать несвязуемое, нужна новая идея, форма, подход, сила. Таковой стала руководящая, единая, централизованная, исключаящая размежевание по национальному признаку партия большевиков, с ее классовым подходом в формировании, но основанном при этом на принципах интернационализма.

Государственная власть была создана как новая политическая категория и отражала качественно новый тип социальных отношений, при которых изменилось содержание и направленность самой власти. Фактором единства была классовая направленность, она выражала волю господствующего класса – пролетариата. Такая власть могла использовать силу принуждения по отношению к националистическим проявлениям и выступала в качестве объединяющего начала по отношению ко всем субъектам федерации.

Мы же, разрушив государство, не смогли предложить ничего нового. Ситуация в области национальных отношений напоминает сюжет замечательной басни И.А. Крылова про Лебедя, Рака и Щуку.

Приведем еще одну фразу: «Целью настоящего закона является создание правовых основ обеспечения национального развития всех народов Российской Федерации» [72]. Так гласит статья проекта Федерального закона (глава 1, ст. п. 1). Реализация этого закона направлена на решение следующих задач:

В государственно-правовой сфере:

- обеспечение единства и целостности РФ;
- обеспечение правовых и организационных условий для

удовлетворения национально-культурных и социальных интересов граждан и народов (п. 2).

Но вот вопрос: разве можно одновременно обеспечить единство и целостность многонационального государства и национальное развитие каждого из его народов, единство и целостность двух несовместимых, взаимоисключающих друг друга социальных явлений? Если можно, почему не указано как, с помощью каких механизмов и рычагов? Да потому и не указано, что нельзя, невозможно соединить несоединимое!

На наш взгляд, единство и целостность государства должны обеспечиваться единой территорией, единым государственным устройством, единым языком, общими и понятными каждому целями, одинаковыми правами и обязанностями граждан, едиными и обязательными для всех законами, единой экономикой.

Национальное развитие каждого народа в государстве обеспечивается теми же факторами. И при этом не важно, идет ли речь о нации численностью в сотни миллионов человек, имеющей свое национально-территориальное устройство (например, о русских, которых 120 миллионов человек, или татарах, которых около 6 миллионов), или о народе в несколько сот человек, без национально-государственного оформления (например, о более 700 тофаларах или более 1000 юкагирах).

Гипотетически проанализируем на примере любого этноса, что надо было бы сделать для развития его национальных традиций, обрядов, всего самобытного национального спектра, претворяя в жизнь п. 1 гл. 1. Федерального закона.

Прежде всего, нужно обозначить и законодательно закрепить территорию проживания этноса, желающего удовлетворить справедливые претензии на свою государственность, наполнить ее необходимыми государственными институтами власти

(от центральных до местных) и поддержания порядка, обозначить форму государственного устройства.

Кроме того, открыть общеобразовательные национальные школы, где преподавание будет осуществляться на родном языке (для годового материально-технического обеспечения и функционирования которых потребуются значительное бюджетное финансирование).

Еще нужно было бы создавать и развивать учреждения культуры и искусства: национальные театры, библиотеки, финансировать национальную литературу, поэзию, живопись, архитектуру, музыку, декоративно-прикладное искусство и т.д. Но, самое главное, необходимо обеспечить этническое экономическое развитие, основанное на материальных ресурсах территории проживания.

Думаю, примеров и направлений для развития и удовлетворения национально-культурных и социальных интересов достаточно. Замечу только, что примерный годовой бюджет такого «развития» и такого «удовлетворения» этноса составит весьма объемную сумму.

Возникают, опять же, закономерные вопросы. Где взять эти средства и как практически все это претворить в жизнь? Что делать с представителями этноса, живущими за пределами территории компактного проживания? Наверняка видные представители этноса, элиты, будучи «самодостаточными» личностями, хорошо устроенными в «столицах», не поедут в родные края.

Словом, достаточно абсурдных гипотез. В любом случае, хотелось бы, чтобы уровень заботы государства о своих гражданах не сужался до национального самовыражения и не ограничивался рамками национального пространства. Он шире объема и содержания любой, даже самой уникальной, но только национальной культуры (национальных культур), шире национально-территориальных границ одного или даже суммы всех национальных субъектов РФ.

Надо, наконец, понять, что единство народа в государстве – это нечто большее, чем простая сумма его национальностей. Забота государства о своих гражданах – это нечто большее, чем забота о каждом отдельно взятом народе или их сумме.

Вопрос вовсе не стоит об уничтожении каждой национальной культуры, ее уникальности и неповторимости. Никто не отнимает права у человека любой национальности гордиться своим происхождением, языком, историей, культурой, воспитывать детей в духе традиций предков, сохранять и передавать их из поколения в поколение.

Необходимо четко уяснить, что идентификации российских граждан по «национальности» не должно быть в системе человеческих привязанностей и ориентиров, стереотипов сознания, так же, как узкие «национальные интересы» должны меркнуть перед величием единых общегосударственных и духовно-нравственных ценностей.

Этническое многообразие граждан РФ – это наше общее богатство, принадлежащее всем нам. Но смысл его – не в требовании узких национальных привилегий в ущерб ближнему или соседу, а в совместном создании великой державы для лучшей жизни всех граждан, не взирая на их национальности.

Развивать и сохранять свои национальные интересы – личное право и дело каждого, но не государства и не государственной власти.

Вера, язык, этническое происхождение, культура, традиции и обычаи предков должны быть раз и навсегда отделены от государства. Только так можно сохранить единство и целостность Российской Федерации. Это обязательное условие для процветания и благополучия государства и всех без исключения граждан в нем.

Как только мы начинаем выпячивать свое национальное происхождение и самодовольно надуться национальной исключительностью – мы признаемся в своей общегражданской, общечеловеческой неполноценности и ущербности.

Любому представителю этноса можно самовыразиться глубже, если это самовыражение ориентировано не только на этническое пространство и таких же носителей этничности, но на все российское и даже дальше – мировое пространство, на всех без исключения людей.

Гений, герой, выдающаяся личность не могут появиться в узко очерченных этнических рамках. Они сразу принадлежат всем, становясь мировым достоянием. Так, творчеством абиссинца Александра Пушкина, шотландца Михаила Лермонтова, аварца Расула Гамзатова гордятся и наслаждаются народы всего мира.

Не надо забывать, что талант и Пушкина, и Лермонтова не состоялся бы без истории, традиций, образа жизни, характера русского народа, а Расул Гамзатов, не окончив Московский литературный институт, не смог бы раскрыть в полной мере все грани своего таланта. И Пушкин, и Лермонтов, и Гамзатов и многие другие – олицетворение величия и единства России. Своим творчеством они стали гораздо большими русскими, чем те, кто через десятки лет будет бравировать ура-патриотизмом одной нации, но «своей», обращаясь пусть к маленькому курфюрству, но «своему».

Ниша социальной состоятельности индивида, идентификации его с высшей степенью социальной общности – народонаселением РФ находится выше башен удельного княжества. Заставляя человека идентифицироваться с обособленным этническим мирком, мы культивируем давно отжившие себя родоплеменные атавизмы, законодательно порождаем национализм, провоцируем национальные конфликты, призываем к войне.

В социально-экономической сфере в качестве одной из задач по реализации настоящего закона ставится:

«Реализация национальных интересов граждан и народов в сфере традиционных образа жизни и хозяйствования; развитие государственных систем коммуникаций и информации в целях оказания помощи народам России по совершенствованию их национально-культурного образовательного пространства» [72].

И вновь без вопросов невозможно обойтись. Во-первых, что такое национальные интересы в образе жизни и хозяйствования? Если это традиции и обряды, то соблюдать их никто и никому не мешает.

Во-вторых, что имеют в виду законодатели под реализацией традиций – непонятно. Если финансирование, то есть выделение денег для национальных праздников за государственный счет, то ничего в этом предосудительного и страшного нет при одном условии: если у государства есть лишние деньги. Если нет более насущных проблем в здравоохранении, образовании, воспитании, науке, жилищно-коммунальном хозяйстве, экологии, промышленности, сельском хозяйстве, общественном состоянии.

Ставить вопрос о реализации национальных интересов в сфере традиций и обрядов, а по сути, прежде всего, о финансировании этого направления в жизнедеятельности общества в период затяжного общероссийского кризиса просто легкомысленно.

Представим образно всю совокупность обрядов: фольклор, воспитание, национальные праздники, национальные игры, состязания, то есть все то, что стоит за понятием «национальные традиции и обычаи». И представим реально, какие финансовые потоки и организационные средства нужно аккумулировать и направить на их реализацию. Думается, что одним бюджетом здесь не обойтись, будут нужны дополнительные инвестиции.

А в чем суть неологизма «национальное хозяйствование»? Может быть, в передаче всей торговли азербайджанцам, сельского хозяйства, лесов, пашен – русским, нефти и угля – эвенкам, животноводства – башкирам, промышленности – украинцам, финансов – другим этническим группам?

Возникают вопросы и по следующей части статьи: «Развитие государственных систем коммуникаций и информации в целях оказания помощи народам России по совершенствованию их национально-культурного образовательного пространства».

Во-первых. Что такое государственная система коммуникаций и информации и национально-культурное образовательное пространство? Где их границы и пределы? Если это субъект федерации – это одно. Если национально-территориальное образование внутри субъекта федерации – это другое.

Во-вторых. Как в условиях единой образовательной системы, единого государственного языка – русского, отсутствия в положении о высшем образовании ориентации на обучение на национальных языках, при наличии одного общероссийского образовательного телевизионного канала на русском языке совершенствовать национально-культурное образовательное пространство? Открыть еще 176 каналов вещания, издавать учебную литературу на 176 языках, чтобы потом делать карьеру в эвенкском чуме, башкирской юрте, русской избе? И опять же – за чей счет и ради чего – ради «расползания» этносов «по своим углам»?

В национально-культурной сфере, согласно этому же Федеральному закону, необходимо решить задачу «распространения идей духовного единства, дружбы народов, формирование межнационального согласия и российского патриотизма». Эти понятия должны конкретизироваться в программах, технологиях и механизмах претворения в жизнь.

Следующее положение – о «признании единства российского общества», с одной стороны, и «свободном определении каждым гражданином своей национальной принадлежности», с другой, – является прямым призывом самоидентифицироваться по этническому признаку, по крови, делиться на «своих» и «чужих».

В проекте закона одним из принципов государственной национальной политики объявляется «признание объединяющей роли русского народа, его языка и культуры». По существу, одной только этой идеей перечеркиваются все вышеназванные слова о равноправии, учете национальных интересов, национальной специфики, самобытности. Фактически речь идет о дискриминации нерусского населения и его насильственной ассимиляции. Разве не все мы, россияне – каждый и все вместе – являемся опорой Государства Российского?

4.5. Заключение

Подводя итог этой главе, приходится констатировать, что государственная национальная политика Российской Федерации пока находится в стадии разработки.

Ни один пункт старых и новых концепций не помог и не поможет нашей стране разрешить ни одного вопроса.

Обсуждение проблемы на различных форумах, совещаниях, в научно-методической литературе также не дает однозначного ответа. В точках зрения преобладают альтернативные тенденции: от необходимости единения в один российский народ, до расширения объема суверенитета и предоставление государственности всем, кто ее не имеет.

О необходимости совершенствования государственной национальной политики говорят многие руководители, все те, кто не может разрешить эти проблемы у себя в регионах, на местах, в масштабе республики или края.

Но, к сожалению, обсуждаемый проект Концепции не может помочь искренне болеющим душой представителям субъектов Федерации в разрешении конкретных проблем.

Принятый Федеральный Закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О культурной автономии» [99] не помогает решать существенные вопросы стратегического и тактического характера. В нем лишь регламентируются принципы сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, определённых этнических общностей, проживающих на территории Российской Федерации.

ГЛАВА 5. НАЦИЯ КАК МИФ

5.1. Вводная часть

Современный мир чрезвычайно противоречив в многоплановых процессах поступательного движения: люди всегда выбирали – интеграция или дезинтеграция, конвергенция или дивергенция – и старались уйти от вселенского закона единства и единения, единого происхождения, единого существования, единого начала и единого конца.

Россия – крупнейшее государство в мире. По площади она занимает 1/7 суши на планете. Она является, впрочем, как и любая другая страна, моделью развития человечества со всеми трудностями, сложностями развития, интеграционными и дезинтеграционными процессами, подъемами и откатами назад, современными перепутьями.

Как свидетельствуют исторические факты, любой социум теряет свое этническое содержание в пространственно-временной зоне постоянных контактов различных культур, традиций, языков и т.д., наложенных на такую же общую мозаичную основу. Самоназвание (этноним) оказывается всего лишь собирательным именем десятков и сотен этнических миров, слившихся в один макромир, открытых для дальнейшего взаимодействия и взаимовлияния.

В основе генезиса народов – непрерывные межэтнические связи, консолидация, ассимиляция, миксация, парциация, дисперсизация, дифференциация и новая интеграция.

Правы те исследователи, которые допускают употребление термина «нация» лишь в политическом аспекте (например, Организация Объединенных Наций).

Попытки найти жесткие связи, интегрирующие этносы с определенными характеристиками или признаками (общность происхождения, территории, язык, религия, культура) уводят от реальности в кулуарные академические споры небольшого круга ученых-теоретиков.

5.2. Общность происхождения этноса

Общность происхождения для конкретного этноса изначально существует только в форме мифов, преданий. У многих народов мифология описывает происхождение от одного предка. По мере развития цивилизации она получает научное обоснование: на ее проработку направляются усилия этнографии, этнологии, археологии, истории. Очень часто эта идея обретает форму государственной идеологии.

При этом как в мифологической, так и в научной форме историческая память носит избирательный характер и направлена на повышение статуса этноса посредством отбора его корней и их иерархического упорядочения по мере значимости. Это не исключает в развитии исторической памяти тех или иных народов периодов самобичевания, самоуничужения, когда история переписывается в предельно критическом духе и в ней доминируют темные тона (так было в России сразу после Октябрьской революции и в период перестройки, в первые постсоветские годы, в Германии после Второй мировой войны и т.д.).

Однако эти периоды обычно кратковременны и дают новый импульс позитивному конструированию исторической памяти (Россия второй половины 1990-х годов дает яркий пример такого возврата).

Важнейшим фактором восстановления исторической памяти является социально-политическое развитие настоящего, предъявляющее спрос на обоснование современных идеологий. Государственная идеология превращает идею происхождения этноса в один из инструментов формирования патриотических чувств, что зачастую влияет на интерпретацию фактов.

Исходя из этого, историческая память нередко акцентирует внимание на том, что «наше» происхождение отличается от «их» корней. «Мы» – это не «они» уже с древних времен. Чем сильнее нынешнее стремление размежеваться, тем активнее идут в прошлом поиски разных истоков.

Россия – яркий пример мифичности содержания понятия «нация», тем более – «чистая нация». Так, «русский» этнос складывался из славянского субстрата, который в исторических источниках упоминается под следующими этнонимами: поляне, дулебы, скифы, сарматы, аланы, роксоланы, венеды, винды, вандалы, славены, бужане, уличи, северяне, вятичи, кривичи, рода, родни, полочане, дреговичи, древляне, радимичи, русь, норманны и др. В формировании славян участвовали ираноязычные, эллинские, древнегерманские, финно-угорские, балтские, тюркские, монгольские племена и группы. И такая грандиозная панорама истоков – не только у славян, русских, но и всего остального населения мира.

Россия – это не только географическая территория проживания населения, но и локальная цивилизация с огромным объединительным потенциалом, богатым генофондом.

Изначально даже киевские князья не были «чистыми» по крови. Например, любимыми детьми киевского князя Владимира были его сыновья от болгарки: Борис и Глеб. Старшего Святополка звали «сыном двух отцов», так как Владимир захватил в плен и взял в жены его мать-гречанку, бывшую беременной от им же убитого князя Ярополка. Духовным отцом Святополка был епископ Колобережский – немец Рейнберн.

Не иначе обстояло дело и с подданными, отнюдь не замыкавшимися в своем этническом узком кругу. Например, на северо-востоке Древней Руси располагалось Булгарское царство, принявшее ислам. Население Волжской Булгарии было смешанным. Захваченных в плен русских женщин болгары делали своими наложницами. От смешанных браков рождались Мурады и Фатьмы. Потом на болгарские селения нападали суздальцы и муромцы, брали пленных болгарок в жены. На свет появлялись Всеславы и Любавы.

У еврейского населения Хазарского каганата евреями считались все дети евреек, независимо от того, кто был их отец. У хазар же, как у всех евразийских народов, родство определялось по отцу.

В начале XVIII века из 45 генерал-фельдмаршалов в России 12 были немцами: Шереметьев, Бутурлин, трое Салтыковых, Мусин-Пушкин и др. От немцев произошли и предки Д. Пожарского, Д. Фонвизина, выдающегося полководца М.Л. Кутузова, известных деятелей эпохи Екатерины II братьев Орловых, декабристы В.К. Кюхельбекер, П.И. Пестель, В.И. Штейнгель.

Многие известные фамилии в России имели тюркские корни или примесь татарской крови. Среди них писатели, поэты, композиторы, известные российские историки: Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, Ф. И.Тютчев, С.Т. Аксаков, Анна Ахматова, Максим Горький и др.

А.В. Суворов – потомок шведа, А.С. Пушкин – абиссинского князя Ибрагима, Голицыны – потомки литовского князя Гедимина. Как уже указывалось, шотландские предки рода Лермонт были у М.Ю. Лермонтова, еврейские, калмыцкие, шведские корни обнаружены у В.И. Ленина и т.д.

Взаимодействие и взаимообогащение культур нашли свое отражение и в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса имеет тюркское происхождение.

В СССР более 12 миллионов человек состояли в смешанных браках, 65 миллионов проживали вне своей исторической Родины.

Такая грандиозная панорама этнических истоков, смешения, контактов наблюдается не только у русских, но и всего остального населения мира.

Достаточно вспомнить историю древнего мира. Так, римский флот обслуживался наемными иностранцами – главным образом, греками.

Много позже, в XIII веке, азиатский вождь Эрготал, спасаясь от монголов, привел в Малую Азию около 500 всадников с семьями. Иконейский султан поселил прибывших на границе с Никеей, в Бруссе, для пограничной войны с «неверными» греками. При первых султанах в Бруссу ради добычи и земли для поселения стекались добровольцы – «гази» со всего Ближнего Востока. Они составили конницу – «спаги». Завоевание Болгарии и Македонии в XVI веке позволило турецким султанам организовать пехоту из христианских мальчиков, которых отрывали от семей, обучали исламу и военному делу и ставили на положение гвардии – «нового войска», янычар. В XV веке был создан флот, укомплектованный авантюристами всех берегов Средиземного моря. В XVI веке добавилась легкая конница – «акиджи» из завоеванных Диарбекра, Ирака и Курдистана. Дипломатами становились французские ренегаты, а финансистами и экономистами – греки, армяне и евреи. Жен же эти люди покупали на невольничьих базарах, где можно было найти полячек, украинок, немок, итальянок, грузинок, гречанок, берберок, негритянок и т.д. Эти женщины в XVII–XVIII веках становились матерями и бабушками турецких воинов. Турки ощущали себя этносом, но при этом молодой османский солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы – арабские. Но он был османом, ибо вел себя, как подобало храброму и набожному воину ислама.

Так формировались все современные нации, вмещая в себя все новые и новые племенные потоки, тем самым подтверждая биологический закон «обновления крови» для оздоровления и устойчивости народа. И с такой же истинностью мы можем утверждать: нет генетически чистого этноса, народа, нации. Это миф.

Этническое происхождение у всех одно – через смешение, вливание, объединение (добровольное или насильственное). Это естественный процесс, идущий тысячелетиями.

Как отметил французский экономист Шейсон, во Франции каждый житель определенной провинции несет в себе кровь, как минимум, 20 миллионов современников

1000-го года, поскольку все жители одной и той же местности - одновременно дети своих родителей и дети своей родины, которые «имеют общих предков, сделаны из одной глины, носят один отпечаток и постоянно приводятся обратно к среднему типу той длинной и тяжелой цепью, которой они суть только последние звенья» [108]. По его мнению, не только чувство, но еще и физиология и наследственность делают для каждого из сограждан отечество второй матерью.

Как полагал французский социальный психолог Гюстав Лебон (1841 – 1931), поведением любого индивидуума руководят три важных фактора: влияние предков, влияние непосредственных родителей и влияние среды [51]. Причем, слабейшим из всех он считал последнее. Влияние же предков он рассматривал как постоянное, не подчиненное действию времени. Считая, что судьбой народа, нации (здесь надо оговориться, что Г. Лебон называл нацию расой, мы же будем употреблять слово «нация», дабы не вносить путаницы) более руководят умершие поколения, нежели современники, так как они передали нам не только нашу физическую организацию, но и свои мысли, свою нравственность и верования. Хотя мы несем на себе не только их добродетели, но и расплачиваемся за их ошибки.

Говоря о психологическом складе ума народа, он подчеркивал, что для того, чтобы создать в определенном народе общность чувств, образующих его душу, необходимо более десяти веков. В этом смысле очень точна фраза Лебона: «Покойники – единственные неоспоримые господа живых» [51]. Он также полагал, что французская революция ускорила образование единой французской нации тем, что уничтожила множество мелких этносов прежде раздробленной страны (пикардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, бретонцев, провансальцев). То же самое, по мнению Лебона, произошло и в Англии, когда, наконец, слились англосаксы, нормандцы, древние бретонцы, образовав единый однородный тип нации, обладающей общими чувствами, интересами, верованиями. С обретением такого согласия в обществе оно получает инстинктивное единство всех его членов по всем крупным вопросам, придающее народу большую прочность и громадную силу.

Причину различий между государствами и их историческими судьбами Г. Лебон видит в различии их чувств, идей и национального духа. Если, например, греки духовно никогда не поднимались выше понятия города, то их города, соответственно, всю жизнь враждовали между собой. Индия 2000 лет подряд объединялась только на уровне деревни и поэтому жила постоянно под властью иноземцев. Когда же объединение охватывает всю страну под влиянием какой-то яркой идеи (а для этого, как пишет Лебон, «нужны Ришелье и Бисмарки»), совершаются объединительные процессы, меняется форма государства и т.д., но тем не менее рождение национального духа не происходит одномоментно, для чего необходимы века. Например, если после упадка Римской империи Италия как страна образовалась быстро, то сама однородная нация итальянцев родилась не сразу, и долгое время Италию по-прежнему населяли пьемонтцы, сицилийцы, венецианцы, римляне и др.

Поэтому, как отметил Лебон, нужно признать искусственность создания народов: чистые этносы могут быть только у дикарей, а цивилизованные нации образуются только историческим путем. То есть в реальности они создаются случайностями завоеваний, иммиграций, разного рода действий политиков и всегда являются смешением людей различного происхождения.

Условий, чтобы разнородные мелкие этносы могли бы слиться в одну новую, более или менее однородную нацию, как считает Лебон, должно быть несколько. Для этого необходимо, чтобы два скрещивающихся этноса:

- не слишком были неравны численно,
- не слишком отличались по своим признакам,
- в течение долгого времени были подвержены одинаковым влияниям среды.

При этом, однако, Лебон считал, что все большие империи, объединяющие несходные народы, могут быть созданы только силой, а потому от насилия и погибнут.

Кроме того, Лебон придавал огромное значение различию в характерах наций, объединенных под эгидой государства, всегда подавляющего личность, и считал, что вся история человечества зависит от черт характера всей нации этой страны, как бы она ни называлась: монархией, империей или республикой. Кратко это можно было бы выразить формулой «национальный характер движет историей». И все, что требуется от правительства, по мнению Лебона, – это как можно точнее выражать чувства и идеи своего народа. Поэтому нельзя, например, колонией управлять методами и учреждениями метрополии. Ибо нельзя «убедить рыб жить на воздухе на том основании, что воздушным дыханием пользуются все высшие животные» [51]. Правительство обязано выражать дух своего народа, а не навязывать ему чуждые режимы. Например, Римская империя, много веков движимая духом народа и имевшая мощную военную организацию для обеспечения римлянам мирового господства, создала поистине великую цивилизацию и культуру. Но когда дух римлян угас, растворился в нахлынувших обычаях иностранцев, собственных беззакониях и разврате, то последовал упадок страны. Следовательно упадок духа народа способен развалить некогда могущественные империи.

С мыслями Лебона можно соглашаться или не соглашаться, но бесспорен тот факт, что нация (по Лебону, раса) рассматривалась им как совокупность неких духовных признаков множества этносов, слившихся в процессе общего исторического сосуществования в единый народ, и признаком ее, прежде всего, является сформированный веками общий национальный дух. Этот же национальный дух влияет на последующие поколения и используется определенными кругами для формирования мощной государственной машины, призванной подавить личность, но при этом возвысить государство в целом.

Таким образом, нация есть не что иное, как некий интеллектуальный конструкт элиты государства. Далее этот конструкт (этничность) транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных средств, имеющих возможность воздействовать на сознание членов общности и потом используется государством для достижения его узких корпоративных интересов.

Для большинства же населения включенность в единую структуру производства и потребления намного важнее, чем идеи патриотизма или этнического единства.

Современная Европа обнаруживает устойчивую тенденцию к нивелировке наиболее существенных аспектов этнического бытия. Дальнейшее развитие этнического самосознания на постсоветском пространстве, на наш взгляд, ставит под угрозу доминирование либерально-демократической системы ценностей в мировоззренческом космосе современного российского человека.

Не выдерживают критики и другие индикаторы нации.

5.3. Биологический (расовый) признак

Среди мифологем так называемой нации нередко упоминается раса. Следует заметить, что само понятие рас и факт их существования являются индикаторами не нации, а единого человечества.

Термин «раса» неясен по происхождению. Может быть, это видоизменение арабского слова «рас» (источник, начало, голова), или итальянского «раса» (племя). Возможно, это понятие исходит из санскритского «раса», которое означает законченный цикл развития человечества – от зарождения до гибели (сейчас – четвертый цикл, впереди – пятый, с новым, совершенным человечеством).

Однако чтобы какой-либо конкретный физический признак мог считаться расовым, необходимы два условия: его наследственный характер и наличие географического ареала распространения. Признаков же отличия рас немало: цвет кожи, глаз, волос, форма черепа, длина тела – и все это имеет второстепенное значение.

В общем смысле расы – это подразделения рода человеческого, имеющего одну сущность и общий смысл существования на Земле. Раса – внесоциальная категория и даже внецивилизационная, и втягивание ее в современную теорию наций бесперспективно. Она уже была втянута в XIX веке французом Ж. Гобино в исторически первую расистскую теорию, объявившую арийцев высшей расой. Последствия известны. Мы не ставим рядом эти теории, они несопоставимы.

Общепринято, что раса – понятие биоантропологическое, характеризующееся общими наследственными физическими особенностями и связанное с единством происхождения (моногенез) и определенной областью распространения. Традиционно и наиболее отчетливо выделяются четыре основных (больших) расы: европеоидная, монголоидная, негроидная и австралоидная (табл. 8).

Таблица 8

Классификация рас (фенотипов)

Европеоидные расы	Северные формы	Атланти-балтийская Беломоро-балтийская
	Переходные (промежуточные) формы	Альпийская Среднеевропейская Восточноевропейская
	Южные формы	Средиземноморская Индо-афганская Балкано-кавказская Переднеазиатская (арменоидная) Памиро-ферганская

Монголоидные (азиатско-американские) расы	Азиатская ветвь	Континентальные монголоиды (Североазиатские, Центральноазиатские) Арктическая раса Тихоокеанские монголоиды Американские расы
Австралоидные (океанские) расы	Веддоиды Австралийцы Айны Папуасы и меланезийцы Негритосы	
Негроидные (африканские) расы	Негры Негрилли (пигмеи) Бушмены и готтентоты	
Смешанные формы	Между европеоидами и азиатской ветвью монголоидной расы	Среднеазиатские группы Южносибирская раса Уральская раса и субуральский тип Лапоноиды и сублапоноидный тип Смешанные группы Сибири
	Между европеоидами и американской монголоидной	Американские метисы
	Между европеоидной и негроидной расами	Эфиопская Смешанные группы Западного Судана Смешанные группы Восточного Судана Мулаты Южноафриканские «цветные»
	Между европеоидной и австралоидной расами	Южноиндийская раса
	Между азиатской ветвью монголоидов и австралоидной	Южноазиатская (малайская) раса Японцы Восточноиндонезийская группа
Другие смешанные расовые формы	Малагасийцы Полинезийцы и микронезийцы Гавайцы и питкэрнцы	

Однако расу не следует рассматривать как статичное явление; ее формирование – процесс безостановочный, глубокий, спонтанный. Между расами постоянно существуют контакты через переходные группы, которые способны сливаться с одной из них, приобретать новые черты, сочетать признаки разных рас.

Данные палеонтопологии свидетельствуют, что формирование основных рас имело место у людей современного вида (*Homo sapiens*) в конце древнего каменного века (палеолита), за 40–16 тысяч лет до нашего времени. С первоначальным расселением людей по поверхности Земли стали преобладать процессы межрасовой метисации, которые продолжались с нарастающей интенсивностью во все последующие эпохи. Вот почему ареалы распределения расовых признаков совпадают только частично и всегда в известной мере перекрывают друг друга, образуя зоны с многочисленными контактными группами или смешанными расами (см. табл. 8).

В настоящее время общая численность популяций, переходных между экваториальными и европеоидными расами, составляет примерно 356,6 млн. человек, из них на долю южноиндийской (дравидской) группы приходится 220,4 млн., а на долю восточноафриканской (эфиопской) – 45 млн. человек. Г. Дебец с последней группой сближал также переходные формы Западного Судана, характерные для народов Фульбе (13 млн.), в формировании которых могли играть роль как сохранение древних промежуточных типов, так и более позднее смешение между негроидами и южными европеоидами [33].

В VII–VIII веках нашей эры в результате арабского завоевания и распространения ислама в глубь Африки проникло много арабов, где образовались новые смешанные формы Судана. Этих негроидно-европеоидных метисов насчитывается в настоящее время около 10 миллионов. В XVI–XVII веках началось смешение между африканцами и европейцами в Америке, результатом которого было образование большой промежуточной группы мулатов (65,9 млн. человек), расселенных главным образом в Бразилии, Гайяне, Венесуэле, Колумбии, в республиках Центральной Америки, на островах Карибского моря и в южных штатах США. К смешанным негроидно-европеоидным относятся цветные популяции Южной Африки – потомки от связей европейских (главным образом голландских) колонистов с готтентотками и негритянками (2,3 млн.).

Смешанные и переходные формы между европеоидными и азиатскими монголоидами насчитывают 44,8 млн. человек. Сюда относятся такие группы, как южно-сибирская (8,5 млн.), проживающая на юге Сибири, в Казахстане и соседних районах Монголии и Китая, а также уральская или уралолопоноидная (13,1 млн.), включающая в себя многие народы Западной Сибири и Северо-Восточной Европы. К той же категории промежуточных европеоидно-монголоидных популяций Г. Дебец причисляет метисное русско-аборигенное население Сибири (около 10 тыс.), а также смешанные группы узбеков, туркменов, уйгуров и других народов Средней и Центральной Азии, которые географически и морфологически связывают южно-сибирскую группу с индопамирской (23 млн.).

Ареной интенсивного смешения групп европеоидов с американскими монголоидами стала с XVI века Америка, особенно Средняя и Южная. Общая численность американских метисов достигает 120,2 миллиона человек. В некоторых странах Латинской Америки, например, в Мексике или Парагвае, к метисам принадлежит большинство населения. Крупные группы метисов имеются и в других странах Латинской Америки: Венесуэле, Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили, Боливии, Гайяне, Бразилии. В некоторых из перечисленных стран в смешении принимают участие не

только потомки переселенцев из Европы и индейцев, но также американцы африканского происхождения и иммигранты нового времени из Южной и Юго-Восточной Азии. Границы между «белыми», индейцами, неграми, метисами и мулатами постепенно стираются.

Численность всех переходных монголоидно-экваториальных рас составляет в настоящее время 674,14 миллиона человек. Сюда относится южно-азиатская контактная группа, связывающая восточных монголоидов с австралоидами (550,4 млн. человек) на юго-востоке Азии, включая Китай; восточно-индонезийский тип населения Молуккских и Малых Зондских островов, частично о. Сулавеси со следами смешений с папуасами (4,04 млн.), а также занимающие промежуточное положение между восточными и южными монголоидами японцы (111 млн.).

Другая контактная монголоидно-экваториальная группа – полинезийская (включая в себя также микронезийцев) – насчитывает 1 миллион человек. В Океании особое место занимает население Гавайских островов и о. Питкэрн, в формировании которого, кроме полинезийцев, приняли участие и европейцы, а на Гавайях – также выходцы из США, Японии, Китая, Филиппин и других стран Восточной Азии. Еще одна метисная популяция сложилась на Мадагаскаре, куда в первом тысячелетии до н.э. переселились из Индонезии различные южно-азиатские группы, в дальнейшем смешавшиеся с негроидами африканского происхождения.

На территории бывшего СССР в составе больших рас выделяются несколько малых, которые иногда называют этногенетическими типами (их насчитывается десять), указывающими на генетическое родство между народами.

В рамках большой европеоидной расы выделяются:

- восточно-европейский расовый тип, который объединяет восточнославянские, западно-финские и летто-литовские народы, коми (в языковом отношении входящие в пермскую группу восточно-финских народов), а также молдаване;
- поволжский тип, охватывающий восточно-финские и тюркские народы Поволжья, имеющий небольшую, но заметную монголоидную примесь;
- северокавказский тип, к которому принадлежат все народы Северного Кавказа от Дагестана до Абхазии, говорящие на языках разных семей;
- закавказский тип, включающий в себя все народы Закавказья: армян, грузин, азербайджанцев, татов, талышей и т.д.;
- среднеазиатский южный тип включает в себя таджиков, туркмен и народы Памира.

К большой монголоидной расе относятся:

- западносибирский тип, который объединяет все самодийские народы, угров Западной Сибири (ханты и манси), а также кетов, тюркские народы Северного Алтая и частично Хакасии. Центральное-азиатский тип, охватывающий южных алтайцев, некоторые группы хакасов, тувинцев, бурят, якутов, калмыков;
- сибирско-амурский этногенетический тип, объединяющий все тунгусо-манчжурские народы, а также юкагиров;
- чукотско-камчатско-сахалинский этногенетический тип, включающий в себя носителей алеутско-эскимосских и чукотско-камчатских языков;

- среднеазиатский северный этногенетический тип, представленный киргизами, казахами, узбеками и частично сибирскими татарами, включает в себя смешанные европеоидно-монголоидные антропологические формы.

Сочетание разных расовых признаков в большинстве случаев имеет не только генетический, но и исторически сложившийся характер.

Едва ли не самыми важными расовыми признаками выступают оволосение головы и степень развития волосяного покрова. Столь же важна пигментация, обусловленная содержанием пигмента меланина, залегающего в кожи. Наличие меланина в соответствующих структурах определяет и цвет глаз. Географические вариации пигментации различаются в зависимости от территориальной локализации групп – все это естественные, природно-биологические феномены, подверженные, как и все в природе, непрерывным изменениям.

К числу расовых признаков относятся также размеры тела и его частей. Средняя длина тела (рост) для всего человечества определена как 165 см для мужчин и 154 см для женщин. Территориальные вариации роста очень велики: достаточно сравнить длину тела пигмеев (141 см для взрослых мужчин) и африканцев озера Чад (182 см). Наиболее высокорослы многие группы африканцев верховьев Нила, черногорцы, шотландцы, шведы, норвежцы, полинезийцы с Маркизских островов. Самые низкорослые – южноафриканские бушмены, группы на Андаманских островах, Филиппинах, на Новой Гвинее.

Таким образом, крайне низкорослые и крайне высокорослые группы встречаются в разных частях света; рост может сочетаться с очень разнообразными комбинациями других расовых признаков. Подобным образом «разбросаны» по планете признаки массы тела (веса), пропорций его частей.

Большое значение для выделения рас имеют различные признаки строения черепа и лица. Для этого используют «головной указатель» – отношение максимальной ширины мозговой коробки к ее максимальной длине у живого человека (аналог черепного указателя). Географическая изменчивость головного указателя очень велика: самые значительные средние величины этого индекса встречаются не только у народов различных континентов и стран, но и в разных местных группах одного этноса. Долихоцефалия (длинноголовость) преобладает среди коренного населения Австралии, Меланезии, Индии, Африки, широко распространена в Средиземноморье и Скандинавии, наблюдается и в Америке – от Крайнего Севера России до Огненной Земли.

Брахицефалия (короткоголовость) характерна для народов разных стран, проживающих в Центральной, Юго-Восточной и Передней Азии, на Кавказе, на Балканском полуострове, в Альпах, Пиренеях, в районах Северной и Южной Америки. Широкий разброс по континентам отмечается и по признаку мезоцефалии (среднеголовость). Причем, все эти типы могут быть зафиксированы одновременно в одном регионе.

Много важных расовых признаков определяется различиями в области горизонтальной профилировки лица, разреза глаз, складки верхнего века, строения носа. Так, для последнего введена рубрикация: относительная узконосость (лепториния), средненосость (мезориния), широконосость (хамэриния). Лепториния характерна для большинства африканцев к югу от Сахары, для групп Юго-Восточной Азии,

меланезийцев, папуасов, австралийцев, некоторых групп южноамериканских индейцев. Большинство народов Центральной, Восточной и Северной Азии, а также Северной Америки по величине носового индекса занимает среднее положение. Из описательных расовых признаков выделяют высоту переносицы, форму спинки носа и носовых отверстий, положение основания и кончика носа.

Для определения принадлежности к определенной расе имеют значение также многие признаки ротовой области.

Кроме расовых признаков, у человека существуют и другие ареальные морфологические и физиологические особенности, многие из которых строго наследственны и вместе с тем почти не зависимы от природных и социально-бытовых условий жизни. Признаки эти не изменяются с возрастом, сохраняясь на всю жизнь.

К ним относятся многие свойства крови. Как показали в начале XX века К. Ландштейнер и Я. Янский, у человека встречаются четыре различные группы крови, определить которые можно, наблюдая явление агглютинации эритроцитов при смешивании их с сывороткой крови (Бочков Н.П. Клиническая генетика, 2002) [17].

К настоящему времени достаточно хорошо изучены гены факторов крови: факторы групп крови – АВ0, резус-фактор Rh, фактор MN факторы гистосовместимости HLA и др.

Анализ географических вариаций распределения генов факторов групп крови системы АВ0 показывает, что у большинства народов Азии, Африки и Европы встречаются все четыре группы крови I, II, III и IV и определяющие их три основных гена. Однако у европейских народов частота гена А обычно заметно выше, чем гена В. Причем, по мере эволюционного движения народов на восток концентрация гена В в крови постепенно увеличивается; она достигает максимума на Севере Западной, Средней, Центральной, Южной и Восточной Азии.

Не следует, однако, думать, что ген В свойственен преимущественно монголоидным расам, а ген А — европеоидным. Исследования показали, что у лопарей (саамов) Скандинавии и Кольского полуострова, а также у многих народов Северо-Восточной Сибири ген В встречается редко. В Африке географическое распределение групп крови очень пестро. На северо-западе (в Сахаре) и на востоке этого континента имеются районы пониженной концентрации гена В, а рядом с ними — области его высокой частоты (Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974) [75].

Очень интересны данные о группах крови коренного населения Америки и Австралии. У американских индейцев абсолютно преобладает I (0) группа крови; появление у индейцев других групп обычно указывает на метисацию с европеоидами или негроидами. По-видимому, Америка была первоначально заселена из Северо-Восточной Азии человеческими коллективами с высокой концентрацией I (0) группы крови. Известно, что у многих популяций эскимосов и антропологически близких к ним чукчей крайнего северо-востока Сибири I группа крови также преобладает. У австралийцев отмечена значительная частота II (A) группы. Возможно, что Австралия была заселена из Юго-Восточной Азии древними племенами с высокой концентрацией гена А.

При этом группы крови системы АВ0 не являются единственными особенностями крови, имеющими наследственный характер и в то же время обнаруживающими ясные географические вариации. В последние годы выявлены десятки генетических систем крови.

Таким образом, по факторам крови, как и по некоторым другим признакам, человечество довольно ясно распадается на две половины: восточную, австралоидно-монголоидную, и западную — негроидно-европеидную.

Данное разделение человечества на восточную и западную группу подтверждают также наличие резус-фактора в крови человека, строение зубной системы (одонтология) и ее изменчивость во времени и пространстве, дерматоглифика (изучение кожных узоров на ладонных и подошвенных поверхностях у различных народов мира), наличие некоторых наследственных заболеваний (дальтонизм, или врожденное нарушение цветового зрения) и др.

Приведенные фактические материалы ясно показывают, что серологические, одонтологические, дерматологические и другие ареальные признаки так же малосущественны для общей биологической эволюции и исторического развития человечества, как и описанные выше расовые особенности волосяного покрова или пропорций тела, головы и лица. По всем анатомическим и физиологическим особенностям, характерным для современных людей, сходство между всеми расами огромно, а различия невелики и малосущественны и являются формальными для общего направления биологической эволюции, не определяющими тенденций развития человечества.

Такая второстепенность, незначительность для исторического развития расовых различий – неоспоримое, веское доказательство видового единства всех современных людей, общности происхождения рас, в том числе и наиболее различающихся друг от друга по внешним телесным признакам. Даже наиболее важные расовые особенности с четко выраженным географическим ареалом не могут рассматриваться в качестве исключительного достояния той или иной расы. Напротив, расовые признаки во многом служат показателями родства и взаимодействия народов, своего рода «метками», по которым можно проследить исторические судьбы этнических общностей во всей сложности их взаимовлияния и взаимообогащения.

Видовое единство человечества проявляется и доказывается многими феноменами и фактами. Так, все расы при смешении дают замечательно жизнеспособное и плодовитое потомство, ни в чем не уступающее родительским расам. Огромные области нашей планеты с глубокой древности были зонами расового смешения: это вся Азия, Западная Сибирь, Восточная Европа, Северная и Восточная Африка, Америка, Австралия. В Бразилии, например, треть населения – метисы между индейцами, европейцами и африканцами. Те же процессы идут в Мексике, на Карибах, в частности, на Кубе.

Расовые признаки, как и все наследственные особенности человека и других живых существ, зависят от генов. Прогресс генетики в конце XX – в начале XXI веков настолько существенен, что внес определенную ясность во многие, долгие годы считавшиеся неразрешимыми вопросы.

Особенно впечатляющи успехи в изучении генома человека, основывающиеся на достижениях молекулярной генетики в целом (Олескин А.В., 2007) [57]. Так, например, в результате реализации международного проекта «Геном человека» в последнюю декаду XX века была расшифрована нуклеотидная последовательность генома человека. Оказалось, что в состав этого генома входит около 3 миллиардов нуклеотидных последовательностей. Причем, разница между двумя произвольно взятыми человеческими

индивидами соответствует примерно 0,1%. То есть, говоря иным языком, гомология в 6-миллиардной человеческом сообществе в отношении генетической информации составляет 99,9%. Нуклеотиды, детерминирующие индивидуальную вариабельность, составляют порядка 3 миллионов. Этой величины достаточно, чтобы обеспечить постоянно происходящие в человеческой популяции точковые мутации, то есть замен единичных нуклеотидов.

Надо подчеркнуть, что вариабельность генома дала стимул к возникновению такого научного направления, как этногеномика. Дело в том, что, кроме индивидуальной вариабельности, имеются также и групповые признаки, характерные для конкретного этноса. Уже появился ряд исследований, в которых по этим групповым признакам отличают европейские расы от монголоидной. Очень квалифицированные масштабные исследования проведены и в России [16, 53, 105], в которых изучен генофонд народов Восточно-Европейского региона на основе анализа геномного разнообразия и геномного полиморфизма. Особое внимание уделено Волго-Уральскому генофонду, который на протяжении исторического развития испытал влияние европеоидов Запада, монголоидов Востока и иных этносов, сохранив при этом генетическое своеобразие.

Указанные факты, по сути дела, свидетельствуют о том, что благодаря прогрессу генетики на наших глазах создается мост между гуманитарными и естественно-научными дисциплинами. Международные организации улавливают эти современные тенденции, реагируя соответствующими документами. Так, ООН приняла 11 ноября 1997 года «Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека» [24]. В ней гуманитарные методы сочетаются с анализом выдающихся открытий в биологии и химии с целью выработки этических принципов, регулирующих взаимоотношения в мировом сообществе.

Классическая антропология накопила целый ряд подходов, в которых дано объяснение сложным процессам генеза этносов. Среди них имеется аспект изучения так называемых «малых популяций». Речь идет о группах, члены которых связаны не очень дальним родством; иначе говоря, происходят от одной сравнительно близкой группы предков. К популяциям такого рода принадлежат небольшие родоплеменные подразделения (там, где они сохранились), население окраинных территорий, отдаленных горных ущелий, а в густонаселенных странах – население деревень или небольших городов без значительного притока уроженцев других местностей.

Такие малые популяции, численность которых колеблется, по данным В.В. Бунака [19], от 1500 до 4000 человек, в новейшей антропологической литературе часто называют демами (греч. «демос» – «народ»). Демы отличаются от более крупных популяций, расселенных на больших территориях, малым процентом уроженцев других групп, вошедших в состав данной популяции (1–2%), высокой частотой внутригрупповых браков (80–90%), часто также незначительным приростом населения (около 20% за 25 лет). Если доля выходцев из других групп не превышает 1%, количество внутригрупповых браков больше 90%, а естественный прирост населения за 25 лет меньше 25%, то такие малые популяции антропологи называют изолятами (франц. «isolation» — разобщение, обособление); численность их обычно менее 1500 человек. Если члены демов и тем более изолятов на протяжении последних четырех поколений (примерно 100 лет) вступали в браки почти исключительно между собой, то почти все они в настоящее время являются

троюродными братьями и сестрами [19]. Понятно, что такого рода малые популяции будут наиболее однородными в расово-генетическом отношении.

Группами родственных демов, а в некоторых случаях отдельными демами и даже изолятами являются многие малые народы Крайнего Севера, численность которых не превышает 4 тысяч человек. К ним относятся саамы (лопари) Мурманской области; принадлежащие к самодийской группе нганасаны на севере Красноярского края; тюркоязычные тофалары Иркутской области; некоторые тунгусо-маньчжурские народы Советского Дальнего Востока — ульчи, удэгейцы, орочи и ороки Сахалина; нивхи, ительмены и юкагиры, а также азиатские эскимосы, алеуты Командорских островов и кеты бассейна Енисея. В качестве настоящих изолятов могут рассматриваться и некоторые горные народы Дагестана, населяющие одно или несколько соседних селений и до самого последнего времени бывшие почти эндогамными [26, 111].

В.В. Бунак приводит интересные данные о длине тела, цвете глаз, ширине и высоте лица и некоторых других расовых признаках четырех локальных групп так называемых «семейских» русских Забайкалья, изоляция которых долгое время поддерживалась тем, что они были староверами. Различия между этими группами (демами) по всем перечисленным признакам оказываются значительными и вполне достоверными: средний рост взрослых мужчин, например, варьирует у семейских русских от 164 до 168 см, а доля светлых глаз—от 49 до 66%.

Отдельными демами часто являются также островные малые популяции; ярким примером такой популяции могут служить эстонские рыбаки острова Кихну в Рижском заливе, обследованные Балтийской антропологической экспедицией в 1952 году. Почти по всем разграничительным расовым признакам они заметно отличаются от ближайших к ним материковых групп эстонцев Пярнуского района.

Подобные же более или менее изолированные демы описаны антропологами и в разных зарубежных странах: во Франции, в ФРГ и ГДР, Польше, Венгрии, США, а также во многих районах Африки, Индии, Индокитая и на островах Океании. Малые народы Индии (тода, кота, асуры, бирхоры и др.) также могут считаться отдельными демами (Бунак В.В., 1980) [19].

Изменчивость, присущая природе, проявляется в расах и продолжается в настоящее время. Имеют место направленные изменения расовых признаков во времени. Так, зафиксирован процесс грацилизации, в результате которого происходит – в переломные моменты истории – общее уменьшение массивности скелета, наклона лба, выраженности надбровья, высоты лица, рельефности носа и т.д. Периоды качественных переходов обычно связаны с новыми формами труда, например, переход от собирательства и охоты к земледелию, ремеслу в древности. В современности грацилизация усиливается под воздействием торгово-промышленной деятельности, роста интеллекта, культурного подъема, контактов с другими расами.

Значительно позднее грацилизации начался процесс брахицефализации, связанный как с укорочением, так и с расширением черепа. Хотя отдельные короткоголовые расовые типы возникли еще в мезолите и неолите, но наиболее быстрое возрастание головного указателя имело место в конце Средневековья (XIV–XVII века). Процесс этот можно проследить во многих странах Европы (Франция, Германия, Швейцария, Австрия, Чехия, Венгрия, Польша и др.), у русских, украинцев и белорусов, в Южной Сибири, на

Японских островах. Например, головной указатель восточнославянского населения современной Московской области в XII–XIV веках составлял в среднем 75–77, в то время как в наши дни он достигает 81–83 [33].

Напротив, почти не повысился с конца средних веков головной указатель на Британских островах, в Скандинавии, в Восточной Прибалтике (особенно в Латвии) и в некоторых других странах. В Швейцарии брахицефализация прекратилась два-три века тому назад и сменилась долихоцефализацией, то есть понижением головного указателя вследствие удлинения и сужения черепа.

Средневековое население Европы было на несколько сантиметров ниже современного. Так, для современных юношей оказались малы старинные рыцарские доспехи.

За последние сто лет средний рост многих народов (особенно в экономически развитых странах Европы и Америки, а также в Японии) постепенно увеличивался, хотя и в разной степени. Объясняется это не только повышением материального и культурного уровня жизни и крупными успехами медицины, но и смешением между популяциями различного генетического состава, внутри генов которых доминируют аллели высокорослости.

В нашей стране с 70–80-х годов XIX века до 1927 года рост мужского населения увеличился примерно на 1 см. В послевоенные годы увеличение длины тела ускорилось. Особенно сильное увеличение длины тела во всем мире, связанное с акселерацией, наблюдалось в последние десятилетия XX века.

Многие зарубежные и большинство отечественных ученых (Я. Ноиешкери, Т. Липтак, П. Боев, П. Влахович, Я.Я. Рогинский, В.И. Вернадский, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, В.П. Якимов, М.И. Урысон, А.Л. Зубов, Ю.Г. Рычков, В.М. Харитонов и др.) стоят на позициях моноцентризма – единого очага формирования людей современного вида.

Сапиентация, начавшаяся, вероятно, на рубеже среднего и позднего палеолита в Восточном Средиземноморье, распространилась далее на северо-запад в Европу, на юг Африки и на восток, в глубины Азиатского материка, вплоть до берегов Тихого океана.

Археологические материалы позволяют предполагать, что из западной Евразии в восточную вели две широкие дороги: одна через Среднюю Азию по территории современной Монголии, Северного Китая и Дальнего Востока, а другая – через Иран и Северную Индию в Индокитай и дальше на острова Индонезии, которые на протяжении почти всего палеолита были соединены с континентом мостами суши. В конце древнекаменного века как в западных, так и в восточных популяциях первобытного человечества началась дальнейшая расовая дифференциация, проходившая под влиянием естественного отбора мутантов, наиболее приспособленных к той или иной среде. В Африке, к югу от Сахары, сформировались темнокожие негроидные расы, а на востоке Азии, южнее Гималаев и гор Центрального Китая, складывались также интенсивно пигментированные австралоидные расы, заселившие еще в период позднего палеолита Австралию, а затем распространившиеся по островам Тихого океана вплоть до Курил и Гавайев, острова Пасхи, Новой Зеландии и Тасмании. Таким образом, западные (негроидные) и восточные (австралоидные) экваториальные расы сформировались,

вероятно, независимо друг от друга на разных территориях, но в весьма сходных естественно-географических условиях.

В период позднего палеолита и мезолита, с окончанием ледникового периода и улучшением климата, наши предки постепенно продвигаются на север. На западе в это время люди заселили всю Европу, на востоке освоили Сибирь и через перешеек, существовавший на месте Берингова пролива, проникли в Америку, заселение которой от Аляски и Гренландии до Огненной Земли растянулось на несколько тысячелетий и происходило, по всей вероятности, несколькими волнами. Отбор полезных мутантов, дрейф генов в небольших изолированных популяциях и миграция продолжали играть существенную роль в процессах расогенеза на протяжении всей дальнейшей истории человечества, хотя характер изменения все больше и больше зависел от социально-экономического и культурного развития, его темпов и конкретных особенностей у разных народов.

Современное человечество становится все более толерантным по отношению к другим расам, осознавая свое родовое единство с ними. Раса становится условностью, «чистой формой» для выражения единой сущности человека, то есть понятие расы расплывается.

В «Декларации о расе и расовых предрассудках» (ЮНЕСКО, 1978) подчеркивается, что «все современные люди относятся к одному виду и происходят от одного общего корня» [34] Всякие попытки относить различия в культурных достижениях народов за счет различий в их наследственных свойствах – это расизм, который развращает, разделяет, усиливает напряженность и угрожает миру и стабильности.

В естественно-природном процессе исследования конкретных человеческих общностей ясно показывают, что отдельные ареальные морфологические и физиологические признаки, как и их исторически сложившиеся сочетания – расы, никогда не остаются постоянными. Они изменяются под воздействием, как уже отмечалось, различных и очень сложных факторов: отбора наиболее благоприятных мутантов, дрейфа генов в небольших изолированных популяциях и связанных с ним генетических процессов, миграций, которые неизбежно приводят к межрасовой метисации. Если же учесть, что изоляция людей никогда не была полной, всегда сочеталась с той или иной степенью метисации с соседними группами населения, то становится очевидным, в силу чего процесс расообразования никогда не доходил до конца, а человеческие расы, в отличие от разновидностей растений и животных, не превращались в отдельные виды.

За последние 400–500 лет миграционные процессы настолько усилились, что почти повсеместно привели к стиранию границ между расовыми ареалами, к их разрыву, а нередко и к полному исчезновению. Вряд ли возможно в наши дни провести точное разграничение между ареалами больших рас в Северной и Восточной Африке, в Южной Азии или в Америке.

Выводы из всего вышеупомянутого следующие. В расах нет этничности. Все люди одного биологического вида. Раса – серьезная и емкая категория, живое свидетельство всеединства людей, несмотря на внешние различия. И все расы обладают равными биологическими возможностями для достижения высшего уровня цивилизации.

Апологеты же нации неудачно избрали ее индикатором именно расу, в то время как она, с уверенностью можно сказать, – скорее является еще одним интегратором, ведущим людей к новому, осознанно единому мировому сообществу.

5.4. Биополитика: место и значение в современном мире

В век глобализации, нарастания экологических проблем, повышения роли биологических знаний такое своеобразное направление, как биополитика. Биология в силу различных обстоятельств стала не только ареной многочисленных научно-технических достижений, но и приобрела социально-политическое и гносеологическое, мировоззренческое значение. Человек сосредоточил в себе биологические, социокультурные и духовные начала. По-видимому, не случайно в начале XX века возникло учение В.И. Вернадского о ноосфере, которое постепенно находит все большее число сторонников и реализуется в таких научно-практических направлениях, как современная биополитика.

В узком смысле предметом биополитики является отношение совокупности знаний о живом применительно к социально-политическим проблемам.

Развитие человечества подошло к такому этапу, когда оно должно решить задачу, совершенствуясь, сохранения здоровья всей популяции и при этом сохранить экологическое равновесие в планетарном масштабе. На эту кардинальную цель ориентируются старые и новые науки, связанные с глобальными проблемами. Последние в равной мере могут решаться как гуманитарными, так и естественными и техническими областями знания.

Укрепляющая свои позиции биополитика соединяет, казалось бы, несоединимые понятия и прямо указывает на возможность решения проблем, связанных с нынешним состоянием человечества, в комплексе природных и социокультурных условий его существования. Конечно, в этой сфере только начался процесс становления, и она пока еще не стала для политической жизни обыденной реальностью.

Однако государственная и мировая политика постепенно включает в свои функции регулирование всех социальных действий, имеющих влияние на качество жизни, обеспечение сохранения прав личности перед лицом техногенной или биологической угрозы. Жизнь заявляет о себе и вносит коррективы во все науки. Появление биоэтики, различных концепций уважения к жизни – свидетельство социальной необходимости развития интегративных идей.

Хотелось бы остановиться на некоторых аспектах биополитики. Она преимущественно останавливается на человеке, тем самым вырабатывая принцип антропоцентризма в рассмотрении проблем. При этом приоритетными областями исследования становятся экологические изменения, изменения в биологической природе человека (рост числа новых нозологических форм, стресс, гиподинамия и т.д.), интеллектуальные и технологические успехи, которые позволяют человечеству активно изменять собственную природу (расшифровка генома человека, клонирование, виртуальное моделирование природных процессов, синтез новых соединений с заданными свойствами, методы модификации поведения человека и др.).

Ученые и философы античности (Платон, Аристотель), Нового Времени (Декарт, Кант), а также основатели экзистенциализма, философы-антропологи неизменно

связывали понятие «жизнь» со всем многообразием ее проявлений на земле. Особый вклад в понимание данной проблемы внесли русские космисты (Н.Ф. Федоров, Вл.С. Соловьев, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Н.Г. Холодный, Н.А. Умов и др.). Они взглянули на человечество как на космическую панораму жизни, связанную бесчисленными нитями с биологической энергетикой Земли и эманациями энергии Вселенной. Формирующаяся эпоха ноосферы позволит людям силой своего разума, воли и духа повернуть науку и политику лицом к человечеству, сделать главным содержанием их деятельности заботу о здоровье людей, о жизни на Земле.

Экологическая проблема нередко рассматривается специалистами в области биополитики лишь в антропоцентрическом смысле. Однако большинство исследователей ее предмет рассматривает гораздо шире, во всем разнообразии (Олескин А.В., 2007) [57].

Следовательно, биополитика ставит своими задачами такие интегративные цели, которые отвечают необходимости сохранения вообще жизни на Земле, улучшению ее качества для человека, укреплению его здоровья и способности к самосовершенствованию.

Как это согласуется с современными интеграционными процессами в мире, с концепцией всеединства человечества? Если политика в обычном понимании есть деятельность, связанная с отношениями социальных групп, то биополитика в ее регулятивной деятельности не ограничивается одним только социумом и выходит в пространство природы. Поскольку природные связи универсальны, то локальные проблемы неизменно сказываются на состоянии, в частности экологическом, других регионов. У Земли – единая атмосфера, единый мировой океан, единое живое вещество, единое человечество.

Одним из направлений биополитики и часто основным предметом ее исследования является качество жизни как важнейшее понятие, фиксирующее интегральные характеристики человеческого существования. Теоретическая разработка понятия «качество жизни» призвана способствовать решению ряда экологических, медицинских, социальных, духовно-нравственных, эстетических проблем, выступая одновременно в качестве критерия. Контроль над качеством жизни можно рассматривать как одну из задач всей гуманитарной науки, решение которой поможет человеку выстроить правильную самооценку, степень удовлетворенности жизнью, упрочить свой социальный статус и самоидентифицироваться с единым человечеством.

Особое значение для современности имеет тот факт, что объект, предмет, цели, смысл, все содержание биополитики – вненациональны, внерасовы; они работают на общечеловеческой основе, способствуя интеграционным, глобальным процессам.

5.5. Территория и этносы

Территория единого проживания, расселения расы сама по себе не приводит к образованию нации. В результате многочисленных миграций населения, завоеваний и других процессов эта территория неоднократно сдвигалась, как и менялись границы государств. Место, с которого начинается отсчет этнической территории, достаточно условное. Углубление в историю не только не приносит разрешения проблем, но, наоборот, делает их более запутанными и субъективными, так как в каждом народе

десятки, если не сотни этнических пластов. Кроме того, народы, вследствие различных причин перемещающиеся по территории Земли, иногда обретают новую родину далеко от своих истоков.

И, конечно же, нельзя забывать о том, что наиболее мощные конфликтогенные ситуации создаются именно в те периоды истории, когда реализуются массовые попытки этносов к перекраиванию границ занимаемых ими территорий, что выливается в организуемые их вождями завоевательные походы.

Если в этом контексте рассматривать тысячелетнюю историю Руси–России–СССР, то можно отметить многочисленные, в том числе и удававшиеся в ограниченном периоде, намерения агрессоров к отторжению от русской земли тех или иных территорий, вплоть до лишения ее независимости. Но здесь надо подчеркнуть, что до XX века все временно захваченные российские провинции рано или поздно возвращались в ее состав, а сама территория государства постоянно расширялась. Особенно это касалось ее южных и восточных рубежей, что было связано с освоением Российской империей Закавказья, Кавказа, Сибири и Крайнего Севера, а также Аляски.

Разумеется, в новых русских колониях все это время разные этносы, проживающие на одной территории и вливающиеся в нее, претерпевали процессы этногенеза, в том числе процессы ассимиляции русскими туземцев и наоборот. Как уже говорилось, русские стремились к мирному течению всех этих процессов и потому достаточно быстро достигали расширения территории своей империи. Более того, если территория в дальнейшем была потеряна царской Россией, ассимилированные этносы всеми путями стремились или остаться на «русифицированной» территории, или же вернуться в Россию.

Общеизвестен пример с продажей Аляски США. Он лишний раз подтверждает, что территориальные потери – военные или мирные – всегда несут за собой проблемы разобщенного народа, и не могут являться для государства фактором положительным.

Тем не менее царская Россия, как правило, всегда рассчитывала на возврат своих прежних территорий, и границы ее, при всех окраинных изменениях, в целом все-таки неуклонно расширялись – до XX века.

В XX же веке все кардинально изменилось, и наша страна после прихода к ней власти большевиков не смогла вернуть себе значительной части своих территорий. Причем, в начале первой половины столетия, известной своими тяжелыми для России потрясениями (несколько революций, первая мировая и гражданская войны), она также потеряла множество своих владений. В связи с приходом к власти коммунистического режима некоторые из них (это в особенности касается республик Союза) пришлось возвращать в состав России насильственно или «добровольно-принудительно», что также было связано с человеческими потерями, часто неучтенными официально. Часть территорий Российской империи Советской России не удалось вернуть никогда: это – Финляндия, Царство Польское, Карская область и «Желтороссия» (Манчжурия с Харбином и Порт-Артуром).

В 1939–1945 г. г. сталинскому режиму вновь удалось включить в состав России (по большому счету «благодаря» известному теперь пакту Молотова – Риббентропа и многочисленным репрессиям относительно инакомыслящих) часть утерянных прежде земель на западных рубежах (присоединение Западной Украины, Малороссии, Прибалтийских республик и др.).

Однако в конце века, в связи с развалом СССР, от России были отделены союзные республики. Это послужило импульсом к образованию внутри многих из них целого ряда этнически «пострадавших» территорий со стойкими очагами конфликтогенных ситуаций (Карабах, Крым, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и др.), до сих пор продолжающих пополнять список человеческих потерь, страданий и неустроенностей.

И сегодня на одной и той же территории российского государства проживают формировавшиеся здесь же 176 народов. А если рассматривать вопрос этнических корней русских, то они связаны с разными континентами, географическими, климатическими и временными поясами: Балканы, Прибалтика, Восточная Европа, Сибирь, Алтай, Кавказ, Причерноморье, Поволжье, Приуралье, Аравия, Малая и Средняя Азия, Северная Африка.

Исходя из территориального принципа, получается, что русские также могут претендовать на Константинополь (соответственно принятию государственной религии), Альпы (благодаря завоеваниям Суворова), Париж (поскольку туда в свое время пришли русская армия – победительница Наполеона), и, разумеется, на Аляску (по совсем уж известной причине) и т.д. Более того, русские расселены реально по всему миру.

Масса подобных примеров есть и по расселению дагестанцев в мире и по множеству любых других народов.

Однако при этом надо иметь в виду, что этническая территория не всегда совпадает с государственной границей. В Азии, Америке, Европе и Океании много районов, где государственные границы пересекают и отделяют этническую территорию, что способствует сохранению острых межнациональных проблем (яркий пример – этническая территория курдов, входящая в пределы четырех государств).

Евреи почти две тысячи лет прожили за пределами своей этнической родины Палестины, откуда их в I веке н.э. выселил после восстания римский император Тит Веспасиан. Однако они не перестали быть евреями и вне Палестины.

Нередко большая часть этноса проживает за пределами территории или государства, одноименного с этим этносом.

И уж тем более стоит привести другой характерный пример независимости чисто территориального признака от понятия нации: местность, называемая сегодня Армянским нагорьем, находится в Турции, и доля проживающих там армян очень невелика.

Таким образом, территория – это всего лишь ареал проживания населения, пространство освоения, а никак не признак нации.

Социальное же пространство этноса – не только его собственное, историческое и современное место массового проживания, но и вся планета, где человеческое сообщество существует как исторически меняющаяся социальная система.

5.6. Язык и нация

Язык – важнейшее средство человеческого общения. Язык как речь неразрывно связан с мышлением, хранением и передачей информации, с управлением человеческим поведением. Язык – ровесник сознания и человеческих сообществ, поскольку он есть средство коммуникации. Люди – среда для языка, язык – среда для людей, где они думают и творят, чувствуют и планируют, ссорятся и молятся. Язык есть одновременно и действие и предмет, ибо языковые знаки представляют собой материализованную,

вещественную форму коммуникативного пространства как отдельной социальной группы, так и целостной системы общества.

Как любая другая социальная среда репрезентирует язык и, наоборот, языковая среда служит фоном для проявления личности.

Для любого человеческого сообщества на всем протяжении его истории, вплоть до постиндустриального общества, язык был интегратором, основным средством коммуникации внутри социума, но в то же время – различительным признаком, дезинтегратором по отношению к другим объединениям. Возникновение языка (как бы далеко ни отодвигала наука и как бы ни растягивала во времени этот процесс) могло осуществляться только в результате потребности в коммуникации, потребности, все более властно дававшей знать о себе по мере долгого и трудного превращения *Homo habilis* (человек умелый) в *Homo sapiens* (человек разумный). Обслуживая деятельность человека, язык удовлетворяли удовлетворяет его социальные потребности в общении, обмене информацией, взаимообогащении во всех сферах жизнедеятельности.

Если принять гипотезу о едином центре происхождения человечества, то в самом начале своей истории оно было однородно в расовом, этническом, языковом аспектах. Слово – логос – это закон, управляющий вселенной, – так мыслили древние духовные учителя и философы. Под логосом подразумевали целый комплекс понятий: «разум, слово, смысл, истина, деяние одновременно; Слово выражает единство». Люди были едины в языке, утверждает Библия. «На всей земле был один язык» (Бытие, 11:1) [20]. Это же утверждают в своих исследованиях А. Тромбети, М. Мюллер, О. Йеспersen, С. Толстов и др.

Языковое единство, по библейской аллегории, было разрушено Богом, когда люди слишком возомнили о себе, возгордились и задумали уподобиться небожителям, приступив к строительству Вавилонской башни. Можно себе представить, сколько невидимых башен человеческого самомнения, выстроенных за всю историю цивилизаций, было разрушено и продолжает рушиться, одновременно отдаляя людей друг от друга. Но остается прежней истина: «Смерть и жизнь – во власти языка» (Книга притчей Соломоновых, 18, 22) [45]. И это сказано не по бытовому поводу, а с глубоким смыслом: хотите выжить – объединяйтесь до такого уровня, когда сможете вновь обрести единый язык.

Характерно, что современные языки утратили существовавшее некогда вербальное выражение единства социума и языка, слитого в одном понятии (например, в латинском, староанглийском, древнерусском и др.). Древнерусское слово «язык» означало и речь, и народ. Скрытая традиция их отождествления прослеживается в лингвистической классификации, которая дает наиболее конкретное представление об общих истоках происхождения человеческого рода.

Языковая панорама современного мира отличается богатством и сложностью, в зависимости от принятых критериев, в мире выделяют приблизительно 5–7 тысяч языков.

Возникновение языков обусловлено социальной потребностью к сотрудничеству, сосуществованию, к совыживанию, к сотворчеству, ограниченными рамками своей земли, своей государственной территории. Сегодня социальная потребность ориентирована на выход за пределы национальных территорий, границ, связей, контактов.

Язык – это феномен, изменяющийся во времени. Нет ни одного чистого языка, за редким исключением, нет народов, говорящих на одном языке. И границы распространения любого языка никогда не совпадали ни с национальной территорией, ни с государственными границами.

Так, приблизительно до XVI века норманнское наречие французского языка было официальным языком правящего слоя Англии. В некоторых церемониях оно осталось официальным и сейчас.

Сегодня есть страны, где существует 900 языков, и отдельные города с 300 наречиями (Лондон).

Языки эти очень различны по числу говорящих. Например, на югском языке в азиатской части России и на языках ёба и бина в Папуа - Новой Гвинее некоторое время назад говорили по два человека преклонного возраста, а сейчас, возможно, эти языки и совсем вымерли. В Новой Гвинее, Меланезии, Хальмахере и Тиморе на папуасских языках (которых, по разным оценкам от 300 до 700) говорят 3 миллиона папуасов. 220 языков мира насчитывали в 1998 году более 1 миллиона носителей каждый, а на 12 самых распространенных языках говорили более чем по 100 миллионов человек (включая двуязычных). Это: один из китайских языков – гуаньхуа (1052 млн.), английский (508 млн.), хинди (487 млн.), испанский (417 млн.), русский (277 млн.), арабский (246 млн.), бенгальский (211 млн.), португальский (191 млн.), малайско-индонезийский (177 млн.), немецкий (128 млн.), французский (128 млн.), японский (126 млн.).

Многие языки распространились далеко за пределы территории своего происхождения. Так, например, еще в XVIII – первой половине XIX веков численность людей в мире, говорящих на китайском языке, выросла в 3,8 раза, на английском – в 32,1 раза, на русском, украинском, белорусском – в 10,9 раза, на испанском – в 16,4 раза, хинди с урду – в 4,4 раза, на японском – в 2,7 раза, на немецком – в 5,7 раза, на арабском – в 5,2 раза, на французском – в 2,8 раза. Некоторые этносы за историю развития поменяли язык и неоднократно.

Английский язык есть смесь языков двух завоевателей – датских и норманнских. Язык же коренного населения Англии исчез почти бесследно.

Реальная языковая ситуация в современном обществе характеризуется как интерференция. Это либо смешение двух языков (родного и неродного), либо разных коммуникативных кодов (официального и неофициального, литературного и жаргонного) в рамках одного языка. В многоязычных странах (Россия, США, Канада, Швейцария и др.) значительная часть населения владеет двумя (и более) языками как практическим средством общения.

На английском языке говорят не только сами англичане, но и другие народы в разных частях света: американцы (180 млн.), англо-канадцы (11,25 млн.), шотландцы (5,8 млн.), ольстерцы (1,06 млн.), англо-австралийцы (12,2 млн.), англо-новозеландцы (2,5 млн.) и др. Всего английский язык считают родным свыше 380 млн., из которых на Европу, где сложился этот язык, приходится 17%. Подобно этому, испанский язык является родным для самих испанцев (29 млн.) и для большинства народов Центральной и Южной Америки, включая кубинцев (10,5 млн.), мексиканцев (67 млн.), колумбийцев (27,8 млн.), аргентинцев (23 млн.), венесуэльцев (12,6 млн.), чилийцев (10,5 млн.), перуанцев (8,25 млн.) и др. Всего испанским языком пользуются около 240 млн. человек, из них в Европе –

менее 12%. Немецкий язык, на котором говорят свыше 100 млн. человек, является родным не только для немцев (84,5 млн.), но и для австрийцев (8,8 млн.), германо-швейцарцев (4,25 млн.), эльзасцев (1,4 млн.), люксембуржцев (300 тыс.).

На французском языке, кроме французов (45,8 млн.), общаются франко-швейцарцы (1,15 млн.), валлоны Бельгии (4,2 млн.), а также франко-канадцы (8,1 млн.). Для народов Гаити (5,4 млн.), некоторых небольших народов Малых Антильских островов, Кюрасао и Гайаны французский язык считается государственным языком, но знает его небольшая часть населения, а в быту на острове Кюрасао используют папьяменто – своеобразный жаргон, включающий элементы испанского, португальского, голландского и некоторых других языков.

В Юго-Западной Азии и Северной Африке издавна распространен арабский язык. На нем говорят арабские народы (свыше 142 млн.). Наиболее многочисленные из них: арабы Египта (египтяне) – 42 млн., арабы Алжира (алжирцы) – 16,8 млн., арабы Марокко (марокканцы) – 15,5 млн., арабы Ирака (иракцы) – 10,05 млн., арабы Судана (суданцы) – 10,5 млн., арабы Сирии (сирийцы) – 7,8 млн., арабы Туниса (тунисцы) – 6,5 млн., арабы Саудовской Аравии – 8,1 млн., и др.

Есть отдельные этносы и этнические группы, для которых характерно трехязычие (парагвайцы, люксембуржцы и др.); а также, этносы, одна часть которых говорит на одном языке, а другая – на другом, хотя следует тут же отметить, что в этих случаях всегда бывает и третья часть, знающая оба языка (бретонцы, ненцы, эскимосы и др.). Особо следует отметить случаи, когда разные части этноса владеют близкородственными и сходными между собой, но все же различающимися языками: мордва, марийцы и др. И, наконец, весьма часто этнос, который обладает определенным этнически специфичным языком, образует малые обособленные группы, живущие в инонациональном окружении и перешедшие на язык этого окружения, однако стойко сохраняющие свое этническое самосознание (армяне в Грузии, татары в Польше, немцы в России и многие другие).

Таким образом, на Земном шаре существует множество языков, которые являются родными не для одного народа, но для нескольких. Границы расселения отдельных народов и распределения языков далеко не всегда совпадают. Вот почему язык не может, не должен и не считается характерным признаком «этноса».

Что касается лингвистической классификации языков, то она не только систематизирует их, но и позволяет отследить родство между – как генетическое, так и приобретенное. В данном случае используются различные таксоны (основные разряды): говор, диалект, язык, группа родственных языков, языковая семья. Последняя складывается в процессе развития из языка-основы. На сегодняшний день существует несколько десятков языковых семей, которые, в свою очередь, делятся на группы и подгруппы. При этом из всех языковых семей 12 охватывает около 96% языков мира. В свою очередь, каждая из семей подразделяется на подсемьи (ветви), группы, подгруппы. Некоторые языки считаются изолированными (по крайней мере, их «родственники» еще не установлены). Вместе с ними количество языковых семей увеличивается до полусотни. Языковые семьи связаны общим происхождением, которое лингвисты устанавливают путем сравнительного анализа словарного запаса и грамматики отдельных языков.

Крупнейшая в мире этнолингвистическая семья – индоевропейская, исторический ареал расселения которой – Евразия. Фактически же в результате миграционных процессов

и, прежде всего, колониальной экспансии европейцев народы этой лингвистической семьи проживают на всех континентах. Общая численность этой семьи превышает 2 миллиарда человек. Следующая по численности этнолингвистическая семья – сино (китайско)-тибетская (свыше 1 млрд. человек). Третья по численности этнолингвистическая семья – семито-хамитская, которую иногда по аналогии с индоевропейской, называю афразийской, тем самым обозначая основной ареал расселения народов этой семьи (примыкающие друг к другу территории Северной Африки и Передней Азии).

В СССР было представлено 10 языковых семей, включающих в себя 162 языка. В России 7 языковых семей. Кроме того, шесть языковых семей представлены единичными этносами: юкагиры, нивхи, кеты, японцы, айны, корейцы (табл. 9). Среди заметных этнических групп, не вошедших в таблицу, следует отметить китайцев и евреев.

По данным переписи 1989 года, 14 миллионов представителей нерусских народов России назвали русский язык своим родным языком. 82 процента населения свободно владеют русским языком.

Таблица 9

**Лингвистическая классификация народов России
(по материалам переписи 1989 года)**

Основные языковые семьи и их группы						
Индоевропейская семья 83%	Уральская семья 2%	Алтайская семья 12%	Кавказская семья 2%	Чукотско-камчатская семья	Эскимоско-алеутская семья	Китайско-тибетская семья
славянская	финская	тюркская	картвельская	этноты:	алеуты	китайцы
балтийская	угорская	подгруппы:	адыго-абхазская	чукчи коряки	эскимосы	дунгане
германская	самодийская	булгарская огузская	нахская	ительмны		
романская	кыпчакская	дагестанская				
греческая	карлукская	тюркоязычная				
иранская	уйгурская					
армянская	монгольская					

индий-ская	тунгусо-маньчжурская

Отечественные ученые выдвинули евразийскую концепцию макросемьи, что еще более приближает человеческое сообщество к единству через язык. Существует, согласно этой концепции, 7 макросемей:

1) ностратическая (от лат. «nostra» – «наша»). Термин ввел финский ученый Х. Пендерсен, который в 1903 году выдвинул гипотезу о наличии отдаленного родства между обширной группой языков, распространенных в Европе, Северной и Западной Азии, Северной Африке: между языками индоевропейскими, семито-хамитскими и так называемыми урало-алтайскими. Много десятилетий спустя выдающийся русский лингвист В.М. Иллич-Свитыч значительно расширил рамки ностратической макросемьи, включив в ее состав картвельскую и дравидийскую семьи и присоединив к алтайской семье корейский язык. В настоящее время ностратическая макросемья рассматривается некоторыми исследователями в еще более широком составе, к ней относят также юкагирский язык, который считают близким уральским языкам, японский язык, причисляемый к алтайским языкам, и даже эскимосско-алеутские языки.

Ареал распространения индоевропейского праязыка находился где-то в Юго-Западной Азии между Верхней Месопотамией и Закавказьем. Древняя картвельская этноязыковая общность была расселена поблизости от современного места обитания картвелов (грузин, мегрелов, лазов и сванов) - на границе Закавказья и Юго-Западной Азии. Прародиной дравидов являлась современная территория Ирана, «уральцы» до своего распада занимали территорию между Уральскими горами и рекой Обь, «алтайцы» жили где-то в Средней Азии и примыкающих районах Ирана.

Следует отметить, что после Великих географических открытий и интенсивной миграции в Америку, Австралию и Новую Зеландию жителей разных стран Европы, говоривших в основном на индоевропейских языках, рамки ностратической семьи сильно раздвинулись за пределы ее прежнего ареала – северной части Евразии. И по приблизительным подсчетам на языках, принадлежащих к этой макросемье, сейчас говорят 56% населения мира, в том числе на языках индоевропейской семьи – 45%, алтайской – 6%, дравидийской – 4%, уральско-юкагирской – 0,5%, картвельской – 0,1%. Языками эскимосско-алеутской семьи владеют очень небольшое число людей – около 100 тыс., то есть 0,002% населения мира.

2) В последние годы, как уже указывалось, ряд видных лингвистов-компаративистов, признавая отдаленное родство семито-хамитских (афразийских) языков с ностратическими, выделяют их в самостоятельную макросемью примерно того же иерархического ранга, что и макросемья ностратическая.

Прародину афразийцев часто связывают с Палестиной, районом Двуречья, «Африканским рогом», районом озера Чад, нагорьем Ахаггар в Сахаре.

На языках афразийской макросемьи сейчас говорят более 5% населения мира, в том числе на языках семитской семьи – 4%, чадской – 0,6%, кушитской – 0,6%, берберской – 0,2%.

3) На языках сино-кавказской макросемьи общаются свыше 22% населения мира, причем подавляющая часть носителей этих языков, как уже отмечалось, принадлежат к сино-тибетской семье. К кавказской (северокавказской) семье относится только 0,1% населения мира, другие же семьи совсем малочисленны. Носители языков на-дене насчитывают около 240 тысяч человек (0,004% населения мира), а на фактически единственном сохранившемся языке енисейской семьи – кетском – говорят менее 1 тысячи человек (что касается другого языка этой семьи – югского, то несколько лет назад оставалось, как уже указывалось, лишь два престарелых его носителя, которые, возможно, умерли). Невелико и число говорящих на трех языках, считавшихся прежде изолированными, но ныне включенных в сино-кавказскую макросемью. Баскским языком владеют несколько более 660 тыс. человек, или 0,01% населения мира (в целом же басков, включая и ныне говорящих только на французском языке, больше – 1,3 млн.). На языке бурушаски говорят лишь около 60 тысяч человек, на нахали – 5 тысяч. Что касается языка кусунда, то говорящих на нем совсем не осталось: последний носитель этого языка умер в 1985 году, и 5 тысяч человек, принадлежащих к племени кусунда, говорят в настоящее время на индоевропейском языке непали.

Сино-кавказская языковая семья объединяет нахско-дагестанскую, абхазо-адыгскую, енисейскую, сино-тибетскую и др.

4) Еще одна языковая макросемья – конго-сахарская – объединяет большинство языков Африки. На языках конго-сахарской макросемьи говорят несколько менее 7% населения мира, из них 6% – на языках нигеро-кордофанской семьи и 0,6% – на языках нило-сахарской семьи.

5) Крупная макросемья языков, по-видимому, существует также в Юго-Восточной Азии и Океании – так называемая австрическая с тайскими языками и языками мяо-яо. В настоящее время языками австрической макросемьи владеют около 9% населения мира, в том числе языками австронезийской семьи – 5%, австроазиатской – 2%, паратайской – 1,5%, мяо-яо – 0,2%.

6–7) Некоторые ученые выделяют еще две макросемьи: первая из них объединяет большинство языков коренного населения Америки, кроме языков на-дене и эскимосско-алеутских. Как известно, подавляющая часть населения Америки говорит сейчас не на аборигенных, а на европейских языках. Число носителей америндских языков сравнительно невелико, их использует не более 4% населения Америки и только 0,6% всего населения мира.

Вторая – индо-тихоокеанская макросемья, объединяющая этносы Юго-Восточной Азии, включает в себя андаманский, папуасский и вымерший в XIX веке тасманийский язык. На языках индо-тихоокеанской макросемьи в настоящее время говорят только около 0,1% населения Земного шара.

Таким образом, языками семи макросемей – ностратической, афразийской, сино-кавказской, конго-сахарской, австрической, америндской и индо-тихоокеанской – владеет подавляющее большинство населения мира.

Лингвистические исследования последних лет все более подтверждают концепцию происхождения всех языков мира из одного источника. Ученые приводят все новый и новый материал, свидетельствующий об отдаленной генетической связи не только языков внутри макросемей, но и различных макросемей между собой. Так, С.А. Старостин

довольно убедительно показывает наличие общих корней у ностратической, афразийской и сино-кавказской макросемей. Тот же С.А. Старостин вместе с И. Пейросом приводит примеры, доказывающие существование связей между ностратической и сино-кавказской макросемьями, с одной стороны, и австрической макросемьей, – с другой. В.В. Шеворошкин представляет свидетельства связей между ностратической, сино-кавказской, америндской, индо-тихоокеанской макросемьями, а также австралийской семьями, а совместно с Марком Кайзером отмечает сходства ностратических языков с нигеро-кордофанскими и нило-сахарскими языками. В.В. Шеворошкин и чешский лингвист В. Блажек на основе множества подобных сопоставлений приходят к выводу, что все ныне существующие языки хотя бы отдаленно родственны друг другу.

Семей же и изолированных языков, не входящих ни в одну из макросемей, совсем немного, причем число их постепенно сокращается, так как некоторые из них по мере более основательного изучения и сопоставления с другими языками и языковыми группами включаются в ту или иную макросемью (так было, например, с эскимосско-алеутской семьей, семьей на-дене, изолированными языками баскским, бурушаским, нахали и др.).

Исследования ряда крупных итальянских генетиков во главе с Л.Л. Кавалли-Сфорцой доказали, что у народов, говорящих на разных языках, объединенных в макросемьи, сходный генофонд, и, следовательно, они имеют общее происхождение.

В конечном счете придется согласиться с мнением, что все люди мира, по сути, говорят на одном языке, родившем множество наречий, которые и создают видимость непреодолимых различий. Та же видимость – в различиях наций и рас при одной сущности и изначальном единстве.

Язык, кроме всего прочего, – сложнейшая система значений и отношений, предписаний и оценок, веры и убеждений, критериев добра и красоты, особого мировосприятия и миропонимания. Все это есть в любом языке, только в различном «цвете», в форме выражения, в словесной «фактуре». Недаром наука пытается найти так называемые языковые универсалии – правила и смысловые формы, действующие с одинаковой силой во всех наречиях и диалектах планеты. Они складываются, вероятно, в зависимости от глубинных законов и алгоритмов человеческого мышления, от речевой способности людей, от необходимости иметь «базисный словарь понятий», не зависящих от времени.

Считается, что такой базисный словарь в этнических языках невелик и вмещает в себя около 200 слов, которые обозначают жизненно важные понятия для самосознания и деятельности носителей этого языка. Это части человеческого тела, личные местоимения, числительные, орудия труда, соответствующие данному этапу хозяйственного развития этноса, глаголы, обозначающие основные виды жизнедеятельности и т.д. Базисный словарь постоянно развивается, отжившие слова заменяются на более актуальные.

Многое могут рассказать этнографы и лингвисты о связи мышления и психологического склада народности с языком, который ею используется. Например, индейцы навахо форму предмета, над которым совершается действие, обозначают глаголами – таково их восприятие.

Количество гласных и согласных, характеризующих напевность языка, тоже зависит от психики народности.

По морфологическим признакам языки делятся на следующие группы:

- изолирующие (корневые) – это, например, китайский язык, в котором слова неизменны и имеют характер корней. Отношения между словами передаются с помощью построения предложения, ритма и тональности голоса.

- аффилирующие, к которым относятся тюркские и славянские языки. Для них характерны аффиксы, приставки, суффиксы, префиксы, инфиксы, окончания.

- инкорпорирующие (включающие) и полисинтетические (многообъединяющие) – это, скажем, языки индейцев Канады, у которых слова и предложения не разграничены, а все слито воедино.

Неослабевающий интерес философов, этно- и психолингвистов обращен также к феномену архетипов (от греч. «изначальный образ») как прообразов, идей, первичных форм. В аналитической психологии К. Юнга архетипы присущи всем без исключения этносам и отдельным личностям, только проявляются они «на языке их культуры» [110]. Это основные элементы коллективного бессознательного всего человечества, всплывающие, как «общий знаменатель», в сознании людей независимо от их интеллекта, расы, нации, культуры (образы Героя, Спасителя, Чудовища, Божества, Колеса-Солнца и т.д.). Слой бессознательного, хранящего архетипы (матрица), – это скрытая кладовая впечатлений самых отдаленных, доисторических времен, когда человек был неотделим от природы. В архетипах личность сливается со всем человечеством и миром. Архетипы, по Юнгу, несут в себе сокровенное знание. Разгадать их смысл могут люди определенного психологического типа – такие как риши – составители «Вед», Заратустра, Будда, древнееврейские пророки, Иисус Христос, Мухаммед, Чайтанья и многие другие провозвестники истории цивилизаций. В архетипах представлены все человеческие опыты, которые с древности происходили на нашей планете, а возможно, и те, которые будут происходить.

Результат сопоставительного анализа пословиц и поговорок, проведенный еще в 60-е годы XIX в. М. Массоном, показал, что русские пословицы и поговорки имели параллели в немецких (82,8%), во французских (75%), в итальянских (19,3%) пословицах [54].

Известно, что патриотизм, любовь к своей родине, родной земле воспеваются всеми народами: «И дым отечества нам сладок и приятен» (русская); «Дым отечества лучше, чем огонь на чужбине» (греческая); «Дым отечества светлее чужого» (литовская); «Чужой огонь не так греет, как родной дым» (немецкая); «Дым отечества лучше огня на чужбине» (французская).

«Сытый голодного не разумеет», – говорят русские, персы; «Сытый не знает мучений голодного», – арабы; «Сытый не понимает голодного, всадник – пешего», – монголы.

Древние греки говорили: «Язык до Афин доведет», то же самое говорили римляне о Риме, китайцы о Пекине, арабы о Мекке, русские о Киеве.

Дружба как моральная ценность получает отражение в пословицах и поговорках почти всех народов мира: «Кто живет без друга, тот живет только наполовину» (немцы); «Лучше умереть, чем жить без друга» (голландцы); «Большое горе, когда нет истинного друга» (персы).

Приведенные примеры наглядно подтверждают ту аксиому, что язык не несет никакой особой этнической или национальной характеристики. Сущность языка интернациональна. Можно лишь говорить об особенностях звучания, фонетике произношения, которые, опять же, зависят не от этничности, а от природно-климатической среды, формирующей особенности физиологического устройства органов речи. Более того, постоянная потребность в общении оказывает решающее влияние на взаимообогащение языков, возникновение сходных звуков, проникновение новых слов, заимствование словообразовательных суффиксов, копирование способа образования слов и выражений из другого языка, возбуждение процессов изменения языковой структуры. Так, через русский язык греческий звук [«ф» – «th», «фита»] проник в языки народов Средней Азии и Кавказа: философ, философия, физика, фаза, футбол.

С другой стороны, в русском языке имеются целые лексические пласты, заимствованные из тюркских языков: аркан, аршин, баш, буран, гарем, казак, казна, кочевать, калым, кирка, кунак, майдан, туман, утюг, халат, хомут.

В русском языке количество «не своих» слов подавляющее: греческих, латинских, болгарских, польских, немецких, тюркских. Но именно поэтому так красочен, так емок, так разнообразен наш язык. В этом разнообразии – отражение постоянно шедших и до сих пор идущих коммуникативных процессов, переплавивших в горниле речи разные этносы и их языки, что лишний раз подтверждает мифичность не только «чистых» рас, наций, языков, но и абстрактность самих понятий «этнос», «нация», «национальный язык».

По мере перехода человечества от одной исторической общности к другой крепнет структурное единство языка, растет плотность коммуникаций, которая, в конечном итоге, приводит к формированию мегаязыка, что способствует, в свою очередь, преодолению разнородности населения, стиранию внутренних границ и различий между хозяйственными регионами, коренным и пришлым населением. Возникает общий рынок и общее государство, а значит – и постоянное общение, всеобщая заинтересованность в понимании друг друга.

Область коммуникаций постоянно расширяется, требуя расширения социальных параметров языка. Необходимость появления единого языка массовой коммуникации, единых администрации, образования, судопроизводства, организации армии, понятных всем гражданам данного государства, становится государственной политикой развитых стран. Язык обретает статус государственного и тем успешнее служит целям государства, чем более развитыми и в то же время более унифицированными становятся его лексика, фонетика, орфографические и орфоэпические нормы.

Развитие науки, техники, производства, управления в XIX–XX веках обогатило словарный состав практически всех языков мира, активизировало необходимые для такой лексики общие модели и способы словообразования. Информационные системы всех видов и назначений переполнены речью на английском языке. Объективная тенденция научно-технического прогресса – универсализация языковых форм прямо разбивает концепцию о взаимосвязи этносов и языков.

В России англоязычная компьютеризация, по сути дела, ориентирует личность на двуязычие (русский, английский), роль русского языка объективно снижается. Этот процесс закономерен и правилен. И он будет нарастать, независимо от чьих-либо желаний или, напротив, чьего-либо неприятия этого явления.

Природа социальной информации едина, и отдельные нации не могут ее изменить, а языковые барьеры не могут служить препятствием в ее распространении. Языки, на которых получают преимущественное развитие информационные процессы, расширяют сферу своего применения, вытесняя информационное пространство других языков. В условиях увеличения потока информации коммуникативные связи все более интернационализируются, разрывая не только границы отдельных национальных образований и их национальных языков, но и целых государств, континентов. Закон распространения информации заставляет изучать язык, наиболее удобный для обмена информацией.

Таким образом, выполняемые общественные функции языка зависят, прежде всего, от социальных потребностей развития информационных процессов, а не от желания и настроения каких-то групп населения. Не этничность, не национальность сохраняет или изменяет язык, а коммуникативная среда и обмен информацией. Регулярный, с большой интенсивностью развивающийся информационный процесс неизбежно приведет к постепенной ассимиляции и исчезновению многих языков, сужению их разнообразия. Процессы языковой ассимиляции ускоряются за счет большого потока миграций, которыми отмечена вся человеческая история, а также за счет урбанизации и смешанных браков. На определенном этапе появляется новое поколение иммигрантов, мигрантов из деревни в город, которые не владеют языком своей национальности. Выбор языка детей, родившихся в разнонациональных семьях, складывается в пользу основной (большой) национальности данного региона и языка межнационального общения. Это обуславливается и тем фактором, насколько принадлежность к большой нации является престижной.

Этнические языки нужны, они являются хранителями и трансляторами исконной культуры, однако в современных условиях потребность в такой культуре может возникнуть только на индивидуальном уровне, причем далеко не у всех. Что же касается уровня государственного, то единство языка как консолидирующего фактора дальнейшего развития общества и вступления его в мировое сообщество просто необходимо.

Хотя количество языков в мире уменьшается естественными путями, их по-прежнему остается большое количество. Из бывшего интегратора, как уже отмечалось, национальные языки превращаются в дезинтеграторы на фоне глобальных процессов. Получается, что нации всего лишь цепляются за то, что уже давно разъединяет народы, боясь, что, кроме собственного языка, им нечем будет самовыразиться. Отдельные замкнутые языки делают такими же замкнутыми этносы, которые для оправдания своего закрытого состояния мучительно ищут подходящие «национальные идеи», будто они одни на планете. Объективно обогащаются в духовно-интеллектуальном смысле те, кто открыт для общения, имея средство и формы всечеловеческих коммуникаций. Мирозык-интегратор ждет своего часа, чтобы на мегауровне служить объединению людей.

Попытки воплотить «вавилонскую» мечту человечества восходят к античной эпохе IV–III веках до н.э. В течение определенного времени функцию средства международного общения выполняли языки, застывшие в своем развитии. Так, в Европе функцию международного языка в научных и религиозных сферах общения длительное время выполняла латынь. Начиная с XVII века стали разрабатываться проекты различных искусственных систем: эсперанто («esperanto» – «надеющийся», от лат. «spero», «sperare»

– «надеяться»), построенный на основе интернациональной лексики, преимущественно романского происхождения, но с германскими и славянскими элементами, язык ИДО, другие искусственные системы – окциденталь, интерлингва, волапюк.

Мироязык (мегаязык) должен стать общим для всех, независимым ни от каких групп. Каким образом он сформируется, пока не ясно, но эту задачу нужно решать сейчас, объединив усилия и энергию всех естественных, гуманитарных, технических наук. Требования к содержанию будущего мегаязыка сейчас обозначить трудно, да и дело это – не одного человека. В любом случае он должен быть наполненным и самодостаточным, не уступающим ни одному языку земли в лексиконе и знаковой системе.

Многие современные языки страдают отсутствием букв, обозначающих звуки в других языках. Во всем мире мучаются над русским звуком «ы» или французским «р». Украинцы испытывают затруднения из-за нехватки буквы, произносимой как «г»; русские нуждаются в букве, подобной английской «h»; японцы не могут научиться произносить слова со звуком «л» и т.д. Вряд ли найдется алфавит универсальный, где присутствуют буквы для обозначения всех звуков во всех языках.

Видимо, мировое сообщество, его лучшие и компетентные представители будут решать вопрос о совершенном алфавите мегаязыка, дающие возможность всем людям Земли прочитать, артикулировать и – главное – понять правильно любую языковую, речевую информацию. Это не ново для человечества – ведь знаковые системы естественных и других наук интернациональны уже давно.

Критерий словарного состава мегаязыка тоже должен быть глубоким и строгим. Количество слов в его лексиконе, конечно, будет превышать уровень любого отдельного языка. Это не затруднит обучение, так как семантические гнезда слов будут строиться с учетом профессиональной лексики; обычный же лексикон станет легко доступен любому человеку – взрослому и ребенку. Слова для обозначения духовных понятий с высоким смыслом можно будет брать в «чистом виде» из древних языков или трансформировать их по формообразованию нового языка. Базой духовного лексикона мог бы стать ведийский, санскрит, древнегреческий, церковно-славянский и другие языки.

Само строение слов или выбор уже готовых мог бы осуществляться на основе трансформаций из какой-либо группы языков (как эсперанто) или из многих наречий; вероятно также компьютерное конструирование – возможностей множество, чтобы новый язык стал четким, легким, благозвучным. Новый язык – это выражение нового мышления. А оно базируется на главном: мы всегда были едины и таковыми должны оставаться.

Национальный язык не должен оставаться фактором разобщения народов, камнем преткновения для самой нации на пути к интеграции. Очевидно, что национальные языки все более оттесняются на периферию человеческой деятельности и не выполняют своих прежних демиургических (созидательных) функций. Есть дальнейший путь, на который вступает вся планета, и он связан с отрицанием специфичности этноса как социально-исторического явления и растворением его в более широких понятиях культуры и социума.

«Сгущение» языков, видимо, лучше осуществлять через билингвизм. Для России это русский как внутригосударственный и английский, которые приведут в дальнейшем к единому общечеловеческому мегаязыку. В других регионах могут быть другие

составляющие двуязычия. Обретение единства – это триумф человечества, возвращение к гармонии, всеединству людей, их языка и мира.

История свидетельствует о постоянно идущих процессах интеграции, консолидации, миксации, ассимиляции рас, этносов, наций, языков, культур. Эта тенденция сохраняется до наших дней и дает надежду на постоянную интеграцию наций в наднациональное глобальное человеческое сообщество на основе единства языка.

ГЛАВА 6. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В XXI ВЕКЕ

6.1. Тенденции развития социума

Проблема будущего современных наций – одна из самых важных и сложных. Однако стремление отдельных национальных сообществ к сохранению собственной национальной неповторимости, национальной самобытности, лучшего, чем у других, национального самосознания уводит их от истинного смысла дальнейшего существования, возвращая к отставленным вариантам прошлого.

Как известно, человечество в своем развитии прошло через определенные поступательные стадии, используя при этом несколько типов исторических общностей людей – их насчитывают пять.

1. **Род** – это экзогамная группа родственных семей первобытного общества, ведущих свое происхождение от одного реально жившего в недалеком прошлом предка, в большинстве случаев, по мужской линии, объединенных реальным кровным, а не генеалогическим родством, компактно проживающих на одной территории, имеющих общность хозяйственных интересов.

2. **Племя** как союз родов – это общность в истории человечества, возникшая в доклассовом обществе, обладавшая наибольшей устойчивостью и четким единством входивших в него членов по происхождению, культуре, языку и историческим судьбам. Племя можно назвать естественноисторической общностью.

3. **Соплеменность** – это союз племен, объединенных по территориальному принципу. Эти предэтнические группы людей уже имели единый язык, зачатки культуры, верования, территорию (если были оседлыми), чувствовали себя членами сообщества, выделяя себя из субстрата древнего человечества: «мы» и «они». Надо отметить, что такое разделение, дошедшее до нас из периода дикости и варварства, до сих пор еще существует.

4. **Народность (народ, демос)** — первая этническая общность классового общества, возникшая на основе смешения и слияния различных племен, объединенных не только по кровнородственным признакам, но и по территориально-соседским. В сплочении людей в народность решающую роль играют хозяйственно-культурные отношения, а в классово-антагонистическом обществе — вся система эксплуатации большинства населения господствующим меньшинством, включая государственные структуры. Если древние понимали других как «чужих» и воевали с ними из-за жизненного пространства и еды, то здесь уже появляются аксиологические параметры разделения: мы лучше, чем другие. И обоснований было достаточно.

5. **Нация** — форма этнической общности людей, исторически сложившаяся в эпоху капитализма (централизации средств производства, концентрации собственности, политической централизации, общественного разделения труда) или социализма на базе слияния ранних форм родственных и неродственных этнических общностей (племен, народностей) на основе общности экономической жизни, территории, языка и психического склада, проявляющейся в общности культуры.

Таким образом, в настоящее время политология и социология имеют дело в основном с категорией нации, хотя отдельные эволюционные элементы сохранились до

сих пор на некоторых территориях земного шара (племена Новой Гвинеи, резервации и т.д.).

В своем генезе нация уже имела две тенденции развития: центростремительную, требующую обособления, стяжения отдельных национальных объединений, и центробежную, раскрывающую неизбежность интернационализации национальных отношений.

Обе тенденции закономерны и объяснимы в рамках соответствующей исторической эпохи. Здесь же действует известный закон ускорения движения формаций: если первобытный строй существовал неисчислимо длительное время, рабовладельческий и феодальный – обозримые исторические периоды, то капиталистическая формация, исходя из ее ускоренного алгоритма, должна еще быстрее смениться какой-то новой, с новым сообществом людей.

Современное постиндустриальное общество быстро и эффективно меняет форму экономических, политических, культурных, духовных связей, преодолевая пространство и время отдельно взятых социумов стягивая их в новом информационном обществе, интегрируясь в новые структуры, невзирая на сознательное желание или нежелание того самих этнических сообществ.

Обстоятельства новейшего времени обуславливают необходимость трансформирования понятия нации или отказа от него вовсе – как от умозрительного, не имеющего отношения к реальности вымысла. Показательны в этом смысле высказывания ученых – отечественных и зарубежных, упомянутые в главе «Нация как миф». Здесь суммированы только их основные выводы, характерные близостью позиций (см. табл. 1).

Нация – абстрактный миф, служащий объединению людей и формированию идеологии преданности нации (Э. Смит).

Нация – воображаемая общность, результат деятельности субъектов (Б. Андерсон).

Нация – чистый вымысел, не имеющий политического и научного значения, затрудняющий научный анализ (К. Поппер, К. Вердери).

Нация – метафорическое отображение этнокультурной реальности; гражданство (В. Тишков, Г. Здравомыслов).

Нация – итог деятельности интеллектуальной элиты, создающей образы национальной солидарности, следствие культивируемой властями общегосударственной солидарности (К. Касьянова, В. Розенбаум).

Нацию продуцирует государство, **сознательные действия государственных структур** по формированию национальных движений порождают нации (Э. Геллнер).

Нации – это результат переноса этнической идентичности на уровень государства.

Нация имеет политическое измерение и политико-структурное содержание (Дж. Ротшильд).

Нация – политическая этничность, решающий ингредиент в создании, распространении и сохранении государства (С. Энлоэ).

Нация – совершенно политическое образование (М. Руткевич).

«Следует вообще отказаться от понятия «нация» (В. Тишков).

Как видно, эволюционные процессы образования этнопонятий сменяются трансформационными, и это – отражение реальных процессов. Большинство наций

предпочитает не самоопределяться, а **«соопределяться»**. Видимо, это новая тенденция, показатель движения к грядущему новому обществу, и капитализм – переходный цикл.

Однако основная ошибка большинства современных ученых и исследователей общества в том, что они стараются понять и объяснить, что этнос, народ, национальность существуют на узко территориальном или государственном уровне, а необходимо осмысливать жизнедеятельность человека уже на другом уровне – планетарном.

По мере увеличения численности сообщества ширится ареал его расселения и освоения занимаемых территорий, их закрепление. Постепенно границы сообществ сближаются, пограничные области пересекаются плотными коммуникативными связями, интегрируя соседей в языковом, культурном, нормативно-правовом, конфессиональном пространстве.

При этом территории более предпочтительные в климатическом плане постоянно завоевываются, структура населения усложняется, становится все более мозаичной. И законом поступательного развития становится формула: от единого к разному, к многообразию на конкретной территории.

Современное социальное бытие и теория общества не удовлетворяют требованиям дальнейшей эволюции. Приведенные концепции плохо осмысливаются рациональным и прагматичным Западом, привыкшим решать социальные проблемы отнюдь не эволюционным или духовным путем. Тем не менее можно взять как удовлетворяющий многих принцип одну продуктивную идею – интегральность продвижения к лучшему уровню жизни, более высокому уровню благосостояния, ко все большему объединению.

Не вдаваясь в перечисление всех многочисленных острых проблем планеты, хотелось бы отметить, что болевые ее точки особенно чувствуются там, где наблюдается отсталость отдельных многочисленных этносов планеты от общего мирового уровня. До сих пор еще существует гигантская разница в уровне цивилизации населения разных территорий Земли. На этой проблеме сравнительной «ущербности» этноса основана и защита его мелкособственнических интересов псевдоидеологами, якобы выражающими особые потребности наций, а на деле просто растаскивающими единое человечество «по своим углам», разделяющими общие территории и сферы влияния на «свои» и «чужие».

Причем, заставить отдельные этносы искусственно «подтянуть» свою психологию до уровня «продвинутых» стран тоже невозможно – даже при активном влиянии «высшей» цивилизации на «низшую». Этот органический процесс изменения сознания может протекать в течение нескольких поколений. Но ведь с небольшим плюсом-минусом именно так человечество и существовало в эпоху локальных цивилизаций вплоть до XIX века. Хотя и тогда выигрывал тот этнос, у кого жизненная программа заключалась не только в том, чтобы создать благополучие собственному клану, но еще и активно «болеть» за процветание своей страны.

В современной же реальности, даже в развитых странах, людей государственного и планетарного типа мышления пока мало – такое мышление до сих пор считается принадлежностью выдающихся личностей. Куда чаще встречаются индивидуумы, наделенные хищнической психологией обогащения своей семьи, своего рода, своего клана. К такой психологии тесно примыкает и идея разобщения по национальному признаку ради «раздачи» привилегий «своему» этносу.

Кроме того в мировой науке все национальные лексемы давно используются исключительно в гражданско-политическом контексте: национальность как гражданство, национальная политика – как политика государственных интересов, межнациональные отношения – как межгосударственный вид отношений, родной язык – как первый выученный язык и т.д.

6.2. Закон социального сосуществования

6.2.1. Предпосылки и суть закона социального сосуществования.

Человеческому сознанию – будь оно обыденным или научным, – трудно увидеть мир, в том числе социумный, в целостности и единстве. Человек как отдельная личность и человечество в целом долго шли к осознанию идеи всеединства, всеобщей тенденции к объединению. Это – объективный закон мира, основанный на единстве. И хотя он в настоящее время не формализован в виде четких понятийных категорий и предметной области, тем не менее он хорошо воспринимается на уровне интуиции, здравого смысла и системного анализа.

Как и все мировые процессы, развитие человечества происходит циклически, поступательно, являя на каждом витке спирали множество инвариантных ходов с общей тенденцией к интеграции.

Социальный закон объединения специфичен, впрочем, как и все социальные законы. Его сущность чрезвычайно сложна. Человечество, единое изначально, разъединялось и объединялось одновременно. Объединяясь в дем, род, племя, древние люди тем самым отъединялись от таких же типов сообществ. Но они не переставали быть представителями всего рода человеческого и будто делали разбег, чтобы снова слиться в соплеменности, этносы и т.д. до современных процессов интеграции. Они существовали всегда, но на обособленной территории и в меньших масштабах.

Мышление людей, обращенное к материальному миру, в подавляющем большинстве случаев косо и консервативно. Человек чаще всего живет в плену выдуманных мифов, догм, стереотипов мышления и поведения. Внутренний эгоизм, внешние неурядицы, собственные комплексы ущемленности заставляют его компенсировать неудовлетворенность существованием и искать опоры. Если не соблюдаются законы, права и свободы человека, то в целях компенсации такой дискриминации, второсортности, ущербности возникает необходимость идентификации людей по различным признакам: территориальному, языковому, расовому, этническому, половому, возрастному, элитарному, экономическому, историческому, физическому и т.д. То есть искусственно создаются привилегированные понятия для самоутверждения своей исключительности и своего мнимого превосходства над чужими.

Факты, тем не менее, заставляют признать следующую реальность. Нет наций, нет народностей, нет этносов самих по себе. Ибо ни в жизни, ни даже в сознании общества нет таких внятно обозначенных категорий с ясно сформулированными общими признаками. Зато есть полиэтничные сообщества людей, озвученные номинально научными или околонучными терминами. Изобретенные в отрыве от истинной ситуации, с претензией на научную теорию словесные штампы стали жить своей жизнью, а их идеологи – управлять волей людей.

И когда бы ни пытались ученые дать определение этносу, нации (в Древней Греции, Новой Европе, новейшей истории), четкого определения нет до сих пор, потому что нельзя назвать то, чего в реальности не существует. Беря за содержание этноса, нации отдельные дефиниции, ученые, по существу, занимаются лишь комбинацией одних и тех же признаков: общность происхождения, территория, язык, религия, хозяйственные связи – каждый по-своему. Но, выстраивая каждый раз свой ряд, они претендуют на изобретение нового термина: первичная народность, вторичная народность, развивающаяся народность, народность феодальной формации, народность капиталистической формации, титульная нация, локально-территориальная группа, этническая группа, этнографическая группа, межэтническая консолидация, межэтническая миксация, межэтническая интеграция и др.

С развитием науки и техники, общественным разделением труда механизмом управления полиэтническими сообществами становится не степень родства (естественный и единственно возможный в родоплеменном обществе), а множественность атрибутов: общий язык, религия, элементы единого управления, воспитания, образования. Каждый из этих элементов действует в разных социальных нишах по-разному. Одни являются общими (единые требования среднего, высшего профессионального образования), другие избирательными (религия, воспитание в семье). Однако все это нивелируется перед лицом более высокой объективной социальной реальности, в науке обозначенной термином «экзоэтноним».

Таким образом, доцивилизационный уровень объединения и идентификации социума питается соками «кровного» родства. Цивилизационный – культурным и духовным родством, единой идеологией, ментальностью, силой права и закона.

Смыслообразующим объективным фактором всей жизнедеятельности социума на долгом пути к современной цивилизации было стремление сохранить и приумножить «свою» территорию и «свое» население. Алгоритм решения этих задач был прост: 1) или насильственный захват, покорение, парциация, сепарация, дисперсизация, 2) или добровольное объединение, миксация, ассимиляция, интеграция, консолидация с «чужими». Практически вся история народов включает в себя войны, покорения, захваты, невольничьи рынки, межэтнические браки; позже – эмиграцию и иммиграцию, смена этнонима, фамилии, религии и даже пола и т.д. Так формировались все современные народы, все государства.

Это – естественный процесс, идущий тысячелетиями. И нет никакого Рубикона, перейдя который, один народ сразу превращается в другой – этот процесс слияния длительный и спонтанный. Однако все без исключения государства прошли одинаковый путь цивилизационного развития: через объединение, интеграцию (Франция, Германия, Россия) полиэтнических общностей в единое государство, независимо от того, каким оно было (рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, социалистическим) или каким будет (например, глобальным).

Единую же линию такого социогенеза можно условно поделить на два крупных этапа:

- 1) Этап существования кровнородственных сообществ (род, племя).
- 2) Этап жизнедеятельности полиэтнических сообществ на основе социальных законов миксации, консолидации, интеграции и т.д.

При этом в истории отмечается закономерность: чем более сложным оказывалось этническое пространство государства, чем больше была его территория, чем плотнее объединение, консолидация и ассимиляция, тем выше был уровень развития сообщества в физическом, генетическом, умственном, социально-экономическом плане, тем выше уровень мировосприятия, сопричастности ко всему общему и единому, тем инвариантнее спектр самоидентификации, а следовательно, возможность самовыражения. Именно эти принципы послужили основой величия Германии, Франции, Англии, тем более США.

Время от первого этапа до второго для разных системных сообществ было разным. Оно зависело от многих объективных факторов: численности, уровня развития, вектора поступательного развития (на изоляцию или предпочтительную интеграцию), харизмы правителей, внешних обстоятельств (наличие врагов или их отсутствие, захватнических или оборонительных войн, торговых, караванных путей, наличие сильного процветающего государства-соседа). Но главное заключалось в том изначальном смысле, доминанте, побудительном мотиве, которые дали этносу толчок к объединению.

И процесс этот начинался не вдруг и не заканчивался в одночасье. Л.Н. Гумилев назвал это пассионарностью [31]. У одних народов этот процесс занял тысячелетия, у других – несколько веков. Но чем ближе к сегодняшнему дню, тем больше возрастает скорость объединения, интеграции.

В современном мире интегрирует все: экономика, политика, финансовые системы, образование, культура, языки. Границы фактически остаются только на географических картах. В реальной жизни их давно нет. Раз возникнув, *закон постоянно идущих процессов объединения никуда не исчезает, он приобретает лишь другие масштабы и скорость.*

Другой социальный закон гласит: *людей сближают не какие-то внешние или явно узнаваемые признаки (цвет кожи, разрез глаз, язык, религия, происхождение, территория), а уровень самосознания.* Чем он уже, тем более замкнут на этнический колорит, уникальность, проявляемые в узких рамках этнических территорий. Чем шире – тем более конвергирует с идеей единства со всем народом страны, части света, всего мира.

С другой стороны, например, единству английской нации не препятствует ее распадение на ряд народностей.

Язык, в котором нередко находят главный признак национального, далеко не всегда имеет такое значение. Бельгия и Швейцария представляют собой примеры стран с ясно выраженным сознанием народного единства разноязычных людей. Жители Лондона, говорящие на 300 наречиях, не перестают от этого считать себя англичанами.

Что касается единой территории проживания, то она сама по себе не приводит к образованию нации. В результате многочисленных миграций населения, завоеваний и других процессов территория расселения этноса неоднократно менялась, как менялись границы государств. Место, с которого начинается отсчет этнической территории, достаточно условное. Углубление в историю не только не приносит разрешения проблемы, но, наоборот, делает их более запутанными и субъективными, так как каждый народ несет в себе десятки, если не сотни этнических корней, которые он вообрал в свои гены на различных землях. Народы вследствие различных причин перемещаются по территории Земли, иногда обретают новую родину далеко от своих истоков.

Поэтому причины, некогда объединявшие людей, надо искать не в отдельных признаках и даже не в их совокупности, а в сознании людей. Только волей сознания люди враждовали или объединялись, возводили между собой преграды или объявляли границы открытыми.

Роль духовного, сознательного элемента в этногенезе особенно демонстративен на примере России.

Цивилизационные системы сменяли одна другую. На смену Киевской Руси пришли Московское централизованное государство, Российская империя. Но принцип организации оставался прежним – единство земель и населения во имя общего блага. Именно таким образом нашими предками был заложен краеугольный камень в смысл цивилизационного процесса и прогресса.

Одна из главных особенностей мировоззрения российского суперэтноса – изначальное отсутствие племенного эгоизма. В миропонимании совершенно исключено расовое начало.

Известно, что на Руси не было классического рабства. Патриархальный его вариант не шел ни в какое сравнение, например, с римским или восточным рабством. Подневольный люд не испытывал на себе немотивированной жестокости и непосильного труда; нередко все обедали за одним столом. Чужестранцев жалели и утешали, им сочувствовали и сострадали, всегда были готовы помочь. Каждый «другой» воспринимался как потенциальный друг: не случайно в русском языке «другой» и «друг» – от одного лингвистического корня.

Понятия «национальность» в период формирования России вообще не существовало, а в термин «инородцы» вкладывался только один смысл: не православные народы. У престола русских императоров служили и поляки, и немцы, и армяне, и татары.

Единый народ России вместе усваивал традиции коммунитарной культуры: способность уживаться друг с другом, организованность, упорство, умение подчинять личные интересы благу целого. Эти человеческие способности стали фундаментом единства, казалось бы, несоединимых в своем разбросе российских территорий и их населения. А принципами сосуществования и совместного проживания стали подлинный интернационализм, толерантность, терпимость, душевность, другие черты характера россиян, свидетельствующие о психофизическом и духовно-нравственном здоровье народа.

Дружба народов и религий для огромной российской территории – не пустые слова, но реально пережитый опыт, сформированный веками и выстраданный общей трудной историей. Этот опыт ныне может стать как никогда полезным человечеству.

Таким образом, модель исторического развития в России как многонационального, сбалансированного по решению этнических вопросов государства может быть прототипом для решения многих современных национальных проблем в глобальном масштабе, поскольку именно в России сделан первый практический шаг на пути к евразийскому, а сегодня – и к мировому универсуму, к началу мирового объединительного процесса.

6.2.2. Факторы, препятствующие установлению закону социального сосуществования

Надо подчеркнуть, что феномен объединения этносов инициируется не только удовлетворением физических потребностей человека. Потребность человека в объединении с себе подобными обусловлена и его самосознанием, в котором исходно заложены социальные детерминанты.

Однако в современном мире наблюдается обратная тенденция: чем очевиднее становится потребность в дальнейшей интеграции, тем больше провоцируется ложная ценностная ориентация на свой замкнутый этнический мир. С одной стороны, идет объективный, часто стихийный, процесс коэволюции. С другой – растет число национальных движений за «свою» государственность, провоцирующих как крайние их формы всплеск этноцентризма, шовинизма, национализма.

В чем причины подобных коллизий? Что мешает сегодня людям осознать необходимость единения?

Первое – это огромная разница в уровне жизни, культуры, образования, технического прогресса, условий существования социальных и этнических групп. Не секрет, что все древние, казалось бы, ушедшие в необратимое прошлое общности людей и сейчас присутствуют на планете (роды, кланы, тейпы, племена, соплеменности, народности) наряду с новейшими – нациями.

Одновременное присутствие сразу всех общностей на нашей планете – показатель крайне неравномерного развития народов мира. И это было бы еще полбеды. Главная проблема – в разных типах общностей, естественно, в разном восприятии мира, его масштабности. Чем ниже в эволюционной шкале человечества тип этнической общности, тем меньше масштаб восприятия человеком самого себя и окружающего его объективного мира. Уровень самосознания табуируется характерными для первобытного строя территориальными пределами рода, племени.

Но, если для замкнутых племен Полинезии и Океании – это естественное состояние, то для российских и постсоветских этносов, играющих на «национальных чувствах» сородичей, призывающих к «национальному самоопределению», то есть отделению от конвергирующего мира, – это искусственно поддерживаемое состояние. Это сужение самоидентификации народов и этногрупп, еще недавно совсем иначе позиционировавших себя, до уровня этнической территории, «своей» пещеры, «своего» феодального замка, «своего» этноса. Это – возврат в доцивилизационное состояние.

Хуже всего то, что разные уровни развития человеческих сообществ порождают и разное понимание мира, его настоящего и будущего. Есть мнение, что в этой разнице – многообразие, неповторимость мира, более того, закон выживания человечества как биологического вида. Это – изначально неверный причинно-следственный ряд, при котором на алтарь жизни изолированного племени банту или папуа в Новой Гвинее приносится все остальное человечество.

Подлинный гуманизм разумной и совершенной цивилизации должен состоять в обеспечении всем равной доступности благ материально-технического и нравственного прогресса, независимо от географии и численности тех этносов, на которые этот гуманизм направлен. Поэтому чем быстрее разные типы этнических общностей выравниваются экономически, достигнут одинакового развития, тем быстрее и безболезненнее будут протекать интеграционные процессы включения их в мировое пространство будущей

цивилизации всеединства. Начинать надо с главного – поднимать и выравнивать до планетарного не только уровень жизни, но и самосознание индивидов.

Второе. Имеются данные из социальной психологии, что самосознание конкретного человека и общества в целом многократно отстает от общего цивилизационного развития планеты. В мире произошла научно-техническая революция, а массовое самосознание подчас функционирует на первобытном уровне.

Те явления, которые были интеграторами людского объединения в условиях ограниченной этнической территории, сейчас стали дезинтеграторами или меняют свое смысловое содержание. Например, территория этноса в самосознании современного человека преобразуется в территорию планеты. Появляются понятия «мегаязык», «мегавера», «мегасознание». И сегодня многие индивидуумы, личности уже имеют в самосознании понимание универсальной тенденции к единению.

Третье. В рамках закона единения складываются сопутствующие закономерности. Одна из них следующая: чем выше уровень объединения, консолидации, ассимиляции, тем выше уровень развития человеческого общества: в физическом плане, генетическом, умственном, социально-экономическом и т.д., то есть чем шире и глубже уровень слияния этносов, тем лучше, цивилизованнее живут люди. И закономерный результат: идея единства, объединения становится фактом их самосознания и мировоззрения. Однако в масштабах Земли не создана соответствующая инфраструктура, гармонизирующая интересы всего человечества в целом. Поэтому возникает конфликт интересов государств, экономических объединений и иных организаций.

Современные транснациональные коммуникации, глобальная информация стирают различия, придуманные людьми, помогают переосмыслить мироустройство, изменить мироосознание и оценку смысла жизни. Люди начинают понимать необходимость интеграции как единственного пути для улучшения их материального благосостояния и психологического равновесия. Путь этот пролегает через создание межгосударственных объединений, транснациональных союзов, выравнивание уровня и качества жизни, повышение степени образованности и культуры. Чем выше интеллект и общая культура человека, чем шире диапазон его познания, тем глубже его убеждение в абсурдности всяких проявлений национализма и расизма.

Четвертое. В настоящее время отмечается недооценка факторов воспитания подрастающего поколения. Распространенная тенденция к повсеместному внедрению поп-культуры, усредненному образованию, снижению роли семьи и школы в воспитании, преобладанию СМИ в развитии отдельной личности и общества в целом ведет к формированию человека с как бы «усеченным» сознанием, на базе которого трудно подняться до понимания всеобщих проблем.

Пятое. В современных условиях возрастает роль науки и точного знания. Тем не менее научные достижения зачастую не становятся достоянием всей человеческой популяции, а служат или корпоративным интересам, или попросту не востребованы обществом. Поэтому повышение роли науки является одной из актуальных задач XXI века. Это напрямую связано как с естественными науками, так и с социальной и гуманитарной сферой.

6.3. Концепция единства

6.3.1. Исторический опыт России как прототип решения национального вопроса в современном мире

Как это ни парадоксально, именно Россия в условиях современной глобализации и обстановке всеобщей конфликтогенности может стать образцом решения национального вопроса. Старые конъюнктурные утверждения революционеров-нигилистов о России как «тюрьме народов» и прочие подобные лжеафоризмы должны быть полностью отвергнуты с исторической точки зрения.

Вот почему национальная идея России может получить статус национальной идеи для всего мира, идеи планетарного уровня, в русле эволюции всей мировой цивилизации. Россия сумела найти разумные простые решения для практически бесконфликтного проживания сотен национальностей на гигантском евразийском континенте. Этот многовековой опыт не может быть сдан в архив, а должен найти свое применение в реальной современной жизни. Данную простую истину, прежде всего, должны осознать сами россияне, а затем в не оскорбляющей национальное самолюбие других государств в форме донести до других стран, национальных объединений, этносов, а самое главное – убедить их в справедливости указанной истины.

Мы далеки здесь от мысли, чтобы проповедовать идею национальной исключительности России в славянофильском духе или в рамках мессианской идеи типа Третьего Рима и т.д. Нет здесь и стремления к пропаганде великой культуры, созданной на российском пространстве.

Основная идея заключается в использовании отлаженных, исторически проверенных механизмов этнокультурного взаимодействия, позволивших эффективно функционировать большому государству на протяжении более десяти веков.

Почему это должна сделать именно Россия? Ответ здесь однозначен: потому что только в ее истории на заре государственности, еще в Киевской Руси IX века, был заложен и проверен временем феноменальный закон единства пространств, народов, государств, совместно строящих свое будущее.

Величием Российского народа и государства было то, что они, задолго до Западной Европы и уж тем более Америки, стали пионерами в идее сосуществования, сотрудничества, созидания, сотворчества, сожительства на огромных российских пространствах сотен различных этносов. Это было гармоничное единство не для покорения и не для обороны, а для освоения полиэтничного пространства, в котором каждый ее представитель нашел свое достойное место в общем поступательном движении к прогрессу страны и ее народа.

Козволюция всех наций и концепция глобального единения должна быть совершенно определенной: ЕДИНАЯ ИСТОРИЯ – ЕДИНАЯ ЗЕМЛЯ – ЕДИНЫЙ НАРОД – ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО – ЕДИНОЕ БУДУЩЕЕ. Этому необходимо придать соответствующую духовно-нравственную и этическую форму издавна известными базовыми концептами и горизонтами, к которым стремится человечество. Они универсальны: мир, труд, безопасность, благоденствие, процветание, здоровье, любовь.

Обозначенное целеполагание будущего гармоничного порядка должно стать нормой, общим социальным законом, полем действия которого – весь мир.

На промежуточных этапах на помощь закону будущего мироздания, миробытия, мироустройства должны прийти субъективные – юридические законы, обеспечивающие механизм достижения целей человечества: закон единой земли, закон единого народа, закон единого государства, закон единства норм будущего в согласии с фундаментальным законом всеединства на Земле и во Вселенной.

6.3.2. Обобщенный исторический анализ этногенеза России

Идея единства была осью всех событий в генезисе русской земли и русского этноса. Россия известна на исторической карте мира под разными политическими, государственными, религиозными и цивилизационными системами. На ее территории возникали и исчезали десятки государственных образований – ханства, каганаты, княжества, царства, империи, в которых еще с первого тысячелетия до нашей эры объединялись, смешивались и заново формировались многие сотни современных народов Европы и Азии.

Продолжающийся процесс ассимиляции, интеграции и консолидации десятков этнических миров азиатского и европейского континентов обогатил отношения принципами доброжелательности, альтруизма, разумности, терпимости, уживчивости, праведности, богобоязненности, душевной щедрости в едином, сильном и мудром государстве.

Никогда и не перед кем не утверждалась племенная исключительность русичей, государство созидалось на простом принципе – единства во имя общего, а не частного блага. Этот принцип стал фактически государственной национальной идеей, стержнем мощного единого государства, первым в мировой истории опытом цивилизационного синтеза единой земли единого населения.

К концу XVI в. территория страны увеличилась в 7 раз, а население в 9 раз. Эстафету цивилизаторско-интегративной модели взаимоотношений между народами приняли сначала Московское государство, затем Российская империя. Уживчивость, открытость новым контактам, веротерпимость явились основанием для закономерного и системного присоединения новых земель, привлекательности дальнейшей народной интеграции в единый российский социум.

В конце XIX века на территории в 22 миллиона квадратных километров, включавшую Польшу, Финляндию, Курляндию, Эстляндию, Среднюю Азию, Кавказ, проживало 130 миллионов человек, более ста этносов, своеобразных в языке и культуре, но одинаково гордых принадлежностью к великому Отечеству.

Вряд ли в истории любой другой империи найдется такая расовая, религиозная и просто соседская терпимость. Начиная с Олега, первых сказаний и первых летописей и кончая сегодняшним днем, сквозь всю историю проходит одно доминирующее стремление – тяга к национальному и государственному единству, «к воплощению государственного тела», как выражался Костомаров.

Благодаря этому фундаменту Россия к началу XX века достигла небывалого величия и могущества. Ни одна из мировых держав не могла сравниться с ней, встать в один ряд ни по территории, ни по количеству населения, его мозаичности, ни по форме государственного устройства и управления, ни по каким другим параметрам. Россия стала

не только географией, а локальной цивилизацией с огромным объединительным потенциалом, богатым генофондом. Она была первой среди первых, притягательным центром лучшей жизни не только для своих соотечественников, но и для французов, шведов, англичан, немцев, итальянцев, африканцев, голландцев, поляков, чехов, венгров, болгар, литовцев, латышей, эстонцев.

К началу XX века Россия из империи начала трансформироваться в особую цивилизацию со своим образом жизни, традициями, культурой. Складывалось коллективное макроэтническое качество, особый суперэтнос – российский народ, где ценности государственного патриотизма и лояльность по отношению к верховной власти выдвигались как требование для всех без исключения народов России.

Это было время динамичного развития всего сообщества, ужившихся на огромных просторах своего государства, общего блага, отсутствия границ, таможен, перегородок, провинциализма, феодальных войн и феодальной психологии и такого государственного порядка, какого не было и сейчас нигде больше нет в мире.

Созданная Российская империя никогда не третировала ни один свой так, как в США третировались негры и индейцы. Ни одна окраина России не подвергалась такому обращению, какому подвергалась Ирландия.

И Рим, и Великобритания создали из организаторов империи привилегированный слой. В Риме это было установлено законодательным путем: «гражданин Рима» был привилегированным человеком. В Великобритании это было устроено путем «неписаной конституции», но «Британец» был привилегированным лицом в Индии и в Ирландии. Индус и ирландец, если они попадали в Англию, рассматривались как второй или десятый сорт.

Линиями русской государственной жизни всегда были:

– «Земля» как сообщество племен, народов,, объединенных общностью судеб и не разделенных племенным соперничеством.

– Государственность как политическое оформление интересов всей «земли», а не победоносных колонизаторов.

– Максимальная в истории человечества расовая и классовая, религиозная и просто соседская терпимость.

Российское государство было единым мегапространством с полиэтнической матрицей единой семьи народов, основанных на принципах сочетания сильной, но справедливой государственной власти.

Октябрьский переворот 1917 года и образование в 1922 году СССР прервали этот прогрессивный цивилизационный процесс.

И хотя сегодня можно по-разному относиться к государственному устройству СССР, но на протяжении десятилетий обеспечивался мир, спокойствие и порядок, принципы интернационализма на всей территории государства. На всей территории, не взирая на противоречия, антагонизмы, существовал и функционировал единый государственный аппарат, проводилась единая внутренняя и внешняя политика. Модель государственного устройства отвечала и разрешала многие проблемы, в том числе и межэтнические. Закрепленное на высшем законодательном уровне государственной власти уважение к национальному достоинству, обычаям, культуре, традициям, быту, равные возможности для образования и развития личности, и в то же время абсолютная

централизация единой государственной власти сверху до низу сформировали новую для тех условий историческую общность – советский народ.

Несмотря на катаклизмы и потрясения XX века Россия по-прежнему представляет собой крупное многонациональное государство, являющееся по своей сути особой цивилизационной формой, которая играет большую роль в масштабах всего человечества. Исторические примеры, связанные с Наполеоном и Гитлером, уже давно не принято оценивать во всей их полноте и истинности западными историками; однако это не снимает реального значения.

В отношении современной России имеются взгляды некоторых социологов и политологов (Бжезинский и ему подобные), которые упорно отстаивают идею о детерминированной гибели мировых империй. При этом с особым усердием они выстраивают свои заключения и мрачные прогнозы для России, оставляя в стороне такие сверхгосударства, как США, Китай, Индия и др. В данном случае мы имеем дело с пропагандистским ангажированным подходом, продиктованным не стремлением к оценке истинной ситуации в исторически полном аспекте, а субъективным желанием.

6.3.3. Современная Россия в поисках национальной идеи

К настоящему времени мы являемся обладателями великой истории, но тем не менее имеем большой груз проблем, требующих неотложного решения. Почти 20-летний период постсоциалистического развития уже многому научил всех граждан нашего отечества. Неоднократно высказывались мнения о поисках интегральной, объединяющей идеи, или «национальной идеи». Данный термин имеет двойственное семантическое значение, переводя акценты в том числе и в сторону национального вопроса, однако большинством он воспринимается как центральная идея единого государства.

На наш взгляд, единый российский народ – не результат, а исток процесса. Этому сообществу надо искать не «национальную», а «державную» государственную идею.

Но держа под прицелом идею державности, требуется немедленное решение так называемого «национального вопроса».

Ситуация в нынешней России такова, что идеологическая бомба под названием «национальный вопрос», взорвавшая единое сознание народов, способна уничтожить не только их прошлое, настоящее, но и будущее, вернуть их сознание в состояние агрессии, неприятия, вражды. В этой конфронтации может быть уничтожено все: и государство, и народы.

В связи с этим нормой социальной жизни должен стать закон о единой территории – государственной земле, который бы сделал недопустимым отделение, разделение, пересмотр внутрисоциальных границ. Любая попытка территориальных претензий должна жестко пресекаться силой закона и власти, квалифицироваться как антигосударственное преступление.

Территория России уменьшилась. Но оставшаяся земля должна быть единой и неделимой, должна обустроиваться людьми, у которых позитивное сознание единства, нравственности, духовности, красоты.

Современной России крайне необходим закон о единстве и уважении к государственной власти, так же, как и государственное устройство по территориальному, а не по национальному принципу.

В рамках единого государства не может быть суверенных государственных национальных образований, осуществляющих собственную государственную политику. Право наций на самоопределение и отделение может быть реализовано лишь при условии распада государства; следовательно, право наций на самоопределение не присуще, не свойственно и не приемлемо для единого государственно-политического организма.

Национальный вопрос, национальные проблемы искусственно надуманы. В едином государстве не может быть никаких суверенных форм государственности. Все национальные притязания – суть корпоративные интересы недалёковидных политиков, удельных князей и царьков, подталкивающих государство к краю пропасти.

Для национально-культурного самовыражения нации не требуются дополнительные бюрократические структуры. Необходимо лишь бережное и уважительное отношение к достоинству всех, не возводя потребность национально-культурного самовыражения в ранг искусственной государственной национальной политики.

Нужна генерация новых лидеров, не отягощенных инерцией мышления, ошибками прошлого, догматической уверенностью в своей правоте. Нужны не амбициозные самовлюбленные национальные политиканы, а профессионалы, преданные идее возрождения российского государства, которые смогут решать общенациональные задачи, а не проблемы борьбы за власть.

Требуется единообразное применение законов, главный из которых – «закон уважения к закону». Законность должна быть единая российская, а не калужская или рязанская, а в целом, для всех россиян необходимо выйти из состояния правового нигилизма.

Законодательная работа должна быть упреждающей, способствовать рождению и становлению нестандартных, оригинальных проектов переустройства общества, направленных к сближению народов, дружбе и сотрудничеству личностей. При этом законы должны быть, во-первых, гуманными для законопослушных людей и очень суровыми для лиц, пожелавших экспериментировать на людях идеи расизма, национализма, сепаратизма и т.д.

Нужно качественно иное функционирование правоохранительных структур, реформирование органов государственной власти, изменение кадровой политики, ориентированной на профессионализм работников, а не на квоты национального представительства.

Государственная власть как и территория государства должна быть единой и неделимой. Она должна быть сильной, но гибкой. Сильная президентская власть отвечает современным задачам нашего государства и общества.

Государственный чиновник должен оцениваться не через призму его прав, а государственных обязанностей, долженствования перед обществом и каждым отдельным гражданином.

Экономика государства должна быть нацелена на реальную перспективу благосостояния граждан, при которой каждый должен стать реальным обладателем доли национального природного богатства, части национального дохода.

Единый народ России вместе усваивал традиции коммунитарной культуры: способность уживаться друг с другом, организованность, упорство, умение подчинять

личные интересы интересам целого. Эти человеческие способности стали фундаментом единства казалось бы несоединимых в своем разбросе российских территорий и их населения. А принципами сосуществования и совместного проживания стал подлинный интернационализм, толерантность, терпимость, душевность, другие черты характера россиян, свидетельствующие о психофизическом и духовно-нравственном здоровье народа.

Физическое здоровье российского суперэтноса поддерживалось и укреплялось генами и энергетикой все новых и новых этносов, естественными процессами мутагенеза, постоянным трудом на природе, крепкими семьями и здоровыми традициями. Религиозные устои иудаизма, буддизма, христианства, ислама закрепили лучшие нормы нравственности не только в жизни отдельных людей, общин, но и во взаимообщении различных этносов и государств.

Дружба народов и религий для нас не пустые слова, но реально переживаемый опыт, сформированный веками и выстраданный общей трудной историей. Этот опыт ныне может стать как никогда полезным человечеству.

Чтобы закрепить прошлые достижения в величественном состоянии единства россиян, современной России необходим закон о едином народе, что будет во многом способствовать снятию национальной напряженности и иных побочных нежелательных явлений.

Современное постиндустриальное общество меняет форму экономических, политических, культурных, духовных связей, преодолевая пространство и время отдельно взятых социумов, быстро и эффективно стягивая их в новом информационном обществе.

Будущее России не может сложиться в отрыве от будущего всего мира, каждого гражданина, каждого государства. Они нужны и будут развиваться только в русле эволюции и мировой цивилизации, коэволюции всех наций и концепция глобального единения должна быть совершенно определенной.

Следующим этапом должна стать планетарная конвергенция и планетарный порядок. Не европейский, не американский, не евразийский, не христианский или мусульманский, не восточной или западный и т.д.), а общечеловеческий.

6.3.4. Концепция мирового единства

Общество в своей системности – коллективный субъект, обладающий всеми принципами системы (целостность, взаимозависимость всех элементов, структурность, иерархичность, связь со средой и т.д.). Это система самоорганизующаяся (способная в процессе развития менять структуру, тенденции развития) и органичная, где целостность играет особо важную роль.

Современные государства, этносы достигли своего предела. Будущее – за новым целостным планетарным сообществом, новым уровне коммуникации. В результате по логике развития общества как системы закономерно образование нового целостного планетарного сообщества.

Период всеединства – это не только материальный, социальный феномен, но и интеллектуальный, психологический, духовный, этико-эстетический, учитывающий весь комплекс взаимодействий в мире, в том числе космических влияний. Видимое и вполне осознаваемое людьми движение в направлении к целостному человечеству проявляется в

различных сферах, и примеры известны многим. Помимо экономических и политических транснациональных объединений, имеется Евросоюз как единая надгосударственная организация Европы, ООН мыслится как полный охват территории планеты ее идеями и механизмами, организация «Врачи без границ», «Международный Красный Крест», конфликтологические организации (типа «Аларм») и многие другие – свидетельства начала интеграции. Представители этносов, рассеянные по миру, сосуществуют в иной среде, не испытывая дискомфорта. Складываются интернациональные языки для социокультурного общения, компьютерные искусственные языки, Интернет, основным языком общения на мировом уровне стал английский (возможно, в будущем будет изобретен еще мировой язык); национальные культуры уже не знают границ, особенно в части масс-, поп-культуры, шоу-бизнеса. Можно по-разному относиться к таким международным структурам, как ВТО, Всемирный банк и т.д., но их долговременное существование говорит о том, что подобные организации имеют право на существование, а жизнь и реальные дела будет совершенствовать форму и методы функционирования.

Появление многочисленных сект дает повод рассматривать их как протест против тысячелетних устоявшихся догм, нежелание церковных иерархий пойти навстречу друг другу. А ведь основные нравственные ценности едины для всего человечества, независимо от религий; они могли бы стать одной из основ интеграции. Правда, есть примеры такого стремления – это бахаизм, взявший за основу единой религии христианскую и исламскую модели. Основатель ее – Баха-Улла – считает, что религия дана человечеству не для раздоров, а для единения и любви, и это поле гуманистической деятельности для интеграции людей в единое целое. Бахаизм, уважая существование множества верований, предлагает пути к установлению всеобщего мира путем объединения Востока и Запада. Эта религия претендует на создание всеобщей духовной модели на основе единого вероисповедания, единого языка и объединения людей в единую цивилизацию. Существуют и иные прецеденты: например, экуменическое движение в рамках христианских конфессий, направленное на интеграцию различных ветвей христианского учения.

Есть разные понятия. Одни объединяют людей, другие разделяют. «Род», «племя», «народность», «нация», «этнос» – разъединяют, «человек», «гражданин Вселенной», «космополит», «землянин» – объединяют. Давно утраченное людьми «кровнородственное происхождение», иррациональные эмоции и чувства, в которых, якобы, слышится «голос крови», «зов предков», «дыхание почвы», – разъединяют, «планетарность», «интеграция», «консолидация» – объединяют.

Жизненно необходимо повернуть лексикон людей в сторону единства. При этом сразу снимаются все «горячие» вопросы: быть или не быть национальным языкам, быть ли национальным языкам государственными, быть или не быть государственной национальности, национальному самоопределению, национальной культуре, национальному характеру, национальной самобытности и неповторимости. Ответы на эти вопросы лежат в плоскости транснационального, в идее экстерриториальности общих для человечества ценностей.

При таком подходе может сложиться впечатление о нивелировании национальных и расовых особенностей различных народов. Одним это может представляться как триумф идеи глобализма или постиндустриального общества, ортодоксальные марксисты могут

рассматривать это как всеобщую победу империализма с его транснациональной организацией. Имеет хождение и мифологема о мировом правительстве, универсальном масонском влиянии и т.д.

Как вписывается Россия в контекст указанных вопросов? Выше говорилось о целесообразности использования российского опыта в решении международных проблем, особенно в плане устранения межнациональных конфликтов. То, что данный опыт явно позитивен, для многих специалистов в России представляется очевидным. Предстоит теперь завоевать сторонников в других государствах, чтобы он был практически применен на деле.

Имеется здесь другой немаловажный аспект. Россия обладает уникальным отрицательным опытом проведения мирового эксперимента по внедрению идеи коммунизма. Это поможет не повторять ошибок прошлого при создании новых, оптимальных, гармоничных общественных условий в глобальном масштабе. Известно высказывание древних: «Благими намерениями выложена дорога в ад». Создание на земле Города Солнца (по Кампанелле) или иные утопические идеи уже хорошо подготовили человечество к разумным, взвешенным, преемственным шагам. Только так возможно осуществление тех целевых установок, которые провозглашены в настоящей работе и иногда носят форму труднодостижимого идеала.

Надо подчеркнуть, что автор не ставил перед собой сверхзадачи дать универсальные рекомендации или готовые рецепты, призванные решить многочисленные задачи, стоящие перед человечеством, источником которых является национальный вопрос. Проблема по-прежнему стоит, она, по-видимому, еще долго будет «неоконченной повестью». На протяжении последних двух веков мы видели, как, к примеру, решался национальный вопрос на Балканах: мировые войны, раздел Югославии в последнее десятилетие с использованием жестоких межэтнических столкновений и согласованных «цивилизованными» странами бомбардировок мирного населения в условиях необъявленной войны и т.д. Если мир пойдет по такому пути решения национального вопроса, то человечество ждет не очень перспективное будущее. Искренне надеюсь, что сделанный автором анализ может быть полезен для специалистов и широкой аудитории в деле более объективного и всеобъемлющего рассмотрения национальных противоречий с высоты XXI столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный выше материал позволяет сделать ряд заключений, оценок и некоторых прогностических установок.

Прежде всего, совершенно очевидна несостоятельность узконационалистических тенденций, исходно ориентированных на самосохранение и выживание отдельных национальных объединений или этнокультурных образований, однако в конечном итоге приводящих к ксенофобии и нетерпимости к другим народам. Особенно опасно это при соответствующем научном (а иногда и псевдонаучном) оформлении данных идей в стандартный набор таких терминов, как «национальный вопрос», «национальная политика», «национальное меньшинство» и др.

Неосмотрительность части интеллигенции, попустительство центральной власти, недальновидность региональных деятелей не дают возможности самосознанию людей очиститься, увидеть подлинную реальность, основанную на родовых признаках человечества – единении и взаимопонимании. Продолжается распространение «знаний» (как правило, исторически недостоверных), о «древнейших» корнях «однолинейного» этногенеза тех или иных народов, происходящих якобы от шумеров, саков, ассирийцев, скифов, аланов, хазар, гуннов, половцев и т.д., об «исконности и незыблемости» этнических территорий и границ.

Историческая реальность убедительно доказывает неверность этих устремлений и безнадежность противостояния объективным закономерностям развития. Они существовали и существуют, их можно выявить, обобщить и, главное, понять на основе учета опыта человечества и отдельных социальных систем на протяжении тысячелетий.

Каковы же объективные закономерности социальных процессов, которые вытекают из опыта истории и из которых сегодня надо бы извлечь уроки для политиков? Следует обратить внимание на основные моменты.

Во-первых, это социальные процессы миксации, интеграции, консолидации, которые идут всегда и будут постоянным фактором истории, пока существует человечество – они перманентны и бесконечны. В этом смысле социум представляет собой динамичное состояние, процесс.

Безостановочное развитие определяется неравновесным сочетанием трех групп факторов:

- Группы естественно-исторических факторов (территориальные, природно-географические, демографические и др.).
- Группы социально-исторических факторов (хозяйственно-экономические, социально-классовые, политические, идеологические и др.).
- Группы собственно культурных факторов, которые сводятся к накопленному потенциалу в культуре, в области знания, в духовной, этико-эстетической сфере, в стереотипах поведения и др.

Сложные комбинации указанных факторов характеризуют уровень развития и состояние конкретного общества в каждое данное время. Динамичность же любым общностям придают не культурные, а социальные параметры экономических и политических сфер.

Перманентный, противоречивый и дискретный характер постоянно идущих процессов деления и объединения должен восприниматься как целостный социумный процесс в границах историко-государственных образований взаимосвязанных этнических общностей, а импульсы интеграции и консолидации – как постоянный фактор истории.

Во-вторых, в историческом развитии социумов, конкретных обществ детерминирующую роль играют фундаментальные, зачастую скрытые закономерности, не фиксируемые «здесь и сейчас», а проявляющиеся уже как следствия, как единство процессов дифференциации и интеграции, ассимиляции и диссимиляции. Социально-экономические и политические факторы могут ускорить или замедлить эти процессы, но не в состоянии их остановить. Не все здесь может сводиться к универсальным и однозначным идеям, подобным марксистским воззрениям о классовой борьбе, о примате экономического фактора, о базисе и надстройке и т.д. Современные социологические и политологические науки имеют в своем распоряжении достаточно обоснованные разработки, в которых отражено многообразие закономерностей, управляющих социальным развитием в целом.

Социум – единый живой организм, изменения в котором являются признаками его жизненности и нормального состояния. Пока существует вариативность, человечество будет сохранять тенденцию к сохранению общности. Важно учитывать идею интегрирующей роли территории в установлении связей, в хозяйственном и культурном сближении, сотрудничестве.

В-третьих, наличие стойкой тенденции к интеграции человечества в планетарном масштабе. Интеграция может формироваться на различных уровнях – местном, областном, региональном, государственном, субконтинентальном, континентальном, межконтинентальном, глобальном. Интенсивность связей на различных уровнях разная – как в социально-хозяйственных, так и культурных сферах, где веками формируются бесценные конгломераты общечеловеческого.

Общечеловеческий слой культуры структурно сам по себе сложен и в разные исторические эпохи проявлялся в комплексах ареальной, субконтинентальной и континентальной культур. В XX веке общечеловеческий компонент культуры становится все более планетарным. Он включает в себя такие политические ценности, как идеи свободы, равенства, социальной справедливости, прав человека. Сегодня в связи с потенциальной угрозой ядерной войны, экологической катастрофы общечеловеческие ценности должны доминировать над любыми групповыми, национальными, государственными, региональными интересами.

В-четвертых, виртуально-мифологический аспект национального вопроса. Парадоксально, что, с одной стороны, национальные отношения – это мифологемы, чистый вымысел, «добросовестное заблуждение» или игры непорядочных людей, с другой – эти придуманные понятия могут реально уничтожить человечество.

Известно, что история всякого древнего народа и его правителей начинается с легенды. И чем древнее народ, тем фантастичнее легенда. Древние монархи Востока начинали свое происхождение прямо от богов. Более скромная японская династия происходила от Луны, по другому варианту – прародительницей японских императоров была глава пантеона синтоистских богов – богиня Солнца Аматаэрасу. В Месопотамии и Египте все правители имели божественных прародителей. Основатели Рима были

сыновьями весталки и бога войны. Все русские цари почитались народом как помазанники Божии. Михаил Федорович Романов, избранный на царство в 1613 году, оказался отпрыском «прекрасно цветущего и пресветлого корени Августа Цезаря» [86]. Видимо, здесь главную роль играло требование практической целесообразности: так создается незыблемость власти. Если династия пришла откуда-то сверху или со стороны – с Неба или Земли, то ясно, что она стоит над всеми слоями, группами, племенами и прочим.

Сами народы слагают о себе не менее интересные легенды; им усиленно помогают писатели, историки, ученые из близких к ней областей знания – этнологи, этнографы, антропологи, географы. Примеров здесь множество, часть из них общеизвестна и усиленно эксплуатируется националистами и сепаратистами прошлого и настоящего (пантюркизм, угро-финский этнос, приснопамятная арийская теория и т.д.). Все эти примеры показывают, что этнос есть результат зеркально отраженной ксенофобии и процедур «чистки», фабрикации в целях определенных корпоративных интересов. Суть от этого не меняется: «в идеологическом плане теории, доказывающие существование этносов, есть лишь модернизированные или эвфемизированные по своему словарю формы теорий, утверждающих существование рас. В некоторых современных течениях эта эвфемизация прошла дополнительный этап: чтобы облагородить стремление к сегрегации, они выдают себя порой за сторонников доктрины культурной самобытности групп, которым воздают хвалу, называя их сообществами» (Кола Доминик, 2001) [46].

Резюмируя, надо отметить, что нынешнее мифотворчество относительно наций непредсказуемо опасно для человечества.

В-пятых, в современном обществе существует реальная альтернатива понятию «нация» (которому и по форме и по содержанию отводится место, связанное с государственным устройством). Нет наций, а есть определенного рода социальные общности:

1. Религиозные – мусульмане, евреи, христиане и т.д..
2. Государственные – граждане любого государства.
3. Профессиональные – врачи, инженеры, госслужащие.
4. Живущие за пределами своей малой родины – диаспоры, иммигранты.
5. Лингвистические – по языку.
6. Территориальные, земельные (локальные, мировые).
7. По образу жизни, существования – цыгане.
8. Кровнородственные, семейно-родовые, клановые, тейповые и т.д..
9. Общего исторического прошлого – мы из шумеров, ассирийцев, скифов, алан и т.д..
10. Мафиозные.
11. Расовые.
12. Классовые.
13. Партийные.
14. Возрастные (молодежь, люди среднего возраста, старики).
15. По полу – мужчины и женщины.
16. Исторические – деды, роды, племена, народы.
17. По интересам – клубы, ассоциации, общества и т.д.

Эти общности существуют реально. Они отображают реальный состав населения Земли. Одни из них сильнее, другие слабее, одни малочисленные, другие – большие; это база для мифа «нация». В основании каждого из них – реальный признак. Но такого признака, который отвечал бы социальной системе – нации – в целом нет.

Единственная реальная нация – земляне и главный интегратор человечества – пространство Земли. Есть лишь два уровня населения планеты: человек и человечество. Все, что можно придумать между ними, способно породить насилие и конфликты, ненависть и вражду.

В-шестых, в мировой науке давно все национальные лексемы давно используются исключительно в гражданско-политическом контексте: национальность как гражданство, национальная политика – как политика государственных интересов, межнациональные отношения – как межгосударственный вид отношений, родной язык — как первый выученный язык и т.д.

В-седьмых, человечество обязано реагировать на вызовы техногенной цивилизации (включая экологические, демографические проблемы) интегральным, согласованным образом, в котором национальный вопрос фактически должен супрессироваться и отходить на задний план. Научно-технический прогресс трансформирует традиционные культуры, преобразуя в приоритетные целевые установки, заменяя их новыми мировоззренческими доминантами. Постепенно формируется и новая матрица техногенной цивилизации, алгоритма ускоряющегося развития как всего общества, так и конкретной общности.

Техногенная цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. Поэтому в ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций, лишь некоторые из которых могут реализовываться в сегодняшней действительности, а остальные предстают как возможные программы будущей жизнедеятельности, адресованные грядущим поколениям.

В культуре техногенных обществ всегда можно обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям. Но в реальной жизнедеятельности общества они могут не играть определяющей роли, оставаясь как бы на периферии общественного сознания и не приводя в движение массы людей. Таковыми пока являются идеи интеграции, которые еще не стали составляющей «генетического кода» современной культуры и цивилизации.

Процессы интеграции легче всего протекают на микроуровне, в корпоративной группе, семье, между сходными корпорациями и т.д. Макроуровень интеграции – это отдельные государства и затем – неизбежные объединительные процессы на мегауровне, общепланетарной интеграции. Именно на этих стадиях разворачивается постепенно коллективный разум, который активизируется талантливыми людьми – пассионариями, лидерами, акторами и т.д.

Это означает не исчезновение локального непосредственного жизненного мира, в котором протекает повседневная жизнь, напротив, локальное становится ареной, на которой концентрируется многообразие глобально опосредованных влияний, воплощаясь – через активное воспроизведение в социальной практике, – в новой комбинации глобальной и локальной культур.

* *

*

На фоне приведенных заключений необходимо обсудить ряд взаимосвязанных проблем. Из них на первый план выходит вопрос о месте и значении России как субъекта мировой цивилизации в общей картине современного мира.

Россия представляет собой что-то вроде долгодействующего плавильного котла, где соединяются воедино народы Европы и Азии. Это конгломерат, спаявший в себе иранско-эллинско-древнегерманско-славянско-финно-угорско-татаро-тюркско-монгольские элементы в новую антропологическую величину на макроуровне. Национальный фактор в столь многонациональном государстве не может становиться знаменем отдельных этнокультурных элементов или образований.

Российское государство еще тысячу лет назад переросло понятие моноэтничность и в процессе развития создало неповторимую социальную общность, не имеющую прецедентов в истории. Как образно и точно говорилось в Своде законов Российской империи: «Российское Государство есть правовое единство, священное, исторически преемственное, властное и действенное... Российское Государство едино и нераздельно. Оно имеет единый состав граждан, определяемый законом; единую, законом очерченную территорию, единую государственную власть...» [80].

Российская общность продолжает мутировать и искать свое место в меняющемся социуме. Наши политики ведут себя традиционно – они стоят на страже государственных интересов, хотя понимают, что мир уже не тот. И он требует принципиально иных подходов к решению проблем, которые из национальных и региональных легко трансформируются в общечеловеческие. Предстоит не только философам, но и всем политикам, ученым научиться мыслить категориями, отражающими интересы человеческого сообщества как целостно-системного, с позиций всеобщего и вечного.

Безусловно, очень трудно перешагнуть через то, к чему многие так привыкли и чем гордились – через свой этнос, его традиции и оригинальность. Но это – историческая необходимость.

Наши предки оставили нам, потомкам, некогда великое единое государство с уникальными принципами совместной жизни и деятельности. Сохранить это единство – значит сделать еще один шаг по пути к всемирному человечеству.

Перед российским государством ныне стоит задача удержания всего лучшего, накопленного в ходе исторического развития. При этом требуется адаптация к мировым условиям. Традиционное противостояние России Западу не может стать инструментом будущего. Оппоненты и недруги России любят предрекать ей гибель как историческую необходимость согласно предшествующей эволюции государств и народов, когда разрушались великие империи.

От руководителей государства и общества в целом потребуются огромное самообладание, мудрость и умение находить компромиссы в сложном, меняющемся современном мире.

Делать прогнозы – всегда занятие неблагодарное, тем более на такую сложную тему, как социальное обустройство в будущем всего человечества. Апокалиптические картины не должны быть предметом научного анализа. Физические и космологические аспекты (тепловая смерть, астероидный пояс и т.д.) также исключаются из поля зрения

книги на гуманитарную тему. Мысли русских космистов (К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров) о переселении на другие планеты, по-видимому, еще не актуальны для человечества. Нострадамус, а тем более прорицатели вряд ли заслуживают внимания. Возможно, не будет неуместным привести парадоксальные высказывания выдающихся людей. Так, довольно мрачный прогноз был дан Робертом Оппенгеймером (изобретателем атомной бомбы) который в ответе на вопрос, каково будущее человечества, ответил: «Каннибализм». Можно понять и объяснить логику человека, создавшего античеловеческое средство уничтожения. Но такой подход не может быть использован в социологическом исследовании.

Вернемся к идее о неотвратимости гибели крупных государств (империй). Она прогностически не тешит самолюбие патриотов России, исповедующих великодержавные принципы. То, что она импонирует противнику, вполне естественно. Другое дело, как должны себя вести россияне в этой ситуации. Наш соотечественник Л.Н. Гумилев развивал концепцию пассионарности, то есть периода концентрации сил и наивысшего расцвета той или иной нации, после которого с неизбежностью следует закат. Есть также ряд других научных обобщений и высказываний на этот счет.

Однако жизнь настолько многофакторна и непредсказуема, что не следует тратить много сил на доказательства той или иной теории, особенно в области социологии и политологии. В том-то и дело, что Российская империя – это особое образование, не совсем понятное даже самим ее гражданам, а тем более – лицам со стороны, даже использующим научные методы.

Как уже подчеркивалось, в условиях нарастания этнорелигиозных конфликтов, экстремизма и терроризма в масштабах всего мира Россия (в случае умелого преодоления определенных трудностей постсоциалистического переустройства) может стать эталоном разрешения так называемого национального вопроса на уровне XXI века.

Немаловажен в данном случае вопрос о том, как смогут конвергировать и стать комплементарными разнообразные системы общественного, в том числе и национального, устройства различных государств. Утопические, уравнилельные модели государств всеобщего благоденствия вряд ли могут быть предметом целеполагания. Какие варианты может избрать человечество методом консенсуса и учета многообразия составных элементов? Будут ли это всеобщая безнациональная популяция, или гетерогенный набор этнокультурных малых государств в мировой системе федераций, ассоциаций или единой структуры, или простая модификация нынешнего статус кво с учетом явлений глобализации?

По-видимому, на нынешнем уровне знаний не найдется специалистов, способных предложить оптимальный, устраивающий всех вариант. В самом деле, как совместить либеральные ценности Запада с коммунистически-общинным укладом Китая или со специфической общественной структурой России, не говоря уже о странах с фундаментальным исламизмом или таких своеобразных государствах, как Индия, Иран, Япония, Индонезия и т.д.

Есть ряд методов, которые предлагают использовать комплексные подходы при рассмотрении сложных социологических вопросов. Это например, так называемый мир-системный подход (А.Г. Франк, И. Валлерстайн) [22, 119, 130]. В нем предлагается

рассматривать надгосударственный уровень в социологии как наиболее адекватный сложности и многокомпонентности планетарных задач.

Ясно одно, в будущем мироустройстве без России как таковой – мощного многонационального государства, носителя уникального исторического опыта – не обойтись при всеобъемлющем системном решении данного вопроса.

ГЛОССАРИЙ

АККУЛЬТУРАЦИЯ – восприятие и усвоение группой этнического меньшинства культуры доминирующего большинства, не сопровождающиеся при этом утратой собственной идентичности (Ср. с АССИМИЛЯЦИЕЙ).

АЛЛОЦЕНТРИЗМ (от греч. «allos» – «другой» + «центризм» – «политическое движение» от лат. «centrum» – «центр круга», «средоточия») – термин, служащий для обозначения типа личности, ориентированный на других людей. Иногда на русский язык переводится как, «оллоцентризм» (в виде транслитерации с англ.). Отличен от понятия коллективизма (Ср. с ИДИОЦЕНТРИЗМОМ).

АНТРОПОЛОГИЯ (греч. «антропос» – «человек» + «логос» – «слово», «учение»), – наука о человеке. Фактически представляет собой систему наук, отличающихся методами, но имеющих один и тот же предмет – происхождение человека как высшего существа.

АНТРОПОГЕНЕТИКА – специальное направление генетики человека, биологии человека и антропологии, основанное на применении подходов и методов генетики к исследованиям современных и древних популяций человека. Включает в себя такие направления, как популяционная генетика человека, генетика поведения, цитогенетика, иммуногенетика, медицинская генетика, фармакогенетика, молекулярная генетика, и др. (См. АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ).

АНТРОПОГЕОБИОЦЕНОЗ (от греч. «антропос» – «человек» + «гео» – «земля» + «биос» – «жизнь» + «койнос» – «общий») – сложная функционирующая экосистема, состоящая из совокупности всех биологических видов, включая человека, обитающих на определенной территории, а также минеральные ресурсы.

АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ (ГЕНЕТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ) – формирующееся новое научное направление, ставящее своей задачей применение генетических методов для изучения истории развития человечества, включая проблему переселения народов, миграции и др. (См. ГЕНОГЕОГРАФИЯ).

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ – концепция верховенства человека в планетарном масштабе, подчинения и эксплуатации человеком биологических и минеральных ресурсов.

АССИМИЛЯЦИЯ (от лат. «assimilatio» – «подражание», «уподобление», «сходство») – процесс усвоения группой этнического меньшинства культуры доминирующего большинства, сопровождающийся утратой собственной идентичности (этнической принадлежности), то есть по сути растворение самостоятельного этноса или какой-то его части в среде другого, обычно более крупного народа. Ассимиляция бывает *естественная* (добровольная) – происходит при контакте этнически разнородных групп

населения, смешанных браках и т.п.; и *насильственная* – насаждается с помощью принуждения, дискриминации (Ср. с АККУЛЬТУРАЦИЕЙ).

АФИЛИАЦИЯ – взаимное притяжение (симпатия) особей одного вида, группы, семьи друг к другу.

БИОПОЛИТИКА (от греч. «bios» – «жизнь» + «политика») – совокупность всех приложений биологии к политической сфере. Термин введен в употребление в 1964 г. Линтоном Колдвеллом. В настоящее время биополитика как самостоятельное научно-практическое направление определило собственную предметную область, выработало понятийный аппарат и язык, создало образовательные программы.

БИОСОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА – объединение лиц, характеризующиеся афiliationей и кооперацией.

БИОЭТИКА – принципы отношения ко всему живому и его среде обитания.

ГЕНОГЕОГРАФИЯ – исследование распространения характерных гаплогрупп ДНК и других характерных генетических признаков живых организмов и человека по различным географическим районам Земли. Понятие геногеографии введено в 1928 г. А.С. Серебровским. Включает в себя картографический анализ распространения генетических маркеров (гаплогрупп) в населении крупных регионов и изучение ряда конкретных популяций. С 2005 г. реализуется международный проект «Геногеография» с целью составления детального генетического атласа народов мира и изучения древних миграций людей. (См. АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ).

ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА – совокупность всех генов организма человека, его полный хромосомный набор. Хромосомы содержат около 3 млрд. пар оснований нуклеотидов ДНК, в которых содержится 20–25 тыс. генов. В течение 1990–2005 гг. был выполнен международный проект «Геном человека», в результате которого была установлена полная структура генома конкретного индивида. Знания о геноме человека открывают новые перспективы для фундаментальных и прикладных наук.

ГЕОПОЛИТИКА (от греч. «geo» – «земля» + «политика») – наука о контроле над пространством. Термин введен шведским географом Рудольфом Челленом в начале XX века, после выхода его книги «Государство как организм» в 1916 г. Данное понятие особенно актуально в современном мире в связи с идеями биполярности, монополярности и глобализма.

ГЛОБАЛИЗМ (от лат. «globus» – «шар») – принцип подхода в теории и политике к формированию, организации, функционированию и развитию мира как целостной экономической, социокультурной и политической суперсистемы. Согласно концепции глобализма, современное человечество рассматривается не как простая сумма, совокупность более или менее обособленных стран и народов, а как единое целое,

принципиально новая всемирная, глобальная система, все структурные элементы которой находятся в теснейшей и неуклонно углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости. Ее адептами являются Э. Тоффлер, З. Бжезинский, К. Боулдинг, С. Мендловиц, Э. Ласло и др.

ГЛОКАЛИЗМ – неологизм, произошедший от сращения корней: лат. «globalis» – «глобальный», «всемирный» и лат. «localis» – «локальный», «местный». Означает собой понятие, соединяющее глобальное с локальным, всемирные центры с периферией, то есть имеющее в себе признаки глобального и локального. Термином «глокальный» называют события среднего масштаба, выходящие за рамки региона, однако не достигающие до всемирного уровня (например, война 1991 года в Персидском заливе). В мировоззренческом смысле – это идея единства макро- и микрокосма. В политическом плане – это тенденция к размыванию политических структур уровня национального государства и созданию надгосударственных образований.

ГОСУДАРСТВО – 1) в теории права определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся на средства и меры принуждения. Как управляющая обществом система обладает внутренней структурой, имеет специальные органы для реализации своих полномочий – механизм государства, его аппарат; 2) понятие, под которым в конституционном праве подразумевается совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и др.), действующих в масштабе страны или субъекта федерации (иной территориально-политической единицы) с местными агентами (представителями) этих органов (префектами, комиссарами и т.д.). 3) как субъект международного права – основной участник международных отношений. Включает как политическую организацию власти и население с определенной территорией. Основным характеризующим качеством является суверенитет.

ГОСУДАРСТВО АССОЦИИРОВАННОЕ – свободно присоединившееся государство; понятие, используемое для обозначения особой формы межгосударственных (а по сути нередко внутригосударственных) отношений. Обычно под ассоциированным государством понимается таковое, добровольно передавшее другому государству часть своего суверенитета (чаще всего полномочия по обороне, внешнеполитическим связям, организации денежного обращения). Примером может считаться Пуэрто-Рико, которое фактически является колонией США.

ГОСУДАРСТВО КЛЕРИКАЛЬНОЕ – форма организации государственной власти, при которой церковная иерархия через законодательно установленные институты определяющим образом влияет на политику государства и все сферы общественной жизни. Примером клерикального государства является Исламская Республика Иран, где помимо светских органов (парламент, президент, правительство) и над ними существует пожизненный руководитель государства, официально являющийся главным духовным и политическим лидером страны.

ГОСУДАРСТВО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ (ПОЛИЭТНИЧНОЕ) – государство, в состав которого входят несколько наций, национальностей или этнических общностей. Этот тип государства крайне распространен в современном мироустройстве. Данное положение закреплено конституционными нормами.

ГОСУДАРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЕ – характеристика конституционно-правового статуса государства, означающая, что оно является формой самоопределения конкретной нации (в этнокультурном смысле слова), выражает, прежде всего, волю именно этой нации. Положение о национальном характере государства содержится, например, в ст. 1 Конституции Румынии.

ГОСУДАРСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКОЕ (от греч. «теос» – «бог», «кратос» – «власть») – особая форма организации государственной власти, при которой она полностью или большей частью принадлежит церковной иерархии. В настоящее время примером теократического государства является Государство-город Ватикан, представляющий собой абсолютную теократическую монархию. Законодательная, исполнительная и судебная власть в Ватикане принадлежат Папе римскому, пожизненно избираемому коллегией кардиналов.

ДЕПОРТАЦИЯ – процесс принудительного перемещения населения по таким причинам, как угроза военных действий, природные катастрофы, ядерные испытания или террористические акты, а также под предлогом того, что деятельность того или иного народа приносит вред стране.

ДИАСПОРА (от греч. «диаспора» – «рассеяние») – представители одной национальности, живущие вне страны своего происхождения, вне исторической родины и являющиеся этническим меньшинством, входящим в состав государства или общественной структуры.

ДИСКРИМИНАЦИЯ – та или иная форма подчинения или негативного отношения к отдельным лицам или группам, означает любое различие, исключение или предпочтение, которое отрицает или умаляет равное осуществление прав.

ДИСПЕРСИЗАЦИЯ – отделение от этноса отдельной части, ставшей не этносом, а этнической группой материнского этноса.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКАЯ – процесс сознания человеком своей принадлежности к этнической группе, проявляющийся в его собственной концепции «я» в отношениях с другими.

ИДИОЦЕНТРИЗМ (от греч. «idios» — «своеобразный», «необычный» + «центризм» – «политическое движение») – понятие обозначающее тип личности, ориентированный на себя (сходное, но не эквивалентное ЭГОЦЕНТРИЗМУ). Термин

также отличен от индивидуализма. Наиболее употребим в англоязычной психологии (Ср. ОЛЛОЦЕНТРИЗМ).

ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ (или **МЫШЛЕНИЕ**) – термин, характеризующий мировоззрение представителей крупных государственных объединений (империй, больших государств), отличительными особенностями которого является идея превосходства над другими, меньшими по масштабам государствами и этносами, базирующаяся на исключительных успехах собственного народа в государственном, военном и культурном строительстве.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ (ИЭО) – географический регион, в котором живут связанные друг с другом общностью исторического и культурного развития народы.

КОНСОЛИДАЦИЯ (позднелат. «consolidatio», от «consolido» – «укрепляю») – объединение, сплочение, слияние относительно самостоятельных народов и их крупных подразделений, обычно родственных по языку и культуре, в единую этническую общность. Делится на *межэтническую консолидацию* (слияние нескольких ранее самостоятельных, но родственных по языку и культуре народов в единый новый, более крупный) и *внутриэтническую консолидацию* (внутреннее сплочение этноса путем сглаживания различий между имеющимися внутри него группами).

КООПЕРАЦИЯ – объединения и взаимодействие двух или более особей ради выполнения конкретной задачи.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ – выработанная международным сообществом доктрина, обозначающая процесс изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений. Концепция исторически возникла в 70-е годы XX века как экологическое движение в виде инициатив неправительственных организаций (Римский клуб и др.). Затем (1972 г.) оно было поддержано ООН в рамках Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В настоящее время концепция устойчивого развития представляет собой модель развития цивилизации, которая исходит из необходимости обеспечить мировой баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды. Сам термин «устойчивое развитие» введен в докладе «Наше общее будущее», представленном в 1987 г. Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию. Им обозначалась такая модель развития общества, при которой удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается не за счет лишения такой возможности будущих поколений. На Конференции ООН по окружающей среде и развитию (КОСР) в 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Декларация, в которой провозглашены обязательства

государств по основным принципам достижения современной цивилизацией устойчивого развития.

КОНФЛИКТОЛОГИЯ – наука о закономерностях зарождения, возникновения, развития, завершения конфликтов любого уровня. Исследует столкновения противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия. Субъектом конфликтного взаимодействия может быть либо отдельный человек, либо группы лиц.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ (син. аборигены, автохтоны, туземцы) – исконное население территории, на которой проживали их предки, обладающее самоидентификацией и идентификацией другими, определенной культурой, родным языком, отличным от государственного, особыми социальными и политическими институтами, сохранившее традиционные системы жизнеобеспечения, особые формы хозяйственной деятельности, например, охота, скотоводство (кочевое скотоводство исключается), имеющее отдельных представителей, исповедующих древние религии (родноверие и т. д.). Часто представители этих народов живут в труднодоступных местах или в горной местности (см. **КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ**)

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ – по законодательству РФ народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в РФ менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Единый перечень коренных малочисленных народов РФ утверждается Правительством РФ по представлению органов государственной власти субъектов РФ, на территориях которых проживают эти народы. В РФ действует специальное законодательство, направленное на обеспечение гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов, в том числе ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 г. и ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20.07.2000 г.

КОСМИЗМ (от греч. «космос» – «организованный мир») — философское мировоззрение, в основе которого лежит знание о космосе и представление о человеке как частице вселенной. Доктрина восходит к древнегреческим философам. В религиозных системах космизм является неотъемлемой частью теологии. В научных построениях мира служит предметом теорий происхождения и эволюции вселенной (Кант – Лаплас, теория расширения вселенной Фридмана, теория взрыва Гамова и др.). В развитие представлений о космизме большой вклад внесли российские ученые: Н.А. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский).

КСЕНОФОБИЯ – (от греч. «ксенос» – «чужой», «фобос» – «страх») – отрицательное отношение к чужой группе (национальной, племенной) и отдельным ее членам. Лежит в основе межнациональных конфликтов.

КУЛЬТУРА (от лат. «cultura»; корневое слово от корня «colere» – «возделывать») – обобщенное понятие для форм и продуктов жизнедеятельности человека и человечества в целом, созданных в ходе эволюции. Культура характеризуется системой норм, нравственных, моральных и материальных ценностей, образа жизни и поведения, умений, знаний, навыков, обычаев, традиций. Нередко словом «культура» называют конкретную историческую эпоху (например, «Культура Древней Греции»). В современном употреблении может обозначать сферу деятельности: массовая культура, культура общения и т.д.

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ – совокупность личностных идейных и морально-политических установок, социально-нравственных ценностей, норм и требований, правил, привычек, осуществление которых обеспечивает мир, согласие, стабильность, сотрудничество в сфере межнациональных отношений.

МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ (см. **КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ**).

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ – термин, обозначающий тип общественного сознания, характеризующийся концентрированным выражением интересов подавляющего большинства общества. Отличается лабильностью, неустойчивостью, сменой стереотипов. Может быть объектом целенаправленного воздействия с позитивным или отрицательным вектором.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – взаимодействие (обычно внутри государства) нескольких существенно различающихся по языку и культуре этносов, которое приводит к появлению у них ряда общих черт, в том числе элементов общего самосознания, иначе говоря, к возникновению метаэтнической общности.

МЕЖГРУППОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – раздел социальной психологии, изучающий механизмы взаимоотношений между группами индивидов. (см. **МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ – общение между представителями различных человеческих культур (личные контакты между людьми, реже — опосредованные формы коммуникации (такие, как письмо) и массовая коммуникация). Особенности межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне и в рамках таких наук, как культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, социология, каждая из которых использует свои подходы к их изучению.

Введение термина связывают с именем американского антрополога Э.Т. Холла (50-е годы XX века).

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – система установок, ожиданий, стереотипов, ориентации, через которые люди воспринимают и оценивают друг друга. Межличностные отношения – субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. Базовая категория социальной психологии, являющаяся промежуточной между самоидентификацией и поведением личности и психологией малых групп.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ МИКСАЦИЯ (от лат. «mixatio» – «смешение») – взаимодействие народов, не связанных родством, в ходе которого возникает новый этнос.

МЕЗОСТРУКТУРА ЭТНОСА – специальный термин, применяемый в антропологии. Обозначает собой основной элемент внутренней структуры этноса, наряду с микро- и макроструктурой. Это – средние по размеру группы и квазигруппы (круги общения), например, территориальные общины, религиозные объединения и др. Считается базой, составляющей культуру этноса.

МЕТИСАЦИЯ (от позднелат. «mixticius» – «смешанный») – в широком значении: физическое смешение различных популяций, принадлежащих как к одному, так и разным этносам или расам.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ – социальное явление, заключающееся, как правило, в массовом перемещении континентов лиц, нередко объединенных по национальному признаку. В настоящее время приобрело широкое распространение в масштабах отдельных государств в связи с процессами глобализации и нарастанием социально-политических противоречий на определенных территориях. Миграция как элемент социальной среды, воздействующий на политическую систему, деструктурирует сложившиеся политические и социальные образования, становясь источником социальной и межнациональной напряженности.

МИР-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД (или АНАЛИЗ) – социологический подход, характеризующийся интегральным анализом социальных систем в целом, в масштабе всего мира. Подход разработан в 1970-е гг. А.Г. Франком, И. Валлерстайном и др. Согласно наиболее распространенной концепции мир-системного подхода И. Валерстайна, мир-системы делится на три типа: мини системы, мир-экономики, мир-империи. Вариант А.Г. Франка, в противоположность идее множественности мир-систем, выдвигает понятие единой мир-системы, возникшей тысячелетия назад и в результате развития охватившей весь мир. А.Г. Франк полагает, что в процессе эволюции центр мир-

системы перемещается, многие века находившись в Китае, а затем переместившись в Европу и Северную Америку (ученый считает это перемещение временным и прогнозирует возвращение центра на прежнее место в Китай).

НАРОД – сообщество с единой историей, языком, одинаковыми культурными характеристиками, члены которого разделяют идею, что они связаны друг с другом и что они отличаются от других групп своим своеобразием.

НАЦИОНАЛИЗМ – идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, проявление психологии национальной исключительности, превосходства, антагонизма.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ – определение, характеризующее нацию (см. НАЦИЯ).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – понятие, утвердившееся в общественных науках в середине XX столетия. Введено для обозначения социально-культурных аспектов нации с целью «гомогенизировать» население страны, сделать его однородным, пропитать общими интересами и представлениями.

НАЦИОНАЛЬНОЕ (или ЭТНИЧЕСКОЕ) МЕНЬШИНСТВО – представители этнической группы, компактно проживающей на территории какого-нибудь государства, которые являются его гражданами, но не принадлежат к коренной национальности и осознают себя национальной общиной.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (см. ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ).

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности. Феномен национального самосознания в форме этнической мифологии возникает на ранних ступенях человеческой истории. Его основная функция заключается в создании ментального и социально-политического единства этнических образований. Национальное самосознание является очень сложным интеллектуальным продуктом. В его структуру входят элементы бессознательного, включая различные архетипы и стереотипы. Подобное сознание хранит массу традиционных элементов и переживаний.

НАЦИЯ – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика.

НООСФЕРА (от греч. «ноус» – «разум» и «сфера» – «шар») – часть планеты и околопланетного пространства, которая несет на себе печать разумной деятельности человека. Ноосфера – это высшая стадия развития биосферы, связанная с возникновением и становлением в ней человечества, когда его разумная деятельность становится главным определяющим фактором всего планетарного развития. Учение о ноосфере разработано отечественным ученым В.И. Вернадским, а также французским исследователем П.Т. де Шарденом.

ОБЩЕСТВО – многозначное понятие, используемое для определения как социальных систем различного уровня, так и объединений людей, имеющих общность происхождения, положения, интересов и целей. В широком смысле общество означает обособившуюся от природы часть материального мира, совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей – социум. В более узком смысле общество есть сложная социальная система, основным элементом которой являются люди с их связями, взаимодействием и отношениями. Общество – основополагающая категория философии и социологии. Философско-теоретический анализ общества возможен только на базе исследования его идеальной модели. На протяжении всей истории человечества происходил постоянный поиск этой модели и попытки ее описать. Общество – система экономических, политических и духовных взаимодействий различных социальных субъектов (индивидов, групп, институтов).

ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОЕ – термин, введенный Карлом Поппером в 40-х гг. XX века (в противоположность открытому обществу). Закрытое общество опирается на идеологии, базирующиеся на вере, что, согласно К. Попперу, не подлежит эмпирической проверке: социализм, клерикальные общества (Ср. **ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОЕ**).

ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОЕ – термин, предложенный Карлом Поппером в 40-х гг. XX века (в противоположность закрытому обществу) Согласно его определению, открытое общество представляет собой образец современных западных обществ, идеология которых доступна эмпирической проверке. Последнее утверждение не совсем бесспорно (Ср. **ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОЕ**).

ПАРЦИАЦИЯ (от лат. «partialis» – «частичный») – разделение на части, разъединение; разделение единого прежде этноса на несколько более или менее равных частей, при котором ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом.

ПАТЕРНАЛИЗМ (от лат. «pater» – «отец») – в узком смысле слово означает «покровительство» старшего по отношению к младшим. В зависимости от контекста приобретает самостоятельное значение: 1) в трудовых отношениях – это система дополнительных льгот, субсидий и выплат на предприятиях за счет предпринимателей с целью закрепления кадров, повышения производительности, смягчения напряжения; 2) в международных отношениях — опека крупных государств над более слабыми странами,

колониями, подопечными территориями; 3) во внутригосударственных отношениях – политика государства в отношении своих граждан, направленная на всестороннее развитие и благополучие всех граждан (отличается от социализма акцентом на отдельную личность, а не общество в целом).

ПАТРИОТИЗМ (от греч. «патриос» – «отечество») – любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость за достижения и культуру своей родины, и идентификация себя с другими соотечественниками, желание сохранять и защищать достояние и интересы родины. Чувство патриотизма возникает в процессе исторического развития обособленных государств, на протяжении которого формируется привязанность к родной земле, языку, традициям. При образовании наций и национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания.

ПАТРИОТИЗМ РАЦИОНАЛЬНЫЙ – идеологический принцип, формирующийся внутри этнической (конфессиональной) группы, за счет которого повышается эффективность взаимодействия, соблюдения взаимных обязательств и социального равновесия по сравнению с обществом вне границ группы.

ПЛЕМЯ – первая этническая общность в истории человечества, возникшая после эпохи первобытного стада в доклассовом обществе, обладавшая наибольшей устойчивостью и, четким единством входивших в него членов по происхождению, культуре, языку и историческим судьбам. Племя можно назвать естественноисторической общностью.

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – в конституционном и международном праве – право народов (наций) определять форму своего государственного существования в составе другого государства или в виде отдельного государства. В общем смысле, это право той или иной группы людей (не обязательно объединенных по этническому принципу) на коллективный выбор своей общей судьбы. В современной истории нередко становится причиной возникновения межнациональных конфликтов.

ПСИХОГЕНЕТИКА – раздел психологии, применяющий генетические методы. Предметом психогенетики является взаимодействие наследственности и среды в формировании межиндивидуальной вариантности психологических свойств человека. Основными методами психогенетики являются: популяционный, генеалогический, метод приемных детей и метод близнецов.

РАСА – большая популяция человеческих индивидов, обладающих генетической общностью и которую можно отличить от других рас по общим для нее генам.

РОД – термин, употребляемый для обозначения разнообразных родственных объединений, члены которых ведут своё происхождение от единого предка и которые типичны для доиндустриальных обществ.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ – процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления о себе как о самоидентифицированной, цельной и уникальной личности. Самоидентификация, рассматриваемая применительно к государству, свидетельствует о процессах интеграции внутри общества, связанных с политико-экономическим и национально-культурным самоопределением того или иного народа или нации.

СЕПАРАТИЗМ (галлицизм от лат. «separatus» – «отдельный») – стремление к отделению, обособлению; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии.

СЕПАРАЦИЯ (от лат. «separatio» – «отделение») – отделение от народа его части (обычно сравнительно небольшой), которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Если при этнической парциации исходный этнос фактически прекращает свое существование, то при этнической сепарации он сохраняется.

СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА – биосоциальная система, а в человеческом обществе – организация, построенная на принципах децентрализованной иерархии и частичного лидерства, специализации индивидов в составе этой системы.

СОЦИУМ (лат. «socium» – «общество») (см. ОБЩЕСТВО).

СУПЕРЭТНОС (супер + греч. «этнос» – «народ») – группа компактно проживающих этносов, совместно образующих общество или цивилизацию.

ТЕОРИЯ ЭЛИТ – социологическая концепция, согласно которой функцию управления обществом должны выполнять избранные, лучшие из лучших. По классическим установкам греческой философии, ими могут быть аристократы. В современном виде теория элит сформирована в конце XIX – начале XX вв. в работах итальянских мыслителей Гаэтано Моска (1858–1941), Вильфреда Парето (1848–1923) и немецкого социолога Роберта Михельса (1878–1936). Г. Моска в работе «Правящий класс» утверждал, что во всех обществах существуют два класса: класс управляющих (элиты) и класс управляемых. Правящий класс является малочисленным, он монополизирует власть и осуществляет управленческие функции. Господство меньшинства предопределено тем, что это – господство организованного меньшинства над инертным, неорганизованным большинством. Согласно теории «циркуляции элит» В. Парето, введшего в политологию термин «элита», все общества делятся на управляющих (элиту) и управляемых. В элите он выделял два главных типа, последовательно сменяющих друг друга: элиту «львов» и элиту «лис». Для «львов» характерно использование силовых методов правления, консерватизм. «Лисы» предпочитают поддерживать свою власть пропагандой, они мастера политико-

финансовых комбинаций, обмана, хитрости, изворотливости. Р. Михельсом предложен «железный закон олигархических тенденций». Суть этого закона состоит в том, что развитие общества сопровождается формированием крупных организаций. Руководство такими организациями не может осуществляться всеми ее членами. Для эффективного функционирования организациям (в том числе и политическим партиям) требуется создание системы иерархически организованного управления, которое приводит в конечном счете к концентрации власти в руках правящего ядра и аппарата.

ТЕРРОРИЗМ – идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (согласно определению, сформулированному в ФЗ от 06.03.2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

ТИТУЛЬНАЯ НАЦИЯ – часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства (ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г.).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ (от лат. «tolerantia» – «терпение») – в гуманитарной сфере обозначает терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Данное понятие в настоящее время активно разрабатывается во многих странах в связи с ростом национального самосознания и возникновением межнациональных конфликтов. В естественных науках имеет разные значения, основанные на семантической сущности (иммунологическая толерантность, толерантность к наркотикам и т.д.)

ФЕДЕРАЛИЗМ (фр. «federalisme») – 1) одна из двух форм территориальной организации государства, предполагающая его сложный, союзный характер; 2) с 1992 г. – одна из основ конституционного строя РФ, основополагающий принцип государственно-территориального устройства РФ, за счет которого обеспечиваются единство страны, децентрализация власти на основе разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, а также равноправие и самоопределение народов в составе Федерации; 3) политическое движение за федеративное устройство.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД – один из методов изучения истории. Существует несколько вариантов цивилизационного подхода: 1) понятие «цивилизация» совпадает с индустриальной стадией развития; 2) вместо понятия «цивилизация» вводится понятие «культурно - исторический тип»; 3) понятие «цивилизация» является основной типологической единицей истории. Принципы и подходы в изучении истории при помощи понятия «цивилизация» разработаны английским историком, философом и социологом А.Д. Тойнби.

ШОВИНИЗМ – крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть. Слово происходит от собственного «Chauvin Nicolas» – французский солдат эпохи революции и наполеоновских войн, отличавшийся чрезмерным патриотизмом.

ЭТАТИЗМ (от фр. «l'etat» – «государство») – мировоззрение и идеология, абсолютизирующие роль государства в обществе и пропагандирующая максимальное подчинение интересов личностей и групп интересам государства, которое предполагается стоящим над обществом; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни. Доктрина этатизма присуща тоталитарным государствам и авторитарным режимам.

ЭТНОГЕНЕЗ (от греч. «этнос» – «народ» и «генезис» – «происхождение») – раздел этнической истории. Обозначает процесс организации этнической общности (этнуса) на базе различных этнических компонентов. Этногенез представляет собой начальный этап этнической истории. По его завершении может происходить включение в сложившийся этнос других ассимилируемых им групп, дробление и выделение новых этнических групп.

ЭТНОГЕНОМИКА – новое научное направление, изучающая связь геномной организации с этническими особенностями популяции (См. ГЕНОГЕОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ).

ЭТНОГРАФИЯ (от греч. «этнос» – «народ» и «графо» – «пишу») – раздел истории, изучающий культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, а также проблемы происхождения, культурно-исторических взаимоотношений этих народов, их расселения и миграции.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ – термин для обозначения взаимоотношений национальных и религиозных факторов в процессе общественного развития.

ЭТНОКРАТИЯ (от греч. «этнос» — «народ» + «кратос» – «власть») – общественный строй, при котором власть принадлежит элите, сформированной из представителей одного народа по национальному признаку.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ – своеобразное понятие, характеризующее специфические особенности того или иного этноса в культурной сфере.

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ – междисциплинарная отрасль, изучающая развитие этнокультурных отношений в системе социально-политических процессов, влияние этнического фактора на политическую власть и правовые нормы.

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ – междисциплинарная отрасль знания, изучающая этнокультурные особенности психики людей, психологические характеристики этносов, а также психологические аспекты межэтнических отношений.

ЭТНОС (греч. «этнос» – «народ») – устойчивая общность людей, культурно-историческая группа, члены которой первоначально объединились общностью происхождения, языка, территории, экономической жизни, а со временем и духовно на почве общей культуры, исторических традиций, социально-политических взглядов.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ – научное направление в социологии, изучающее сущность, общие закономерности развития и функционирования этнических общностей, взаимоотношения между ними и разрабатывающее методологические основы их исследования.

ЭТНОСФЕРА – термин, использовавшийся Л.Н. Гумилевым, для обозначения и исследования проблемы этноса во всей ее совокупности.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ – способ межэтнического восприятия через нормы и ценности собственной этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона. Также обозначает отношение предубеждения или недоверия к другим группам, что нередко ведет к возникновению идеи о превосходстве собственной этнокультурной группы.

ЭТНОЭКОЛОГИЯ (ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА) – междисциплинарная наука, изучающая взаимодействие социальных институтов с био- и геосферой.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Обустройство народа: российская модель. – М.: Славянский диалог, 1999. – С. 15, 18.
2. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». – М., 1991.
3. Абдулатипов Р.Г. Сущность нации – этноса: ответ сторонникам безнационализации. – М., 1999. – С. 13.
4. Абдулатипов Р.Г. Человек, нация, общество. – М., 1991.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон–пресс–Ц; Кучково поле, 2001.
6. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М., и др. Нации и национализм / Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
7. Баграмов Э.А. Национальные вопросы и борьба идей в современном мире. – М., 1982. – С.22
8. Баранов Н.А. Эволюция взгляд на популизм в современной политической науке. – СПб, 2001.
9. Баранов Н.А. Пикалов Г.А. Теория политики. Учебное пособие. В 3 ч. – СПб., 2003. – С. 240.
10. Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–46, 91–104.
11. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. – СПб., 1909.
12. Бегунов Ю.К. Лукашев А.В. 13 теорий демократии. – СПб.: Бизнес–пресса, 2002.
13. Белинский В.Г. Россия до Петра Великого / Собр. соч. Т. 5. – М., 1954–1956. – С. 121.
14. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
15. Бердяев Н.А. Русская идея и судьба России. – М., 1997. – С. 306.
16. Боринская С.А., Хуснутдинова Э.К. Этногеомика: история с географией // Человек. – 2002. – № 1. – С. 19–30.

17. Бочков Н.П. Клиническая генетика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп.– М.: ГЭОТАР–МЕД, 2002. – 448 с.
18. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
19. Бунак В.В. Род Ното. Происхождение и дальнейшая эволюция. – М.: Наука, 1980.
20. Бытие, 11:1
21. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001.
22. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм» / Нации и национализм. – М. Праксис, 2002.
23. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – М., 1997.
24. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. <http://www.hro.org/docs/ilex/un/genom/php>
25. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979.
26. Гаджиев А.Г. Антропология малых популяций Дагестана. – Махачкала, 1971.
27. Гаджиев К.С. Политическая наука: учебное пособие. – М., 1995.
28. Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. / Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М: Прогресс, 1991. – 106 с.
29. Геродот. История. В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановская. – С.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2001.
30. Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 384 с.
31. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли / Под. ред. Жекулина В.С. – Л.: ЛГУ, 1989. – 496 с.
32. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения. – М.: Книга, 1991.
33. Дебец Г.Ф. О принципах классификации человеческих рас. – М., 1988.
34. Декларация о расе и расовых предрассудках 27 ноября 1978. ЮНЕСКО. <http://www.africana.ru/racism/declorations/781127 declarm.htm>

35. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996.
36. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. С. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1978.
37. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект-пресс, 1997.
38. Здравомыслов А. Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? Размышления о книге В. А. Тишкова «Очерки теории и политики этничности в России» // Социологический журнал. 1998. – № 3/4.
39. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Соч. Т. 6. – М., 1967. – С. 562–571.
40. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Соч. Т. 6. – М., 1967. – С. 18.
41. Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества. – М.: Международная программа образования, 1999. – 240 с.
42. Карамзин Н. М. История государства российского. В. 12 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 4.
43. Киреевский И. В. Критика и эстетика. – М.: Наука, 1973. – С. 185, 186, 278, 279.
44. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1987.
45. Книга притчей Соломоновых, 18, 22.
46. Кола Доминик. Политическая социология. – М.: Изд-во «Весь мир», Издательский дом «ИНФРА-М», 2001. – С. 344.
47. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации / Указ Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».
48. Коротеева В. В. Экономические интересы и национализм. – М.: РГГУ, 2000.
49. Коэн С. Цит. по: «Известия», 1993, 23 января.
50. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / изд. Археографической комиссии. – СПб., 1880.
51. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: ЗАО Питер. М., 1999.

52. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение / ПСС. Т. 25. – М., 1961.
53. Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. – М.: Наука, 2002. – 261 с.
54. Массон В.М. Первые цивилизации. – Л., 1989.
55. Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. Редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский, В. М. Макаревич (зам. гл. ред.), В. А. Попов, П. И. Пучков (зам. гл. ред.), Г. Ю. Ситнянский. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998, — 928 с.
56. Огарев Н.П. Избранные произведения в 2-х. т. – М.: Худ. лит., 1956.
57. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. 2-е изд. – М.: Научный мир, 2007. – 508 с.
58. Ортега-и-Гассет Х. Цит. по: Касьянова Ксения. Особенности русского национального характера. – М., 1993. – С. 134.
59. Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. – М., 1999.
60. Пайнс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX в. – М., 1970.
61. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Рус. нац. фонд, 2000. – 378 с.
62. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Эксмо, 2004.
63. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии. – СПб.: Изд-во РУГИ, 1997.
64. Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. – М., 1994.
65. Покровский М.Н. Избранные произведения. Т. 1–4. – М., 1965–1967.
66. Политология. Учебник для вузов / Под ред. М.А. Василика. – М., 1999.
67. Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993.
68. Политология для юристов: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 1999.

69. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х. т. / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Культурное имущество, 1992.
70. Правда русская. – М., 1963.
71. Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. – М.: Немецко-русский обмен, 2004.
72. Проект Федерального Закона за № 369 190–3–2006.
73. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: учебник для вузов. – М.: Аспект- Пресс, 2004.
74. Пучков П.И. Дивергенция языков и проблема корреляции между языком и расой. www.etnograf.ru/k_pub/puchkov_divergenciya1.php
75. Расогенетические процессы в этнической истории. – М., 1974.
76. Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Редкол.: А. Г. Здравомыслов, Н. М. Тихонова, А. А. Цуциев и др. – М.: РНИСиНП, 1998.
77. Рогачев П.М., Свердлин М.А.. Нация-народ-человечество. – М., 1967.
78. Рубан Л.С. Прогноз. Межнациональные противоречия в Астраханской области (социальный аспект) // Астраханские ведомости. – 1992. – № 11.
79. Руткевич М.Н. Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 19–32.
80. Свод законов Российской империи. Репринтное издание 1912 г.
81. Севастьянов А.Н. Этнос: миф и реальность.
<http://www.sevastianov.ru/rasa-i-etnos/etnos-i-natsya.html>
82. Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. – СПб., 1996.
83. Смит Э.Д. Национализм и историки / В кн.: Нации и национализм. – М., 2002.
84. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004.
85. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии: Учеб. для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 559 с.
86. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991.

87. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – С. 248.
88. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1939. – 6 с.
89. Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. – М.: SPSL–«Русская панорама», 2006. – 446 с.
90. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 3–26.
91. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997.
92. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
93. Тростников В.Н. Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты. – М., 2004.
94. Тростников В.Н. Христианское миропонимание и наука. Русские православные мыслители XIX в. – М., 2006.
95. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 98.
96. Указ императора Александра I от 13 сентября 1821 года «О возобновлении привилегий Российской Американской Компании и о утверждении составленных для оной новых правил». Полный свод законов Российской империи. – СПб., 1832. Т. 7.
97. Унамуно М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно / Пер. с исп. К.С. Корконосенко, В.Н. Андреева, В.Е. Багно и др. – М.: РАН Наука, 2002. – 394 с. – (Литературные памятники)
98. Устав об управлении инородцев / В кн.: Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. – М.: «Юринформцентр», 1999.
99. Федеральный закон от 17.06.1996 г. №74-ФЗ «О культурной автономии».
100. Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. – 1997. – № 1/2.
101. Фихте И.Г. Соч. в 2-х т. – СПб.: Мифрил, 1993.
102. Фюре Ф. Постигание Французской революции. – СПб.: Инапресс, 1998. – 224 с.

103. Хейвуд Эндрю. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 525 с.
104. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
105. Хуснутдинова Э.К. Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73. – № 7. – С. 614–621.
106. Хьюбнер К. Нация: от забвению к возрождению. – М.: Канон+, 2001. – 399 с.
107. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – М., 1939–1953. – Т. 2.
108. Шейсон. Цит. по: Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: ЗАО Питер, М., 1999.
109. Шиббаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 13–16.
110. Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. – 717 с.
111. Юнусбаев Б.Б. Популяционно-генетическое исследование народов Дагестана по данным о полиморфизме Y-хромосомы и Alu-инсерций. Автореф. дисс. канд. биол. наук. – Уфа, 2006. – 24 с.
112. Barth Frederick (Ed.). Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. – London: George Allen and Unwin, 1969.
113. Deutsch Karl W. Nationalism and Social Communication. 2nd ed. – 1965.
114. Deutsch Karl W. Tides Among Nations. – New York: Free Press, 1979. – 342 p.
115. Frank A.G., Gills B.K. The 5,000-Year World System – An Interdisciplinary Introduction / In: The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? – London: Routledge, 1993.
116. Lamberg R. The National State. The Formation of Modern Politics. – Oxford, 1981. – P. 31
117. Kedourie Elie. Nationalism. 4th, expanded ed. – 1993.
118. Kohn Hans. The Idea of Nationalism. – 1944, reissued 1967.

119. Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Ethnicity / In: Ethnicity. Theory and Experience. Glazer N. and Moynihan D. (Eds.) – Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1975. – P. 74–75.
120. Smith A. Gastronomy or geology? The role of nationalism in the reconstruction of nations / In: Nations and nationalism. Vol. 1. Part 1. March. 1995. – P. 3–32.
121. Smith A. Introduction: The formation of nationalist movements / Nationalist movements. L.: Basingstoke, 1976. – P. 2.
122. Smith A. Theories of Nationalism, 2nd ed. – London: Duckworth, and New York: Holmes and Meier, 1983.
123. Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. 1990.
124. Van den Berghe P. Human Family Systems. An Evolutionary View. – New York, Elsevier, 1979.
125. Verdery Katherine. What Was Socialism and What Comes Next. – Princeton University Press, 1996. – 298 p.
126. Wallerstein I. The Modern World System II. – New York: Academic Press, 1980.
127. Yaary A. // L'Histoire. – 1978. – Vol. 1. – P. 162.

Интернет-источники

www.perepis2002.ru/index.html?id=7

http://www.abkhazia.org/books/prav_konflicts/russia.html

<http://www.sevastianov.ru/rasa-i-etnos/etnos-i-natsya.html>

<http://www.hro.org/docs/ilex/un/genom.php>

http://www.africana.ru/racism/declorations/781127_declarm.htm

<http://fe.miem.edu.ru/downloads/files/oi-rus.pdf>

<http://slovari.yandex.ru/>

<http://dic.academic.ru/>

Ибрагимов Рустам Юрьевич – профессор, доктор социологических наук, генеральный директор Института стратегии национальной безопасности. Работал в органах прокуратуры народным судьей. В сфере его научных интересов находятся проблемы социологии, политологии, этнокультурного разнообразия. Большое внимание уделяет изучению места и значения Кавказа в российской истории. Он является автором 16 книг по различным аспектам национального вопроса в современных условиях, в том числе: "Экономическая безопасность современного российского общества", "Россия на Кавказе. Геополитические реалии", "Национальная элита в институциональном пространстве государства", "Россия при Путине: обретения, тревоги, надежды..." и др.